

Министерство образования Российской Федерации
Ивановский государственный университет

**ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
ОТ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
ДО ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ
(ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕКСТЫ)**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПАМЯТИ КЛАВДИИ ДМИТРИЕВНЫ АВДЕЕВОЙ**

Иваново
Ивановский государственный университет
2000

В сборнике, посвященном памяти выдающегося отечественного историка-медиевиста К.Д. Авдеевой (1925–1995 гг.), представлены научные статьи, охватывающие широкий спектр малоизученных проблем исторической мысли и историописания эпохи Средневековья и Возрождения, а также переводы прежде не переводившихся на русский язык исторических и историко-философских текстов VI–XVII вв.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется историей форм исторического сознания прошлых веков.

Сборник подготовлен кафедрой истории древнего мира и средних веков Ивановского государственного университета; издан при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальный исследований (Проект № 00-06-80215).

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук **И. В. Кривушин**
(ответственный редактор)

доктор исторических наук **Н. В. Ревякина**

доктор филологических наук **Н. Ю. Гвоздецкая**

кандидат филологических наук **Е. С. Кривушина**

кандидат исторических наук **В. М. Тюленев**

(ответственный секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

Раздел I: ИССЛЕДОВАНИЯ

В. М. Тюленев ГРЕКО-РИМСКОЕ ПРОШЛОЕ У ЛАКТАНЦИЯ: ВАРИАТИВНОСТЬ ТРАКТОВОК	8
Д. В. Кареев «БРЕВИАРИЙ» ЕВТРОПИЯ И ПРОБЛЕМА ПОТЕРЯННОЙ «ИМПЕРАТОРСКОЙ ИСТОРИИ»	26
Л. А. Самуткина КОНЦЕПЦИЯ ЛЕГЕНДАРНОЙ ИСТОРИИ У ИОАННА МАЛАЛЫ	41
И. В. Кривушин, Е. С. Кривушина АНТИЧНАЯ ТРАГЕДИЯ В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ: ЮСТИН МЛАДШИЙ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЕВАГРИЯ СХОЛАСТИКА	58
Н. Ю. Гвоздецкая ПОЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ИСТОРИИ В «БИТВЕ ПРИ БРУНАНБУРГЕ»	73
А. В. Вишневский БИТВА КАК ФЕНОМЕН АНГЛОСАКСОНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА)	89
Д. И. Полывянный ИСТОРИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИТУРГИИ (ЗАМЕЧАНИЯ О СИНОДИКЕ БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВИ)	101
Н. В. Ревякина КОЛЮЧЧО САЛЮТАТИ В СПОРЕ ОБ АНТИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ	116

В. Г. Безрогов ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛЬНОГО ОПЫТА В АВТОБИОГРАФИИ	130
---	------------

Раздел II: ТЕКСТЫ

Аноним Вalezия ИЗВЛЕЧЕНИЯ (пер. с лат. В.М. Тюленева).....	176
Иоанн Малала ХРОНОГРАФИЯ (пер. с греч. Л.А. Самуткиной)	194
Исидор Севильский ИСТОРИЯ ГОТОВ, ВАНДАЛОВ И СВЕВОВ (пер. с лат. А.М. Поповой и В.М. Тюленева)	203
Ненний ИСТОРИЯ БРИТТОНОВ (пер. с лат. Ю.Б. Першиной и В.М. Тюленева).....	222
АНГЛОСАКСОНСКАЯ ХРОНИКА (пер. с древнеангл. Н.Ю. Гвоздецкой).....	233
Эней Сильвий Пикколомини БОГЕМСКАЯ ИСТОРИЯ (пер. с лат. И.В. Кривушина и И.А. Мальцевой)	242
Луи Леруа О НЕПОСТОЯНСТВЕ ИЛИ РАЗНООБРАЗИИ ВЕЩЕЙ ВО ВСЕЛЕННОЙ (пер. с франц. Д.В. Самотовинского).....	253
Франсуа Фенелон МАЛЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ (пер. с франц. Л.А. Царьковой).....	268
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ К. Д. АВДЕЕВОЙ	278

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения» посвящен памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой (1925–1995 гг.), выдающегося отечественного ученого-медиевиста, доктора исторических наук, профессора. Клавдия Дмитриевна работала в Ивановском университете с 1980 г., вернувшись на родину после долгих лет преподавания в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена. В 1981 г. она создала и возглавила кафедру истории древнего мира и средних веков, тем самым заложив основу для серьезных исследований по медиевистике в Ивановском университете. В последние годы жизни внимание Клавдии Дмитриевны как ученого было сосредоточено на проблемах истории исторической мысли эпохи Возрождения и раннего Нового времени. В сфере ее интересов оказались такие крупные философы и историки XV–XVIII вв., как Никколо Макиавелли, Фрэнсис Бэкон, Джеймс Гаррингтон, Джамбаттиста Вико, Болингброк и Дэвид Юм. Под руководством Клавдии Дмитриевны эту проблематику стали разрабатывать и многие ее ученики.

Работы Клавдии Дмитриевны Авдеевой положили начало традиции изучения в Ивановском университете истории исторической мысли и исторического текста, в первую очередь эпохи Средневековья и Возрождения. В настоящее время это направление является одним из ведущих на историческом факультете Университета. В 2000 году, когда минуло пять лет со дня безвременной кончины Клавдии Дмитриевны и когда ей должно было исполниться семьдесят пять лет, ее коллеги, ученики и ученики ее учеников отмечают память Учителя своими исследованиями.

Настоящий сборник состоит из двух разделов. В первом представлены статьи, в которых рассматриваются самые разные аспекты исторического сознания и типы историописания от поздней античности, когда уходила в прошлое греко-римская историография и рождалась историография христианская и когда античный взгляд на историю уступал место средневековому, до эпохи Ренессанса, когда возрождение интереса к античной исторической мысли шло рука об руку с формированием новых подходов к истории, открывая путь истори-

ческой науке Нового времени. Основная часть статей посвящена раннему Средневековью — эпохе, исторические представления которой наименее изучены в отечественной медиевистике.

Освоение и введение в научный оборот оригинальных средневековых текстов Клавдия Дмитриевна Авдеева считала одной из главных задач современной науки. Она приложила много усилий, чтобы воспитать у своих учеников умение работать с историческим источником, видеть в нем внутреннюю логику, быть внимательным к каждому его слову. Вот почему в сборник включен также раздел, в котором представлены переводы фрагментов еще не переводившихся (за исключением «Истории бриттонов» Ненния) на русский язык греческих, латинских, древнеанглийских и французских текстов VI–XVII вв. — как собственно исторических сочинений, так и трудов историко-философского характера.

Мы надеемся, что это издание даст новый импульс исследованиям средневековых и ренессансных форм исторического сознания.

Раздел I:
ИССЛЕДОВАНИЯ

**ГРЕКО-РИМСКОЕ ПРОШЛОЕ У ЛАКТАНЦИЯ:
ВАРИАТИВНОСТЬ ТРАКТОВОК***

Интерес ранних христиан к языческому прошлому не был случайным. Его провоцировали сами язычники, обвинявшие христианскую религию в относительной «молодости», что оказывалось, по сути, обвинением ее в несостоятельности и неистинности. Для опровержения своих оппонентов христианские апологеты вынуждены были сопоставлять собственную (библейскую) историю с историей греко-римской цивилизации, отыскивая при этом необходимые аргументы для доказательства несравнимо большей древности христианства относительно язычества. Греческая апологетика в лице Юстина Мученика, Татиана, Феофила Антиохийского, отталкиваясь от «восточной теории» Гекатея и «истории Моисея», сумела добиться интеллектуального торжества над защитниками языческой древности, убедительно доказав, что вся мудрость греков корнями своими уходит в мудрость Моисея, а все технологические изобретения, считавшиеся традиционно также греческими, являются открытиями варварской культуры. В результате христианство оказывалось древнейшей из религий, и именно оно, по мысли ранних апологетов, способствовало тому, что человечество вышло из варварства к цивилизации¹. Отсюда неизбежно вытекал вывод о прогрессе, переживаемом историей благодаря христианству.

Лактанций, взявшийся за писательское перо и прославившийся «Божественными установлениями» в начале IV столетия, когда уже, казалось, спала прежняя острота полемики по поводу временных приоритетов, оказался, с одной стороны, продолжателем апологетической традиции II–III вв., с другой же, благодаря постановке в своем сочинении целого ряда нетрадиционных для предшествовавшей христиан-

* Исследование проведено при поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований (Проект № 00-06-80215).

¹ Подробно см. об этом: *Droge A.J. Homer or Moses? Early Christian Interpretation of the History of Culture*. Tübingen, 1989.

ской мысли вопросов, дал совершенно новое толкование греко-римскому прошлому.

Обращаясь к языческой мифологии, Лактанций возводит начало истории греков и римлян к царствованию Сатурна. Впервые о Сатурне Лактанций говорит в первой книге своего апологетического труда, доказывая, как и его предшественники, относительную «молодость» язычества, с одной стороны, и, с другой, убеждая читателя в том, что языческие боги, в том числе Сатурн, судя по их подвигам, не достойны поклонения. Но несмотря на то, что Лактанций подобно своим христианским предшественникам подвергает уничижающей критике нравственную сторону жизни языческих богов, он в той же первой книге, ссылаясь на античных поэтов, пишет, что в царствование Сатурна существовал «золотой век» (*Lact. Div. inst. I. 11. 51*)². Эта идея специально разрабатывается автором в пятой книге сочинения.

«Золотой век», реальность которого Лактанций, безусловно, признает (*Lact. Div. inst. V. 5*), включается им в модель мировой истории и получает хронологическое определение. Так, Лактанций, следуя, с одной стороны, общей тенденции ранней апологетики, преследовавшей цель доказать через удревление христианской истории (относительно истории греко-римской) истинность своей веры (*Theoph. Ad Autol. III. 16*; Ср.: *Lact. Div. inst. IV. 5. 3-5*), а с другой стороны, согласно римской традиции, соотносившей «золотой век» с царствованием Сатурна (*Verg. Georg. II. 538*), хронологически разводит начало человеческой истории и золотые времена, «описанные поэтами». «Золотой век» ограничивается у Лактанция периодом правления Сатурна, каковой, полагаясь на авторитет Сивилловых Книг, он относит к временам, последовавшим за потопом (*Orac. Syb. III. 109-110*). Лактанций, используя хронологию Феофила Антиохийского и стремясь определить конкретные временные границы событий ветхозаветной и римской истории, удаляет эпоху Сатурна на 1800 лет от времен, современных ему самому (*Lact. Div. inst. I. 23. 5*). По той же хронологии потоп произошел на 2242 году от Сотворения мира (*Theoph. Ad Autol.*

² Мы уже писали о трактовке Лактанцием «золотого века» (см.: Тюленев В.М. Место «золотого века» в исторической концепции Лактанция // Проблемы древней и средневековой истории. Иваново, 1999. С. 37-46), однако высказанная нами прежде позиция требует некоторой корректировки.

III. 28). Подобная хронологическая локализация «мифологического события» в сочинении нашего автора придает самому этому событию безусловный статус исторического факта³.

При этом Сатурн, государь «золотого века», рассматривается Лактанцием как реально существовавший итальянский правитель. Корни подобной оценки персонажа римской мифологии без труда обнаруживаются в христианской апологетической традиции, демифологизировавшей языческих богов. Безусловно, уже в самой языческой литературе мы можем наблюдать это самое «разбожествление», проистекавшее как из аллегорического прочтения мифов, так и из рационалистического их восприятия. С одной стороны, в рамках аллегорического восприятия мифологических сюжетов, традиция которого в римскую культуру проникла из Греции, ставился знак равенства между Кронос и Хронос, и поэтому в Сатурне видели образ неумолимо текущего и всепоглощающего времени⁴.

С другой стороны, с Евгемера Безбожника (IV в. до н. э.) берет свое начало рационалистическое истолкование мифов⁵, приведшее впоследствии к буквально-историческому их прочтению. Так, в римской литературе Тацит рассматривает интересующего нас, в связи с Лактанцием, Сатурна как лицо вполне реальное: «...иудеи бежали с острова Крита ... еще в те времена, когда Сатурн, побежденный Юпитером, оставил свое царство» (*Tac. Histor. V. 2*). Эта традиция видеть в

³ В самой античной литературе мы сталкиваемся с различной степенью мифологизации «золотого века»: от полной сакрализации его у Гесиода (*Hes. Opp.* 109–126) до придания «золотому веку» исключительно исторических черт у Сенеки (*Sen. Ad Lucil. XC. 4–5*) и Тацита (*Tac. Ann. III. 26*). О восприятии «золотого века» в античной культуре см.: *Кнабе Г.С.* Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // *Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 135–166*; *Schwabl H.* Zum antiken Zeitaltermythos und seiner Verwendung als historiographisches Modell // *Klio. 1984. Bd. 66. Heft 2. S. 405–415*.

⁴ Отражение этих взглядов нетрудно обнаружить как в римской языческой, так и в христианской литературе, воспринявшей подобные идеи. Ср.: *Cic. De natur. deor. II. 64.* (речь стоика Бальбы; это место цитирует Лактанций, *Lact. Div. inst. I. 12. 9*); *Tertull. Ad nation. II. 12*.

⁵ Об этом см.: *Cic. De natur. deor. I. 119.* О влиянии «Священной истории» Евгемера на Лактанция см.: *Максимова И.* Интерпретация римской религии у Арнобия и Лактанция // *Античность Европы. Пермь, 1992. С. 104–105.*

Сатурне италийского правителя переходит и в христианскую литературу, с которой, безусловно, был знаком Лактанций. Минуций Феликс в «Октавии», ссылаясь на римских авторов, в том числе и на историков Корнелия Непота и Диона Кассия, говорит о том, что «...Сатурн, убежав с Крита от преследования своего разгневанного сына, прибыл в Италию...» (*Minut. Fel. Oct.* 22)⁶. Тертуллиан в «Апологии», повторяя, по сути, слова Минуция Феликса, также не чужд оценки Сатурна как некогда реально существовавшего человека (*Tertull. Apol.* X. 5-10)⁷.

Однако до Лактанция мы не сталкиваемся в христианской литературе с хоть сколько-нибудь целостным восприятием «золотого времени» человечества⁸. Замечания Минуция Феликса и Тертуллиана по поводу Сатурна не выходят за рамки критики римской мифологии, и главной их целью оказывается стремление доказать несправедливость оценки Сатурна как родоначальника богов и людей. Тертуллиан, фиксируя лишь присутствие «золотого века» в царствование Сатурна (*Tertull. Ad nation.* II. 13), не определял исторического места данной эпохи, которая оказывалась вне причинно-следственного порядка истории.

Следуя идеям античной литературы и философии, а также оценкам Оракула Сивилл, Лактанций наделяет «золотой век» особыми качествами, собственно делающими этот век золотым⁹. Непременной особенностью античного видения «золотого века» является наделение

⁶ Лактанций в «Божественных установлениях», в том месте, где он разоблачает «божественность» Сатурна, ссылается именно на Минуция Феликса. См.: *Lact. Div. inst.* I. 11. 55.

⁷ См. также: *Tertull. Ad nation.* II. 12, где Тертуллиан говорит: «... он [Сатурн] был человеком и его нельзя считать ни богом, ни временем. <...> После странствия по многим странам и остановки в Аттике он поселился в Италии...».

⁸ Однако мы не вправе говорить, что модели изображения первобытного состояния человечества, используемые языческими авторами, не были известны ранним христианам. Так, считается, что Феофил Антиохийский при описании райской жизни первых людей чрезвычайно зависит от гесиодовского описания «золотого века»: *Droge A.J.* Op. cit. P. 103.

⁹ О представлении о «золотом веке» в римской литературе см.: Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Новосибирск, 1994. Ч. 1-2.

его абсолютной благостью. Так, уже с Гесиода времена золотого поколения предстают царством красоты, гармонии и блаженства:

Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
(Hes. Opp. 112–115, пер. В. В. Вересаева)

Эта традиция с некоторыми вариациями проходит через всю античную языческую литературу. И у Овидия:

Вечно стояла весна; приятный, прохладным дыханьем
Ласково нежил эфир цветы, не знавшие сева...
Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях

(Ovid. Met. I. 107–110, пер. С. Шервинского),

и у Сенеки: «В том веке, который зовут золотым ... царствовали мудрецы. Они не допускали драк и защищали слабейших от сильных, они убеждали и разубеждали, показывая, что полезно, а что нет <...> лежащими на виду благами природы пользовались все без разбору» (Senec. Ad Lucil. XC. 5; XC. 35, пер. С. А. Ошерова), — по-разному представлявших «золотой век», благополучием, как видим, пронизано все. Пусть это по-разному подается: у одного через изображение вечно благоухающей весны, у другого — через выделение характерных для того века всеобщего равенства, справедливости и отсутствия пороков — смысл остается один: этот век потому и золотой, что в нем нет места отрицательному, порочному, т.е. царит всеобщее благо. Малейшее нарушение этой гармонии ведет к гибели «золотого века» и к «порче времен» (Senec. Ad Lucil. XC. 6).

Лактанций, воссоздавая в «Божественных установлениях» образ «золотого века», или века Сатурна, строит его в своей основе на характеристиках, которые он заимствует из произведений римских писателей, о чем свидетельствуют используемые им цитаты из сочинений Германика Цезаря, Цицерона и Овидия. Автор пишет об отсутствии войн и раздора в золотые времена, о материальном благополучии и изобилии (Lact. Div. inst. V. 5–8.), называет тот век временем мудрецов (Lact. Div. inst. IV. 1. 6). Однако этими формальными признаками «золотого века», которые мы обнаружим и у Сенеки (Senec. Ad Lucil. XC. 4–5), не ограничивается характеристика, даваемая временам Сатурна Лактанцием. К традиционным оценкам «золотого века», кото-

рые легко обнаружить в греко-римской литературе, Лактанций добавляет свои, христианские.

Развивая концепцию «золотого века», Лактанций реализует сразу несколько традиционных для христианской апологетики подходов к рассмотрению истории, важнейшие из которых были связаны с ответами на вопросы о причинах появления языческих суеверий и о культурно-исторических условиях развития цивилизации (развитие государственности и появление законов, технический прогресс, развитие нравственности и т.д.). Однако следует сразу заметить, что Лактанций, обращаясь к трактовке греческой и римской религий, в качестве наиболее авторитетных источников использует сочинения более ранних апологетов, в частности Минуция Феликса и Тертуллиана, но более всего — «Священную историю» Евгемера, переведенную на латинский язык Эннием. Чрезвычайная зависимость именно от этого «атеистического» сочинения определила особенности понимания Лактанцием не только истории языческой религии, но и истории как таковой.

Если во второй книге «Божественных установлений» Лактанций, специально останавливаясь на проблеме Господнего творения, еще как-то пытается сформировать некий «христианский» образ первых веков человеческой истории, акцентируя внимание, главным образом, на моральном аспекте, то еще ранее, в первой же книге своего сочинения, обращаясь к природе языческих богов, Лактанций, используя для создания собственной исторической картины те характеристики, которыми пользовались греческие и римские авторы, обращавшиеся в своих произведениях к началу человеческой истории, рисует необычную для христианина картину зари человечества.

Изменяя вековой апологетической традиции, забывая все, чего достиг в споре с греками Феофил Антиохийский, Лактанций отвергает человечество эпохи первых языческих богов (человечество, отстоящее от потопа на сотни лет) в дикое первобытное варварство. Если Феофил настаивал на том, что именно «христианская» культура, первые библейские поколения создают цивилизацию,¹⁰ то Лактанций, следуя

¹⁰ Именно Феофил Антиохийский первым среди апологетов выступил с христианской концепцией истории технической культуры, основанной на толковании книги *Бытия*, доказав, что человечество всеми изобретениями обязано прежде всего христианской культуре. См.: *Droge A.J. Op. cit.* P. 110—116.

писателям евгемеровской школы, встает, по сути дела, на сторону оппонентов антиохийского мыслителя, относя начало технического прогресса и развития государственности к довольно позднему времени — эпохе первых (неиудейских) царей.

Несмотря на «благополучие и изобилие», царившие в эпоху «золотого века» Сатурна, век тот, для Лактанция, далек от подлинной благодати. В «Божественных установлениях» мы читаем, что «Сатурн, Опа и прочие, жившие тогда, люди питались человеческой плотью» (*Lact. Div. inst. I. 13. 2*), это время, не знавшее искусств и ремесел, время, не имевшее ни нравственных, ни гражданских законов, время, когда люди жили не в городах, но в сельской местности (*Lact. Div. inst. I. 15. 2*). «Золотой век» оказывается не таким уж и золотым.

Лактанций не первый, кто лишает «золотой век» абсолютной благодати через ссылку на царившие в то время нарушения нравственности. В данном случае автор «Божественных установлений» повторяет положения своего предшественника-единоверца Тертуллиана. Тертуллиан в трактате, обращенном к язычникам, говоря о «золотом веке», существовавшем при Сатурне (*Tertull. Ad nation. II. 13*), и следуя во многом, как и Лактанций, сообщениям античных поэтов (он цитирует Вергилия), и, повторяя традиционный для античной литературы тезис о благополучии, царившем во времена Сатурна, не забывает упомянуть о существовавших тогда кровосмешениях и отцеубийствах. Оправдание этих пороков у апологета III века отсутствием законов, «воспрещавших» эти преступления (*Ibid. II. 12*), созвучно с тезисом Лактанция о незнании «первыми» людьми нравственных норм.

Рассматривая историю с позиции нравственного совершенствования, обнаруживая в этой связи явный прогресс человечества, Лактанций дает позитивную оценку даже такому критикуемому христианской мыслью (и им самим) явлению, как введение религиозного почитания богов. Сообщая о Нуме Помпилии, Лактанций не забывает упомянуть, что этот римский царь «учредил понтификов, фламингов, салиев, авгуров, разделил богов по семьям: так укротил дикие души еще одного народа и привлек от военных занятий к мирным делам» (*Lact. Div. inst. I. 22. 4*).

Лактанций, следуя Евгемеру, рассматривает далеко не в христианском духе историю культуры. Нарушая принятую хронологию, которой следовал и сам, Лактанций пишет, что только с Сатурна берет

начало институт царства, забывая при этом историю иудеев, первые цари у которых появляются за сто сорок лет до века Сатурна. Развивая далее идею прогресса цивилизации, Лактанций переосмысливает историческую роль, которую отводили Юпитеру ранние апологеты. В данном, евгемеровском, прочтении истории Юпитер не тиран, не отцеубийца, не развратник, а родоначальник нравственных норм и цивилизованности. Именно он, «первый, составив для людей законы и нормы нравственности, запретил эдиктом употреблять в пищу человеческую плоть» (*Lact. Div. inst. I. 13. 2*).

Лактанций, демифологизируя языческих богов, причисляя их к человеческому роду, и пытаясь объяснить те причины, которые побуждали людей считать Сатурна и его потомков богами, исключительно в евгемеровском, а значит в эллинистическом, духе решает проблему культурно-исторических обстоятельств технического прогресса. Среди причин обоготворения Лактанций называет человеческую благодарность царям за их благодеяния и улучшение жизни при них: «...они были великими и могущественнейшими царями, в благодарность за их добродетели или благодеяния, или за *изобретения ими искусств*, и поскольку они были дороги тем, над кем они правили, в память [об этом] они были причислены к богам» (*Lact. Div. inst. I. 8. 8*; курсив наш. — *B.T.*). В единственном месте, во второй книге, Лактанций прислушивается к мнению своих христианских предшественников и заявляет, что виноделие было известно задолго до Либеры, ибо изобретателем его был Ной (*Lact. Div. inst. II. 14. 3*). Во всех остальных случаях Лактанций, настаивая на том, что необходимо почитать Творца всего сущего, а не тех людей, которые стали использовать сотворенное Богом для искусств и ремесел, признает изобретение медицины за Эскулапом, кузнечного ремесла — за Вулканом, всех прочих ремесел — за Минервой: «... безусловно, есть Минерва, которая изобрела все, потому-то мастера ей и поклоняются. И вот благодаря тем низким людям Минерва и поднялась на небо. Почему же всякий пренебрегает тем, кто создал землю с живущими [на ней], небо со звездами и светилами <...> Что же тот, кто раны на теле лечит? Неужели он превосходнее того, кто сами тела эти создал? Тот, кто дал понимание и разум? И, наконец, тот, кто сами травы и все прочее, на чем стоит искусство исцеления, придумал и произвел?» (*Lact. Div. inst. I. 18. 23–25*). Таким

образом, технический прогресс связан у Лактанция прежде всего с эллинистической культурой.

Прогресс видится Лактанцию и в увеличении интеллектуально-го богатства человечества. Вслед за семью мудрецами, «когда возросло знание <...> рвением к поиску истины загорелась вся Греция» (*Lact. Div. inst. IV. 1. 8*). Однако, обнаруживая у Лактанция оптимистическое видение языческой истории, мы не можем признать его концепцию исторического прогресса абсолютной, хотя решение ее чрезвычайно оригинально для раннехристианской мысли.

Оптимистический взгляд на историю, не чуждый христианской апологетической мысли в принципе, решается Лактанцием абсолютно не в традиционном для апологетики духе. Христианские предшественники и современник Лактанция, Евсевий, заимствовав идею неуклонного подъема цивилизации у своих языческих оппонентов (прежде всего у эпикурейцев), чрезвычайно христианизировали ее, обосновывая иудейское происхождение всех основных достижений цивилизации (Феофил Антиохийский), главную заслугу же в движении человечества (а скорее иудейского народа) к техническому и культурному совершенствованию отдавали деятельности обучающего Логоса (Евсевий Кесарийский)¹¹.

Подобное «нехристианское» решение данного вопроса не позволило Лактанцию, в конечном итоге, связать концепцию прогресса мировой цивилизации с центральным историческим событием — Воплощением Христа, что успешно делает его современник Евсевий.

Однако обращение к эллинистической истории не исчерпывается у Лактанция ее оптимистической оценкой. К прочтению греко-римского прошлого в евгемеровском духе Лактанций добавляет суждения, основанные, главным образом, на апологетической традиции. Евгемер, сделав языческих богов простыми смертными, не объяснил самого главного, с точки зрения автора «Божественных установлений», он не показал, какие последствия для человечества имело это нелепое обожествление смертных людей.

Время правления Сатурна для Лактанция — время всеобщего, абсолютного единобожия: «Ведь когда царствовал Сатурн, когда еще не были установлены культы богов, когда еще *ни один народ* не обра-

¹¹ *Кривушин И.В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998. С. 59–60.

шался к фантазиям о богах, Бог как бы то ни было почитался» (*Lact. Div. inst. V. 5. 3*; курсив наш. — *B.T.*). При этом Лактанций абсолютно забывает, что Сатурн жил много позже, чем восприняли египетские заблуждения евреи, показывая параллельное существование в его исторической концепции двух традиций (христианско-апологетической и традиционно-атеистической).

Именно монотеизм, с точки зрения Лактанция, наполняет времена Сатурна особыми качествами, благодаря которым тот век оказывается золотым. Однако этот «золотой век» единобожия очень скоро погибает, уступая место временам безбожия. Вопрос о гибели «золотого века» необычайно актуален для Лактанция, решение его подводит Лактанция к определению причин появления многобожия на земле¹².

Лактанций, хронологически соотнося «золотой век» с веком Сатурна и воспринимая последнего как историческую личность и государя, связывает гибель этого века с политическими изменениями. Христианский автор переносит в историю мифологическое сообщение об отцеубийстве Юпитера, изображая это как мятеж сына против правящего отца (*Lact. Div. inst. I. 10. 10*)¹³.

Нововведения, следовавшие за этим переворотом, — а Лактанций прежде всего обращает внимание на установление Юпитером

¹² Языческие «учителя» Лактанция не проявляли особого интереса к процессу и тем более причинам падения или исчезновения «золотого века». Гесиод лишь констатирует факт появления нового серебряного поколения, когда «золотые люди» «волей великого Зевса» были превращены в демонов (*Hes. Opp. 121–128*). Сенека об этом пишет столь же неопределенно. Причина упадка для него — в «исподволь появившихся пороках» (*Senec. Ad Lucil. XC. 6*). Но даже из кратких эпистолярных сообщений Луция Аннея видно, что приверженец стоической философии рассматривает этот переход как эволюционный шаг, когда «порча» постепенно охватывает все общество в целом.

¹³ Юпитер, критикуемый в апологетике чаще всего за свою разнuzданную, переполненную любовными связями жизнь, еще до Лактанция воспринимается как мятежник. Так, Юстин Философ в «Первой апологии» называет Юпитера прежде всего отцеубийцей (*Just. 1 Ap. 21. 5*), а саму историю об изгнании Сатурна и появлении его затем в Италии (*Lact. Div. inst. V. 5–6*) Лактанций мог заимствовать также в христианской литературе: либо у Минуция Феликса (*Minut. Fel. Oct. 22*), либо у Тертуллиана (*Tertull. Ad nation. II. 12*).

собственного культа и культа богов (*Lact. Div. inst. V. 5. 9*), — привели «золотой век» к гибели вследствие отступления общества от истинной религии: «Царь тот сверг жизнь человеческую в такое состояние, что одолев и изгнав отца, он обрел не царскую власть, но силой и с помощью войска [установил] гнусную тиранию и уничтожил тот золотой и праведный век и заставил людей быть злыми и нечестивыми, конечно из-за того, что самих их отвратил он от Бога для поклонения себе самому» (*Lact. Div. inst. V. 6. 4*)¹⁴. Люди, утратив истину, — пишет Лактанций в другом месте трактата, — «обратились к порочным и тленным богам. За подобными религиями последовали несправедливость и нечестивость <...> Последовал разлад рода человеческого» (*Lact. Div. inst. IV. 1. 5*).

Таким образом, Лактанций оценивает уничтожение «золотого века» как результат волевого акта. Однако вина за введение язычества возлагается не только на Юпитера, установившего собственный культ и заставившего других царей воздвигать в его честь храмы (*Lact. Div. inst. I. 22. 21–22*), но и на людей, которые, подражая своему царю, оставили «всякое благочестие» (*Lact. Div. inst. V. 6. 6*). Говорить о каком бы то ни было историческом детерминизме в подобной ситуации не приходится. Бог даже не пытается противостоять возникающему хаосу. История на данном временном отрезке абсолютно лишена участия сверхъестественных сил.

Лактанций, обращаясь к религиозной языческой истории, стремится увидеть в ее порядке некий универсальный принцип. Для него безусловно важно, что история получает импульс в определенной

¹⁴ В. Буххайт, склонный усматривать в описании Лактанцием века Юпитера критику современного Лактанцию состояния империи, обращает внимание читателей прежде всего на упоминание в «Божественных установлениях» характерных для периода, последовавшего за «золотым веком», клиентел, знаков и символов римской власти, оружия: *Buchheit V. Der Zeitbezug in der Weltalterlehre des Lactanz (Inst. 5,5–6)* // *Historia. Bd. 28. 1979. S. 472*. В этом, думается, отразилось не столько непочтение Лактанция к состоянию римского государства времен Диоклетиана-Галерия, сколько уровень его исторического сознания, не позволявший апологету видеть различие высших атрибутов государственности на разных этапах истории Рима. Любопытнее замечание В. Буххайта об особой интерпретации Лактанцием высказываний античных писателей, сообщавших о Юпитере: *Ibid. S. 474*.

пространственно-временной точке, из которой начинается ее движение виришь, на свободное историческое пространство переносятся уже известные исторические явления и модели. В основе такого понимания прошлого лежит имеющая античные корни идея педагогической сущности исторического процесса. Для Лактанция чрезвычайно значимой оказывается именно дидактическая сторона истории, причем, как мы убедимся впоследствии, это характерно не только для языческой, но и христианской (ветхо- и новозаветной) истории.

Нечестивая жизнь Юпитера становится примером для подданных, которые вслед за своим царем, оставляют «всякое благочестие» (*Lact. Div. inst. V. 6. 6*). Причина нравственного падения людей состоит именно в том, что они стали следовать порочности тех, кого причислили к богам. Юпитер лишь один из частных случаев. Лактанций вспоминает о традиции ежегодного празднования Флоралий: «устраивают те празднества со всей разнузданностью, сообразно памяти о той блуднице [Флоре]» (*Lact. Div. inst. I. 20. 10*).

Распространение по земле во многом схожих друг с другом священнодейств в честь богов объясняется Лактанцием также перенесением исходной формы на незатронутое языческим нечестием общество. Религиозная история греков становится моделью для сакральной истории римлян. Исходный тезис Лактанция состоит в том, что языческое поклонение зарождается в Греции и оттуда переходит к другим народам (*Lact. Div. inst. I. 15. 14*)¹⁵. Лактанций, рассуждая о поклонении римлян Волчице, вскормившей Ромула, и доказывая с опорой на сообщение Тита Ливия, что под прозвищем Волчицы (Lupa) скрывается блудница Ларенция, развивает мысль об историческом заимствовании: «Конечно, римляне в подобном представлении следуют примеру афинян, у которых была некая блудница по имени Лыица (Leaena),

¹⁵ Лактанций, следуя моноцентрической концепции истории культуры, признает, что любое культурно-историческое явление (в данном случае язычество) берет начало в одном (особом) месте и потом распространяется на весь остальной мир: «Это зло родилось у греков, легкомыслие которых, наделенное ораторским даром и силой, подняло невероятное множество облаков лжи. И вот, поклоняясь им, они [греки] первые учредили в их честь священнодействия и передали всем народам» (*Lact. Div. inst. I. 15. 14*). Лактанций, увлеченный египетской трактовкой истории языческих богов, совсем забывает про Египет, оказавшийся вместе с Иудеей как бы вне созданной им эллиноцентрической картины истории.

избавившая их от тирана, а поскольку статую блудницы нельзя было помещать в храме, там установили изваяние животного, чье имя она носила» (*Lact. Div. inst. I. 20. 3*). И вновь, говоря на этот раз о появлении у римлян во время войны с галлами культа Венеры Лысой, Лактанций, проводя параллели с культом Венеры Вооруженной, который зародился у спартанцев во время войны с мессенцами, пишет: «Вероятно, римляне научились измышлять себе богов, основываясь на происшедшем, у лакедемонян» (*Lact. Div. inst. I. 20. 29*).

Юпитер, рожденный на Крите и заставлявший царей, которых удостаивал своим посещением, воздвигать в память о себе и о совместной дружбе храмы, послужил примером для нововведений Энея на Сицилии: «Нечто подобное на Сицилии совершил Эней, когда основанному городу Ацесте присвоил имя союзника, так что потом счастливый и радостный Ацест почитал этот город, расширял его и украшал. Таким способом Юпитер распространил по всей земле религиозное поклонение себе, и другим дал пример для подражания» (*Lact. Div. inst. I. 22. 25*). Второй римский царь Нума Помпилий, избирает способ придать авторитет выдуманным религиозным законам, подражая опять-таки критскому царю Миносу, который еще до Нумы удалялся в пещеру, где якобы сам Юпитер излагал ему законы (*Lact. Div. inst. I. 22. 1–3*).

Обращаясь к истории языческой религии и связанному с ней перевороту Юпитера, Лактанций лишает свой взгляд на историю нравственности былого оптимизма. Оказывается, Юпитер не только не улучшает своими законами моральный облик человечества, но, напротив, моральное состояние людей переживает явный регресс. Совершенно в духе стоической философии Лактанций рассуждает о нравственной стороне гибели «золотого века». В результате переворота Юпитера место справедливости заняли войны, насилие, грабежи. Люди, пишет Лактанций, забыв, что являются детьми единого Бога, перестали ценить друг друга, начали ограждать от ближнего свою собственность и защищать ее, появились алчность, жадность, корыстолюбие (*Lact. Div. inst. V. 5–6*). Таким образом, религиозному падению, связанному с отступлением от истинной веры, соответствует нравственный регресс.

История римской государственности в данном случае рассматривается Лактанцием как результат и неизбежное следствие религиоз-

ного отступления и нравственного падения. Возникновение консулата Лактанций трактует исключительно как необходимый шаг для поддержания несправедливости: «... с тех пор, как они [богатые] поработили остальных, они стали отнимать и собирать самое необходимое для жизни и создали консулов зорко следить [за всем]» (*Lact. Div. inst. V. 6. 2*). Законы, выдуманные Юпитером, были «несносны и несправедливы»; высокомерие заставило сильных окружить себя «свитой телохранителей, украсить себя оружием и особым одеянием» (*Lact. Div. inst. V. 6. 3*). Тогда же, после мятежа Юпитера, появляются и знаки римской политической власти: порфиры и фасции, чтобы их обладатели, «опираясь на страх перед топорами и мечами, [могли] повелевать будто бы по праву властителей над поверженными и объатыми ужасом» (*Lact. Div. inst. V. 6. 3*).

История культуры рассматривается в данном контексте столь же пессимистично. Более того, появляющаяся культура, в трактовке Лактанция, оказывается одним из условий сохранения и упрочения многобожия. Изобретение искусства ваяния пагубно, поскольку вместе с этим искусством появляются идолы, которым люди начинают поклоняться, забывая о Боге (*Lact. Div. inst. I. 15. 4*). После скульпторов «появились также поэты и, слагая для наслаждения поэмы, подняли тех [людей] на небо» (*Lact. Div. inst. I. 15. 13*). Ораторское искусство также не дало ничего положительного, а лишь покрыло истину «пеленой лжи».

Вместе с «золотым веком» уходит в небытие и эпоха истинных мудрецов, когда все люди были одинаково мудры (*Lact. Div. inst. IV. 1. 6*). За ней последовал «ничтожный и несчастный век, когда на всей земле жило только семь мудрецов», к тому же эти люди, называвшиеся мудрецами, на деле таковыми не были (*Lact. Div. inst. IV. 1. 8*). Несмотря на необычайный всплеск интереса к поиску истины, который пришлось пережить Греции, истина по-прежнему оставалась сокрытой от людей. Таким образом, само появление философии свидетельствует для Лактанция о падении человечества, подтверждает отступление его от истины. Античная языческая философия трактуется Лактанцием как тщетная попытка эту истину обнаружить.

Само существо философии, несвязанность ее с истинной религией, предопределило, по мнению Лактанция, бесперспективность

поиска такой религии (*Lact. Div. inst. IV. 3. 3*)¹⁶. Несмотря на то, что Лактанций выстраивает своего рода цепь сменяющих друг друга философских учений от Фалеса Милетского до Сенеки (*Lact. Div. inst. I. 5. 16–23*), история философии у него лишена развития: уже греческие мудрецы признают под разными именами Провидение, что делают и их римские последователи. Вряд ли стоит искать у Лактанция идеи, связывающие развитие языческой философии с приготовлением к Евангелию. В отличие от своих предшественников (Юстина и Татиана) и современника (Евсевия), Лактанций игнорирует идею заимствования мыслителями древности частиц истины у ветхозаветных мудрецов, в первую очередь — у Моисея. Все античные философы одинаково близки и одинаково далеки на пути к истине, а результаты их поиска не только не приводят к ее открытию, но даже не способствуют улучшению нравов (*Lact. Div. inst. V. 1. 12*)¹⁷.

Чтение «Божественных установлений» до определенного момента способно произвести впечатление, что автору достаточно концепции Евгемера для задуманного опровержения язычества и учения стоиков для уничтожения достижений греко-римской цивилизации. Лишь в конце второй книги Лактанций обращается к христианскому пониманию структуры мира и сил, в нем действующих.

Именно тогда мы видим, как евгемеровская концепция дополняется христианскими идеями. Лактанций обращается к традиционной для раннехристианской литературы проблеме — демонологии. При этом Лактанцию не удастся окончательно примирить две «атеистические», по отношению к народной религии, позиции. Теперь, следуя во многом Юстину Философу (*Jus. 1 Ap. 5; 2 Ap. 5*) и Иринею Лионскому (*Iren. Epid. 17–18*), Лактанций утверждает, что изобретателями астрологии, магии, некромантии, а также искусства ваяния были именно демоны, они же заставили людей воздвигать умершим царям храмы, сохранять их портреты. Вершиной этого оказалось то, что демоны присвоили себе имена царей и все воздаваемые им людьми почести

¹⁶ Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С. 134.

¹⁷ Вопрос о приготовлении человечества к Евангелию был особенно важен для Евсевия Кесарийского, который считал, что мудрость Моисея, проникнув к философам других народов, позволила вывести те народы из состояния «первобытной дикости». См.: Кривушин И. В. Указ. соч. С. 14.

(*Lact. Div. inst.* II. 16–17). Уже не Прометей изобретает искусство изготовления скульптурных изображений людей (*Lact. Div. inst.* II. 11. 10), не Юпитер, сын царя Сатурна, устанавливает себе храмы (*Lact. Div. inst.* I. 22. 21), все это оказывается происками демонов. Таким образом, Лактанций, не совсем удачно пытаясь связать воедино две традиции (евгемеровскую и апологетическую), отталкиваясь от позиций, изложенных в «Священной истории», приходит в конечном итоге к точке зрения своих христианских предшественников, утверждавших, что языческие боги не что иное, как демоны.

Однако нетрудно убедиться в том, что обращение Лактанция к демонологии не решает традиционных для апологетической литературы проблем. Показать дьявольское происхождение языческой религии Лактанцию не удастся, более того, он к этому и не очень стремится. Само обращение его к демонологии выглядит довольно неожиданным. Лактанций, признавая, что под богами, которым поклоняются римляне, скрываются носители злого начала, создает собственную картину религиозной истории, в чем мы уже смогли убедиться. Демоническое, по природе своей, язычество своим появлением обязано вовсе не злым духам, которые лишь воспользовались человеческим желанием сохранять память о людях, достойных таковой. Ни Юстин, ни Феофил, ни Ириней подобным образом языческую религию не оценивали.

Разнообразие и противоречивость оценок, которые дает эллинистическому прошлому Лактанций, обеспечило то, что столь же неоднозначно решается им вопрос о механизмах осуществления истории, место истинной религии в которой заняло ложное многобожие. Несмотря на то, что Лактанций активно доказывает существование в мире Провидения, чему посвящает большую часть первой книги и к чему неоднократно возвращается в дальнейшем, о Боге как реальном участнике истории язычников он не торопится говорить. Для читателя первой книги «Божественных установлений» несомненным представляется тот факт, что историю у Лактанция творят сами люди. Именно они без участия Бога и тем более Дьявола улучшают свою жизнь (изобретения искусств и ремесел царями или героями), именно человек — Юпитер — объявляет себя богом, а его подданные, либо раболепствуя, либо из чувства благодарности за подаренные нравственные законы и полезные изобретения, возносят его и других царей на небо. Именно люди, «легкомысленные существа», виновны в своем паде-

нии, отступлении от истины. Ни Божественного попустительства, ни Божественной педагогики у Лактанция обнаружить в данном случае не удается.

Однако обращение Лактанция к демонологии усложняет его взгляд на историческое прошлое и законы в нем действующие. Во второй книге своего сочинения Лактанций, более жестко отстаивая идею божественного управления историей, именно тогда, когда он сообщает об изначально задуманной исторической роли Евы (рождение детей для заселения земли), о Боге, пожелавшем истребить род человеческий потопом, об участии Бога в восстановлении человечества (история с Ноем), именно тогда он пишет, что отчасти в божественный замысел посвящены и демоны. Демоны, по мысли Лактанция, ведают будущее и используют это знание для своей выгоды (*Lact. Div. inst.* II. 15. 1; 17. 16). Лактанций не стремится обвинять демонов в человеческих несчастьях. Вся их энергия направлена на завоевание поклонения себе со стороны людей. Так, используя знание о будущем, демоны под личиной богов делают предзнаменования грядущих успехов или предостерегают от неудач, тем самым завоевывают уважение со стороны своих поклонников (*Lact. Div. inst.* II. 17. 16).

Доказывая, что не боги, а демоны манипулируют людьми через оракулов, Лактанций, в действительности, сводит «на нет» всю активность сил Зла, которые не могут ни улучшить, ни ухудшить предначертанного положения вещей, а лишь выдают божественный план и его реализацию за результат своего волеизъявления.¹⁸ Но и в доказательстве провиденциальности истории Лактанций крайне непоследователен. Освобождая Юнону от вины за поражение римлян у Канн, Лактанций ставит исход битвы в зависимость от божественной воли (демоны, проникнув в замысел Бога и узнав, что римлян ждет поражение, выразили через Юнону гнев в отношении римлян и пообещали им поражение, *Lact. Div. inst.* II. 17. 19). При этом автор совершенно не стремится объяснить мотивы Всевышнего, отдающего победу карфагенянам. Ставя перед собой цель опровергнуть позицию языческих авторов и доказать, что боги никак не влияют на историю, Лактанций

¹⁸ В данном случае мы не можем согласиться с А.И. Садовым, утверждавшим, что Дьявол, по присущей ему силе, близкой, но не равной божественной, является *antitheus* Бога (*Садов А. И.* Древнехристианский церковный писатель Лактанций. СПб., 1895. С. 172–173).

готов приводить различные, иногда противоречащие друг другу, объяснения происходящего. Так, буквально в следующей строке он дает иное объяснение причин победы Ганибала: это результат его храбрости и воинского таланта (*Lact. Div. inst. II. 17. 19*). Теперь не только демонам, но и Богу не остается места в событиях.

И вновь, вступив в спор с Лукрецием, Лактанций, пытаясь снять недоумение поэта-эпикурейца по поводу разрушения Капитолия Юпитером, заявляет, что истинным разрушителем языческих храмов является Бог (*Lact. Div. inst. III. 17. 15*). И вновь эта позиция не становится составным элементом концепции автора «Божественных установлений»; Лактанция в данном случае также не интересует вопрос о причинах проявления Богом своей воли: наказание ли это Риму, борьба ли с многобожием — для автора это не является актуальным. Цель его опуса — доказать, что источником этой воли выступает Бог, а не Юпитер. Лактанцию не удастся теоретическую посылку о Боге-Контролере превратить в нечто большее и показать Его участником конкретных исторических событий.

Таким образом, попытка автора «Божественных установлений» ввести в интерпретацию эллинистической истории идею негодующего Бога, который ниспосылает кары свои на почитателей языческих идолов (*Lact. Div. inst. V. 10*), остается лишь попыткой, к тому же не способной объяснить, почему, допустим, адресатом своего гнева в истории Пунических войн Бог избирает римлян, а не карфагенян, таких же язычников.

Все говорит о том, что к IV веку в христианской литературе не только не сформировался единый взгляд на дохристианское, в целом, и греко-римское языческое, в частности, прошлое, но сами христианские мыслители могли одновременно следовать, по меньшей мере, двум различным традициям трактовки этого прошлого. Какого-либо синтеза собственно апологетического и греко-римского атеистического подходов к объяснению эллинистической истории в христианской литературе не было, отчего воззрения таких интеллектуалов, как Лактанций, и выглядят столь противоречивыми.

**«БРЕВИАРИЙ» ЕВТРОПИЯ И ПРОБЛЕМА ПОТЕРЯННОЙ
«ИМПЕРАТОРСКОЙ ИСТОРИИ»***

Повествование Евтропия о событиях, последовавших после убийства императора Домициана в 96 г. н. э., основывается, как и предшествующий рассказ, на источниках биографического характера. Исследователи (главным образом это заслуга немецких ученых) уже немало потрудились для выяснения источниковой базы последних трех книг «Бревиария». События, изложенные в Восьмой, Девятой и Десятой книгах труда Евтропия, нашли свое отражение также у ряда римских историков IV в. н. э. среди которых Секст Аврелий Виктор, Руф Фест, автор «Эпитом из Цезарей» и авторы «Жизнеописаний Августов». При этом произведения Евтропия и Руфа Феста практически идентичны и написаны по заказу одного императора — Валента II. Повествуя об одних и тех же героях и об одном и том же времени, труды всех «малых» историков обнаруживают поразительное сходство в структуре и в деталях.

Впервые к проблеме источниковой базы сочинений Евтропия, Секста Аврелия Виктора и авторов «Жизнеописаний Августов» обратился А. Энманн, предложивший теорию общего источника сведений для всех историков IV в., который он назвал «Императорская история» («Kaisergeschichte»)¹. Гипотеза об этом не дошедшем до нас источнике была призвана объяснить содержательное, стилистическое и вербальное сходство, а также общий набор ошибок в исторических трудах IV в. Теория А. Энманна нашла свое продолжение и развитие в работах Т. Барнса², Х. Бёрда³, К. Вагенера⁴, Э. Холя⁵, Т. Дамсхольта⁶,

* Исследование проведено при поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований (Проект № 00-06-80215).

¹ *Enmann A.* Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser und das Buch De Viris Illustribus Urbis Romae. Quellenstudien // *Philologus. Suppl.* Bd. 4. 1884. S. 335–501.

² *Barnes T. D.* The Lost «Kaisergeschichte» and the Latin Historical Tradition // *Historia-Augusta Colloquium.* 1970. P. 13–43; *Ibid.* Three Notes on the Vita Probi // *Classical Quarterly.* Vol. 20. 1970. P. 198–203.

Е. Мальковати⁷, А. Шастоньоля⁸, Й. Шлумбергера⁹, И. Шона¹⁰. Потерянная «Императорская история» стала уже общим местом в трудах всех западных исследователей, и вопрос о ее существовании на сегодняшний день не вызывает сомнений.

Для ответа на вопрос об источниках заключительных книг «Бревиария» Евтропия целесообразно сравнить его произведение с произведением его современника Секста Аврелия Виктора «О Цезарях», так как вопрос о источниковой базе сочинений других «малых» историков IV – начала V вв. до конца еще не решен, ввиду их неточной датировки¹¹ или полной зависимости от текстов Евтропия или Аврелия Виктора¹².

Сходство между двумя сочинениями прослеживается на нескольких уровнях. Это прежде всего лингвистическое сходство, совпадение в ошибках, которых можно было легко избежать, и своеобразная выборка исторических фактов. Р. Барджесс заметил, что на первый взгляд создается впечатление заимствования Евтропием из Аврелия Виктора сведений для «Бревиария», к тому же произведение Виктора «О Цезарях» было создано на десять лет раньше «Бревиа-

³ Bird H. W. Further Observations on the Dating of Enmann's Kaisergeschichte // Classical Quarterly. Vol. 67. 1973. P. 375–377; *Ibid.* The Sources of the «De Caesaribus» // Classical Quarterly. Vol. 75. 1981. P. 457–463.

⁴ Wager C. Jahresberichte. Eutropius // Philologus. Bd. 44. 1885. S. 300–352.

⁵ Hohl E. Kennt Eutrop einen Usurpator Trebellianus? // Klio. Bd. 14. 1914. S. 380–384.

⁶ Damsholt T. Zur Benutzung von dem Breviarium des Eutrop in der Historia Augusta // Classica et Mediaevalia. Bd. 25. 1964. S. 138–150.

⁷ Malcovati E. I Breviari storici del IV secolo // Annali della Facoltà di Lettere, Filosofia e Magistero della Università di Cagliari. Bd. 12. 1942. P. 23–42.

⁸ Chastagnol A. Emprunts de l' Histoire Auguste aux Caesares d' Aurelius Victor // Revue de Philologie. Vol. 41. 1967. P. 85–97.

⁹ Schlumberger J. Die Epitome de Caesaribus. Untersuchungen zur heidnischen Geschichtsschreibung des 4. Jh. n. Chr. München, 1974.

¹⁰ Schon I. Die spatlateinischen Kurzbiographien von Augustus bis Domitian und die sogenannte Enmannsche Kaisergeschichte. Berlin, 1953.

¹¹ Barnes T. D. The Lost «Kaisergeschichte»... P. 13–23.

¹² Damsholt T. Op. cit. S. 148–150; Schmid W. Eutropspuren in der Historia Augusta // Historia-Augusta Colloquium. 1965. S. 123–133.

рия», в 359/360 гг. н.э.; однако в труде Евтропия зачастую содержится информация, отсутствующая у его предшественника, нет признаков воздействия личных симпатий Аврелия Виктора и свойственного ему манеры повествования, чего автор «Бревиария» едва ли избежал, если бы пользовался сочинением «О Цезарях»¹³. Следовательно, нет оснований считать произведение Аврелия Виктора главным источником для «Бревиария», приходит к выводу английский исследователь¹⁴. Речь может идти только о том, что оба историка пользовались каким-то одним общим источником. При этом бросается в глаза моралистическая установка Секста Аврелия Виктора в духе Саллюстия и Корнелия Тацита, а также его четко выраженный риторический стиль изложения¹⁵. В отличие от Евтропия, Аврелия Виктора интересует не история Империи, поданная через образы принцев, а прежде всего частная жизнь того или иного императора. Тем не менее оба автора, излагая одни и те же события, иногда до деталей соответствуют друг другу в содержании и порядке следования материала, и порой не употребляют ни единого общего слова. Несмотря на различие в целях и способах повествования, их сочинения обнаруживают значительное композиционное сходство. Особенно это заметно в биографиях Траяна (*Eutr.* VIII. 2–5 / *Aur. Vic. De Caes.* XIII), Марка Аврелия и Луция Вера (*Eutr.* VIII. 9–14 / *Aur. Vic. De Caes.* XVI), Коммода (*Eutr.* VIII. 15 / *Aur. Vic. De Caes.* XVII), Пертинакса (*Eutr.* VIII. 16 / *Aur. Vic. De Caes.* XVIII), Дидия Юлиана (*Eutr.* VIII. 17 / *Aur. Vic. De Caes.* XIX), Септимия Севера (*Eutr.* VIII. 18 / *Aur. Vic. De Caes.* XX), Опилия Макрина и Диадумена (*Eutr.* VIII. 21 / *Aur. Vic. De Caes.* XXII), Александра Севера (*Eutr.* VIII. 23 / *Aur. Vic. De Caes.* XXIV), Проба (*Eutr.* IX. 17 / *Aur. Vic. De Caes.* XXXVII. 1–4), Кара, Карина и Нумериана (*Eutr.* IX. 18–19 / *Aur. Vic. De Caes.* XXXVIII), а также Диоклетиана (*Eutr.* IX. 19. 2–28 / *Aur. Vic. De Caes.* XXXIX). В биографиях «Бревиария» Евтропия воспроизводятся почти все эпизоды, встречающиеся у Секста

¹³ Burgess R. W. *Principes cum tyrannis: Two studies on the Kaisergeschichte and its tradition* // *Classical Quarterly*. Vol. 43. 1993. P. 491.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Bird H. W. *Sextus Aurelius Victor: Some Fourth-century Issues* // *The Classical Journal*. Vol. 3. 1978. P. 223; Boer W. den. *Some minor Roman Historians*. Leiden, 1972. P. 55; Starr C. G. *Aurelius Victor: Historian of Empire* // *American Historical Review*. Vol. 61. 1955/56. P. 574–586.

Аврелия Виктора. Нетрудно заметить, что наибольшее количество расхождений встречается в биографиях Адриана, Антонина Пия и при изложении событий III в. н. э., особенно в порядке следования эпизодов.

В качестве наглядного примера сопоставим биографии трех принципсов — Пертинакса, Дидия Юлиана и Септимия Севера — у Секста Аврелия Виктора и у Евтропия.

Аврелий Виктор достаточно кратко и четко повествует о Пертинаксе, характеризуя его всего двумя предложениями, как и автор «Бревиария». При этом он называет его Авлом Гельвием Пертинаксом, а не Публием, хотя эта ошибка и не влияет на дальнейшее изложением событий. В отличие от Евтропия, Аврелий Виктор говорит о Пертинаксе как о носителе древних республиканских традиций (*Aur. Vic. De Caes. XVIII. 1*). Он также информирует нас о том, что Пертинакс занимал должность «префекта Города» («*praefectus urbis*»; *Aur. Vic. De Caes. XVII. 10*), — факт, отмеченный и Евтропием («*praefecturam urbi tum agens*»; *Eutr. VIII. 16*), и более поздними историками (*Epit. Caes. XVIII. 2*; *SHA. Pert. IV. 3*). В заключении Аврелий Виктор и Евтропий напрямую обвиняют в убийстве Пертинакса Дидия Юлиана (*Aur. Vic. De Caes. XVIII. 2* / *Eutr. VIII. 16*), что вполне могло быть отголоском пропаганды эпохи Септимия Севера¹⁶. Тем не менее эта информация, по мнению Х. Бёрда, не является точной, так как ни Дион Кассий, ни Геродиан не подтверждают причастность Дидия Юлиана к убийству Пертинакса¹⁷, версия же кончины Пертинакса, содержащаяся в «Жизнеописаниях Августов», согласуется с версией Диона (*SHA. Pert. X* / *Dio Cass. LXXIII. 9–10*). Несмотря на то, что и Аврелий Виктор, и Евтропий сообщают об убийстве Пертинакса «на восьмидесятый день правления» («*octogesimo imperii die*»; *Aur. Vic. De Caes. XVIII. 2* / *Eutr. VIII. 16*), Х. Бёрд, ссылаясь на то, что в «Бревиарии» отсутствует уничижительное мнение о преторианцах¹⁸, которое приводит автор «О Цезарях», считает, в противовес мнению А. Шастоньоля и В. Ден Боера, что Евтропий не переписывал Аврелия Виктора, вместе с ним пользовался одним общим источником (вероятнее всего это была «Императорская история»), который был гораз-

¹⁶ Bird H.W. The Sources of the «De Caesaribus...» P. 459.

¹⁷ Ibid. P. 459–460.

¹⁸ Ibid. P. 458–459.

до обширнее сочинения Аврелия Виктора, «Бревиария» Евтропия и «Жизнеописаний Августов» и в котором содержалось гораздо больше сведений о жизни Пертинакса¹⁹.

Описывая императора Дидия Юлиана, оба историка постоянно путаются, называя его то «Дидием», то «Сальвием» (*Aur. Vic. De Caes. XIX. 1; XX. 1 / Eutr. VIII. 17*). И тот, и другой говорят о «Постоянном эдикте» («*Edictum perpetuum*»), но Аврелий Виктор связывает составление этого эдикта с самим императором Дидием Юлианом (*Aur. Vic. De Caes. XIX. 2*), а Евтропий называет имя Сальвия Юлиана, подлинного автора этого документа, хотя и говорит, что тот был племянником Дидия, а не его дедом (*Eutr. VIII. 17*). Оба историка упоминают о поражении Дидия Юлиана от войск Септимия Севера у Мульвиева моста и о смерти принцепса в Палатинском дворце (*Aur. Vic. De Caes. XIX. 5 / Eutr. VIII. 17*). В действительности этой битвы у Мульвиева моста, о которой настойчиво упоминают Аврелий Виктор и Евтропий, никогда не было. В данном случае это отзвук знаменитого сражения 312 г. н. э. между Константином и Максенцием²⁰. По мнению А. Шастоньоля²¹, это лишний раз доказывает зависимость Евтропия от его предшественника Секста Аврелия Виктора, но при этом французский исследователь оставляет без внимания тот факт, что автор «Бревиария» ничего не говорит о Дидии Юлиане как о префекте городского гарнизона («*praefectus vigiles*») и не приписывает этому принцепсу составление «Постоянного эдикта». Последние две ошибки — это «авторские» ошибки самого Секста Аврелия Виктора²²; вымышленная же битва у Мульвиева моста и неточное имя Дидия Юлиана — выдумка плохо осведомленного автора «Императорской истории»²³.

Жизнеописание следующего принцепса — Септимия Севера — гораздо объемнее у Аврелия Виктора, чем у Евтропия. Тем не менее и здесь мы можем обнаружить продолжающуюся серию общих ошибок, которые указывают на особый стиль повествования ограниченного и не всегда точного общего источника. Во-первых, Аврелий Виктор называет Севера наместником Сирии (*Aur. Vic. De Caes. XIX. 5*), что,

¹⁹ Bird H. W. The Sources of the «De Caesaribus...» P. 460.

²⁰ Ibid. P. 459–460; Barnes T. D. The Lost «Kaisergeschichte»... P. 16–17.

²¹ Chastagnol A. Op. cit. P. 85–87.

²² Bird H. W. The Sources of the «De Caesaribus...» P. 460.

²³ Ibid.

видимо, является персональной ошибкой автора «О Цезарях», так как Евтропий ничего не говорит об этом факте, а более поздний создатель «Эпитом из Цезарей» говорит о Севере как о наместнике Паннонии (Epit. Caes. XIX. 4). Во-вторых, и Аврелий Виктор, и Евтропий повествуют об убийстве узурпатора Песценния Нигера близ Кизика²⁴ (*Aur. Vic. De Caes. XX. 9 / Eutr. VIII. 18. 4*). В третьих, Аврелий Виктор говорит о Песценнии Нигере как о правителе Египта, тогда как Евтропий ограничивается сообщением, что Нигер восстал в Сирии и в Египте («in Aegypto et Syria rebellaverat»; *Eutr. VIII. 18. 4*). В четвертых, оба историка говорят о следующем узурпаторе — Клодии Альбине — как о соучастнике убийства Пертинакса (*Aur. Vic. De Caes. XX. 9 / Eutr. VIII. 18. 4*). Этот факт не подтверждается ни Дионом Кассием, ни Геродианом. При этом сходство между обоими авторами прослеживается не только на примере общих ошибок, но и в том, как они описывают провозглашение Септимия Севера Пертинаксом (*Aur. Vic. De Caes. XX. 10 / Eutr. VIII. 18. 3*), триумф Севера над парфянами, жителями Аравии и Адиабены (*Aur. Vic. De Caes. XX. 16–17 / Eutr. VIII. 16–17 / Eutr. VIII. 18. 4*), его личностные качества (*Aur. Vic. De Caes. XX. 22 / Eutr. VIII. 19. 1*) и кончину Севера в Эбораке (*Aur. Vic. De Caes. XX. 27 / Eutr. VIII. 19. 2*). Секст Аврелий Виктор более подробно, чем Евтропий, излагает события, последовавшие за смертью Септимия Севера, однако оба автора предлагают своим читателям практически идентичные описания: один — более подробную версию, другой — сокращенную (*Aur. Vic. De Caes. XX. 30–32 / Eutr. VIII. 19. 3*).

В данной ситуации казалось бы более естественной мысль о том, что «сжатый» Евтропий пересказывает, а то и просто переписывает более «подробного» Секста Аврелия Виктора, на чем настаивают А. Шастоньоль²⁵ и П. Дюфрен²⁶. Однако и эта теория уязвима для критики, так как она не объясняет в полной мере, почему целый ряд схожих эпизодов у Секста Аврелия Виктора и у Евтропия фактически складывается в несходные версии. Подобные расхождения двух историков В. Ден Боер склонен объяснять не разным использованием ими

²⁴ Согласно Диону Кассию (*Dio Cass. LXXV. 8. 3*) и Геродиану (*Herod. III. 4. 6*), Песценций Нигер был убит в Сирии близ Антиохии. См. также: *Barnes T. D. The Lost Kaisergeschichte*... P. 40.

²⁵ *Chastagnol A. Op. cit. P. 86.*

²⁶ *Dufraigne P. Aurelius Victor: Livre des Césars. Paris, 1975. P. XXVII.*

общего источника информации, а возможным заимствованием нашими авторами сведений из каких-то различных источников и из устной традиции, причем общая риторическая направленность их произведений предопределяла неизбежные текстуальные совпадения²⁷. Однако нидерландский ученый полностью игнорирует общие грубые ошибки Аврелия Виктора и Евтропия и совершенно недооценивает частые совпадения информации у этих двух авторов. То, что Аврелий Виктор и Евтропий с различной степенью подробности и часто с разными деталями передают одни и те же эпизоды, оказывается вполне естественным, если допустить существование общего источника, «Императорской истории», из которой каждый писатель берет «свой материал», подчиняя его своей исторической и политической концепции.

Наглядный в этом отношении пример — рассказ о действиях кесаря Максимиана Галерия во время его персидского похода 297–298 гг. Этот рассказ ставит под сомнение теорию о том, что «краткий» Евтропий переписывал «расширенного» Аврелия Виктора, ибо в этом случае автор «Бревиария» более подробен и даже в своих «сокращенных» частях систематически приводит конкретные детали, отсутствующие у своего предшественника. Близкое родство версий двух авторов подтверждается не только содержательным сходством, но и сходством лексическим. На фоне этой безусловной общности лишь заметней становится отсутствие некоторых деталей. Так, Евтропий более подробен, описывая поражения Максимиана Галерия от войск Нарсеса у Аракса в Малой Армении в 297 г. Излагая подробности этого столкновения, автор «Бревиария» отмечает, что оно произошло «между Каллиником и Каррами» и его кесарь «проиграл более по необдуманности, чем по малодушию; ибо он завязал [сражение] с малым отрядом против многочисленнейшего врага» (*Eutr.* IX. 24). Евтропий приводит рассказ об унижении Максимиана Галерия, когда тому, одетому в пурпурную тогу, пришлось несколько миль бежать за носилками Диоклетиана (*Eutr.* IX. 24)²⁸. Ничего подобного мы не встретим у Аврелия Виктора, который, описывая столкновение Галерия с персами у Аракса, ограничивается лишь одной единственной фразой: «Сначала он (т.е. Галерий — Д.К.) потерпел от них сильное пораже-

²⁷ Boer W. den. Op. cit. P. 110, 119.

²⁸ Seston W. L' «humiliation» de Galère // *Revue des Etudes Anciennes*. Vol. 3. 1940. P. 515–519.

ние...» (*Aur. Vic. De Caes. XXXIX. 34*). В то же время у него имеется сообщение о наборе войска из ветеранов и новобранцев («*exercitu e veteranis ac tironibus*»; *Aur. Vic. De Caes. XXXIX. 34*). Евтропий же говорит только о том, что Галерий собрал войска в Мезии и Иллирии (*Eutr. IX. 25. 1*). Евтропий более подробно описывает сражение у Нисибиса в 298 г., приводя примеры доблести кесаря Максимиана Галерия (*Eutr. IX. 25. 1*). Аврелий Виктор, повествуя об этих решающих для Рима событиях, предпочитает ограничиться весьма туманной фразой: «... [Галерий] пошел на врагов через Армению: это был единственный и более легкий путь к победе» («... *per Armeniam in hostes contedit; quae ferme sola seu facilius vincendi via est*»; *Aur. Vic. De Caes. XXXIX. 34*). Таким образом, Евтропий, излагая отдельные факты римской истории, делает это более подробно, нежели Аврелий Виктор. Это обстоятельство ставит под сомнение гипотезу А. Шастоньоля²⁹ о полной зависимости «Бревиария» от сочинения «О цезарях».

Мы привели в качестве примера весьма близкие эпизоды в обоих текстах. Однако степень сходства бывает весьма различна, и подчас соответствующие фрагменты дают нам весьма различные версии. Характерный пример — рассказы Аврелия Виктора и Евтропия о смерти императора Траяна (*Aur. Vic. De Caes. XIII. 10 / Eutr. VIII. 5. 2*). И порядок изложения, и некоторые подробности (Траян находится на Востоке, завершая наступление на Месопотамию) выдают общее их происхождение. Однако в целом перед нами два различных рассказа. У Евтропия повествуется главным образом о том, как Траян возвращался из Персиды и о кончине его у Селевкии Исаврийской (*Eutr. VIII. 5. 2*), а у Аврелия Виктора рассказывается, как император отправился в поход по поручению сенаторов и во время этого похода умер от болезни (*Aur. Vic. De Caes. XIII. 10*). Другой пример явно родственных, но в то же время разнящихся эпизодов — рассказ о парфянском триумфе 166 г. императоров Луция Вера и Марка Аврелия (*Aur. Vic. De Caes. XVI. 4 / Eutr. VIII. 10. 2*). Согласно Аврелию Виктору, соправители отказались от триумфа, по версии же Евтропия, триумф был отпразднован. То же можно сказать и о версиях провозглашения августом Максимиана Фракийца. Аврелий Виктор настаивает на том, что выбор солдат был одобрен сенаторами (*Aur. Vic. De Caes. XXV. 2*),

²⁹ Bird H. W. The Sources of the «De Caesaribus»... P. 460–461.

Евтропий же утверждает обратное (*Eutr.* IX. 1). Вполне возможно, что повествование «Императорской истории» было достаточно богато фактами, чтобы стать почвой для появления генетически родственных, но столь не похожих по содержанию рассказов³⁰.

Теория о существовании потерянной «Императорской истории» находит свое подтверждение и в сочинениях других историков конца IV – начала V вв.н.э. — в «Эпитамах из Цезарей» с в «Жизнеописаниях Августов»³¹, где также обнаруживаются текстуальные совпадения с сочинениями Евтропия и Аврелия Виктора. Хотя названные историки и принадлежат к той же историографической традиции, что и Евтропий и Секст Аврелий Виктор, текстуальное и композиционные сходство не может не настораживать. В качестве примера приведем лишь один эпизод в редакциях Секста Аврелия Виктора, Евтропия и создателя «Эпитама из Цезарей», где четко прослеживается общая лексика.

Секст Аврелий Виктор: «...Valerius Diocletianus domesticos regens ob sapientiam deligitur, magnus vir, his moribus tamen: quippe qui primus ex auro veste quaesita serici ac purpurae gemmarumque vim plantis concupiverit. Quae quamquam plus quam civilia tumidique et affluentis animi, levia tamen prae ceteris. Namque se primus omnium Caligulam post Domitianumque dominum palam dici passus et adorari se appellarique uti deum» (*Aur. Vic. De Caes.* XXXIX. 1–4).

Евтропий: «Diocletianus moratus callide fuit... et qui imperio Romano primus regiae consuetudinis formam magis quam Romanae libertatis invexerit adorari se iussit, cum ante eum cuncti salutarentur. Ornamenta gemmarum vestibis calciamentisque indidit. Nam prius imperii insigne in chlamyde purpurea tantum erat, reliqua communia» (*Eutr.* IX. 26).

«Эпитама из Цезарей»: «Iste primus apud Romanos diadema capiti innexuit, gemmisque et aurata omni veste, quod adhuc fere incognitum Romanis moribus visebatur, usus est» (*Epit. Caes.* XXXV. 5).

Или другой пример, связанный с обстоятельствами смерти императора Кара. Этот эпизод почти дословно повторяется всеми «малыми» позднеримскими историками:

Aur. Vic. De Caes. XXXVIII. 3: «fulminus tactu conflagravit».

³⁰ Bird H. W. The Sources of the «De Caesaribus»... P. 459–460.

³¹ Barnes T. D. Three Notes... P. 198–203.

Eutr. IX. 18. 1: «vi divini fulminis periit».

Fest. XXIV: «vi fulminis ictus interiit».

Epit. Caes. XXXVIII. 3: «ictu fulminis interiit».

SHA. Car. VIII. 2: «fulmine interemptus est».

Лексический анализ приводит нас к следующим выводам:

некоторые выражения из текста «Императорской истории» заимствуются всеми авторами;

другие используются лишь некоторыми авторами;

некоторые же фрагменты, видимо, совсем игнорируются.

Примером разного типа заимствований может послужить описание «малыми» римскими историками отмены императором Пробом введенного Домицианом запрета на виноградные посадки в Италии и в провинциях:

Секст Аврелий Виктор: «...namque ut ille [Hannibal] oleis Africae pleraque per legiones, quarum otium reipublicae atque ductoribus suspectum rebatur, eodem modo hic [Probus] Galliam Pannoniasque et Moesorum colles vinetis replevit» (*Aur. Vic. De Caes.* XXXVII. 3).

Евтропий: «Vineas Gallos et Pannonios habere permisit, opere militari Almam montem apud Sirmium et Aureum apud Moesiam superiorem vineis conseruit et provincialibus colendos dedit» (*Eutr.* IX. 17. 2).

Авторы «Жизнеописаний Августов»: «Gallis omnibus et Hispanis ac Britannis hinc permisit, ut vites haberent vinumque conficerent. Ipse Almam monte in Illyrico circa Sirmium militari manu fossum lecta vite conseruit» (*SHA. Prob.* XVIII. 8).

Как и при использовании лексики, при отборе исторических фактов действует тот же принцип: какие-то детали заимствуются всеми авторами, другие только одним из историков, что-то, вероятнее всего, опускается.

Тем не менее генетически родственные эпизоды у Аврелия Виктора и Евтропия иногда фактически превращаются в разные версии. В отдельных случаях речь идет об элементарных ошибках и неточностях. Но вполне возможно, что потерянная «Императорская история» была гораздо обширнее сочинений Аврелия Виктора и Евтропия, и в ней содержались сразу несколько версий одного и того же события³².

³² Barnes T. D. The Lost «Kaisergeschichte»... P. 19.

Иллюстрацией этого тезиса могут служить две абсолютно разные трактовки кончины императора Лициния Валериана. Согласно Евтропию, Валериан попал в плен к парфянам, где и «состарился в бесславной неволе» (*Eutr.* IX. 7). Аврелий же Виктор утверждает, что император попал в засаду, устроенную ему шахом Сапором, и погиб во время сражения (*Aur. Vic. De Caes.* XXXII. 5). Подтверждая эту теорию, приведем евтропиевскую версию кончины императора Коммода: «А умер [Коммод] столь внезапно, что предполагали, будто был он задушен, либо погиб от яда». («Obiit morte subita atque adeo, ut strangulatus vel veneno interfectus putaretur»; *Eutr.* VIII. 15). И, наконец, различия в версиях одного и того же события могли возникнуть из-за несоответствия историко-концептуальных установок двух авторов.

Так или иначе с большой долей вероятности можно сказать, что потерянная «Императорская история» представляла из себя произведение биографического характера³³. Это подтверждается прежде всего делением всего фактологического материала по правлениям одного или нескольких императоров. Такой подход свойственен всем без исключения малым римским историкам IV–V вв. Иногда в рамках повествования об одном императоре или императорах (например, в биографиях Диоклетиана и Максимиана Геркулия) Аврелий Виктор и Евтропий по-разному конструируют порядок следования эпизодов. Эта «перепутанность» повествования, видимо, является результатом воспроизведения больших отрывков текста первоисточника. Порой сообщения о событиях, которые Аврелий Виктор описывает в хронологической последовательности, у Евтропия оказываются разбросанными по разным частям «Бревиария»:

Секст Аврелий Виктор: «Interim Romae vulgus turmaeque praetoriae Maxentium retractante diu patre Herculio imperatorem confirmant. Quod ubi Armentarius [Galerius] accepit, Severum Caesarem, qui casu ad urbem erat, arma in hostem ferre propere iubet. Is circum muros cum ageret, desertus a suis, quod praemiorum illecerbis Maxentius traduxerat, fugiens obsessusque Ravennae obiit. Hoc acrior Galerius ascito in consilium Iovio Licinium vetere cognitum amicitia Augustum creat» (*Aur. Vic. De Caes.* XL. 5–8).

³³ Burgess R. W. Op. cit. P. 491.

Евтропий: «Romae interea praetoriani excito tumultu Maxentium, Herculi filium, qui haud procul ab urbe in villa publica morabatur, Augustum nuncupaverunt. Quo nuntio Maximianus Hercules ad spem arrectus resumendi fastigii, quod invitus amiserat, Romam advolavit...» (*Eutr.* X. 2. 3).

«Sed adversum motum praetorianorum atque Maxentii Severus Caesar Romam missus a Galerio cum exercitu venit obsidensque urbem militum suorum scelere desertus est. Auctae Maxentii opes confirmatumque imperium. Severus fugiens Ravennae interfectus est» (*Eutr.* X. 2. 4).

«Per hoc tempus a Galerio Licinius imperator est factus Dacia oriundus, notus ei antiqua consuetudine et in bello...» (*Eutr.* X. 4. 1).

Без сомнения, приводимые обоими историками сообщения свидетельствуют об их генетической общности, причем Аврелий Виктор и Евтропий обнаруживают здесь сходство не только в отборе фактов и в лексике, но и в общих ошибках. Тем не менее Евтропий разрывает целостное повествование Аврелия Виктора рассказом о том, как Максимиан Геркулес уговаривал своего бывшего соправителя Диоклетиана вернуться к управлению Империей, и рассказом о пленении Геркуля в Массилии и о его смерти.

Подчас оба историка почти дословно воспроизводят оригинальный текст «Императорской истории» и, как следствие этого, дают практически идентичные сообщения о тех или иных событиях. Характерный пример — описание смерти императора Константина Великого:

Секст Аврелий Виктор: «Ita anno imperii tricesimo secundoque, cum totum orbem tredecim tenuisset, sexaginta natus atque amplius duo, in Persas tendens a quis bellum erumpere occeperat, rure proximo Nicomediae, Anchuronam vocant, excessit, cum id taetrum sidus regnis, quod crinitum vocant, portendisset» (*Aur. Vic. De Caes.* XLI. 15).

Евтропий: «Bellum adversus Parthos moliens, qui iam Mesopotamiam fatigabant, uno et tricesimo anno imperii, aetatis sexto et sexagesimo Nicomediae in villa publica obiit. Denuntiata mors eius etiam per crinitam stellam, quae inusitatae magnitudinis aliquamdiu fulsit; eam Graeci cometen vocant» (*Eutr.* X. 8. 2, 3).

Несмотря на то, что практически всеми исследователями подчеркивается биографическая направленность «Императорской исто-

рии», тем не менее отмечается и ее ориентированность на хронику, сродни анналам. По мнению немецкого исследователя Й. Шлумберге-ра, на это указывают достаточно часто употребляемые Евтропием, Аврелием Виктором и автором «Эпитом из Цезарей» латинские временные словосочетания: «sub hoc imperante», «tunc etiam», «cum» (historicum), «huius imperio», «huius temporibus», «horum temporibus», «sub his», «mense quarto dominatus», «his imperatibus — filio interfecto», «novissime», «his diebus», «hoc tempore», «post hunc», «hinc»³⁴. Следы хронологической организации исторического материала в «Бревиарии» мы можем зафиксировать в самом начале Восьмой книги, когда Евтропий называет год от основания Города и консульство Ветера и Валента («Anno octingentesimo et quinquagesimo ab urbe condita, Vetere et Valente consulibus...»; *Eutr.* VIII. 1. 1), а также когда он приводит временные указания: «hic ante imperium» (VIII. 8. 3), «post eum» (VIII. 12. 1), «cum» (VIII. 13. 1), «hinc» (VIII. 18. 1), «sub eo» (VIII. 18. 4), «post hunc» (IX. 1), «postea» (IX. 2. 1), «post hos» (IX. 4), «mox» (IX. 5), «hoc imperante» (IX. 14), «interea» (IX. 19. 1), «per haec tempora» (IX. 21), «per idem tempus» (IX. 23), «mox tamen» (IX. 25. 1), «per hoc tempus» (X. 4. 1), «non multo post» (X. 12. 1), «neque multo post» (X. 15. 1), «hinc» (X. 16. 1), разбросанные по всему тексту и играющие роль вводных слов при описании событий.

Остается сказать несколько слов о датировке «Императорской истории». А. Энманн, автор теории об этом потерянном источнике, сделал вывод о том, что «История» была написана в конце правления императора Диоклетиана³⁵, на основе соотнесения ее с его собственной датировкой «Жизнеописаний Августов»³⁶. Однако текстуальные совпадения между сочинениями Евтропия и Аврелия Виктора можно проследить вплоть до части, посвященной событиям 357 г. (битва при Аргенторате), что впоследствии признал и А. Энманн³⁷. Вскоре эта гипотеза была пересмотрена Г. Дессау. В 1889 г. он привел доводы в пользу зависимости авторов «Жизнеописаний Августов» от материала Аврелия Виктора и Евтропия, что давало ему основание датировать

³⁴ Schlumberger J. Op. cit. S. 175–176.

³⁵ Enmann A. Op. cit. S. 432.

³⁶ Ibid. S. 339–340.

³⁷ Dessau H. Über Zeit und Persönlichkeit der S.H.A. // Hermes. Bd. 24. 1889. S. 337.

это произведение последними десятилетиями IV в. н. э.³⁸ Поэтому, утверждал Г. Дессау, потерянная «Императорская история» могла быть составлена не позднее 357–360 гг. Однако Т. Барнс склонен датировать «Императорскую историю» 337–340 гг., так как, по его словам, «после 337 г. у обоих авторов отсутствуют и близкое вербальное сходство, и общие ошибки. «Императорская история», следовательно, заканчивалась сообщением о смерти Константина Великого и была составлена сразу же после этого события, предположительно не позднее 340 г.³⁹ Несогласие с этой гипотезой высказал Х. Бёрд. По его мнению, описание смерти Константина у Аврелия Виктора и Евтропия совпадает вплоть до деталей; оба именуют Константинополь как «urbem nominus suis» (*Aur. Vic. De Caes. XLI. 16–17 / Eutr. X. 8. 1*)⁴⁰. Далее, когда Аврелий Виктор и Евтропий дают характеристику узурпатору Ветраниону, то они заметно расходятся в своих оценках. Однако и тот, и другой отмечают такой недостаток Ветраниона, как его необразованность. Согласно Х. Бёрду, здесь обнаруживаются даже текстуальные совпадения. Так, Аврелий Виктор говорит, что Ветранион был «litterarum prorsus expertus» (*Aur. Vic. De Caes. XLI. 27*), а Евтропий характеризует его как «omnium litterarum expertem» (*Eutr. X. 10. 2*)⁴¹. Подтверждение того, что «Императорская история» не заканчивалась 337 г., можно усмотреть в рассказе о неудаче Ветраниона (*Aur. Vic. De Caes. XLI. 1–4 / Eutr. X. 11. 1*) или в описании мятежа Непоциана (*Aur. Vic. De Caes. XLII. 6, 8 / Eutr. X. 11. 2; 12. 2*). Таким образом, замечает Х. Бёрд, невозможно с точностью установить, на чем заканчивалась «Императорской истории» и когда произошла ее окончательная редакция — в 337 или в 357 гг.⁴²

Трудности выявления источниковой базы последних трех книг «Бревиария» подчеркиваются всеми без исключения исследователями⁴³. Лаконичный характер повествования Евтропия всегда затруднял работу по выявлению источников его труда, однако в данном случае

³⁸ Dèssau H. Über Zeit und Personlichkeit der S.H.A. // *Hermes*. Bd. 24. 1889. S. 337–339.

³⁹ Barnes T. D. The Lost «Kaisergeschichte»... P. 20.

⁴⁰ Bird H. W. Further Observations... P. 376.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid. P. 377.

⁴³ Boer W. den. Op. cit. P. 116.

мы имеем дело с гипотетическим источником, существование которого в последнее время ставят под сомнение⁴⁴ и структура, цели, авторство и датировка которого до сих пор не выяснены. С большой долей вероятности можно сказать, что это был источник биографического характера, видимо, сродни биографиям Светония, поскольку Евтропий при выборе источников руководствовался прежде всего избранной им исторической концепцией. Как и при работе с сочинением Светония, автор «Бревиария», обращаясь к «Императорской истории», видимо, отбирал только нужный ему материал, монтировал из него новые конструкции и «комбинировал» сюжеты, в результате чего возникали новые логические и смысловые структуры. Нетрудно заметить, что Евтропий продолжает акцентировать внимание своего читателя на проблеме взаимосвязи личных качеств императора с проводимой им внешней политикой. Тем не менее главная концептуальная установка «Бревиария» — идея деградации императорской истории — остается неизменной. Это подчеркивается Евтропием на протяжении всех последних книг. Авторское присутствие, как и в предыдущем повествовании, обнаруживается главным образом тогда, когда историк комментирует поступки императоров или оценивает их личностные качества. Приведем ряд примеров. «Государством он управлял так, что всех принцепсов превзошел заслугами, а также необычайной приветливостью и храбростью» («*Rem publicam ita administravit, ut omnibus principibus merito praeferatur, inusitatae civilitatis et fortitudinis*»; *Eutr.* VIII. 2. 1). «А о его доброте сохраняется такая слава, что он дает знаменитый пример и в устах льстецов, и в устах истинных хвалителей» («*Adeo in eo gloria bonitatis obtinuit, ut vel adstantibus vel vere laudantibus occasionem magnificentissimi praestet exempli*»; *Eutr.* VIII. 5. 3). «Время их правления для славного имени Рима явилось губительным, чуть ли не пагубным, как из-за неудач принцепсов, так и из-за их бездеятельности» («*Horum imperium Romano nomini perniciosum et paene exitiabile fuit vel infelicitate principum vel ignavia*»; *Eutr.* IX. 7). «В этом сражении были уничтожены огромные силы Римского государства, которые могли быть использованы для какой-угодно внешней войны, принеся множество триумфов и безопасность [государству]» («*Ingentes Romani imperii vires ea dimicatione consumptae sunt, ad*

⁴⁴ Boer W. *den. Op. cit.* P. 119.

quaelibet bella externa idoneae, quae multum triumphorum possent securitatisque conferre»; *Eutr.* X. 12. 1).

Итак, выбор Евтропием источников для «Бревиария от основания Города» обусловлен избранными им жанрами для организации повествования — анналами и биографией — как наиболее удобными формами для описания исторических событий, главным образом внешнеполитических, и наиболее адекватно отвечающими главной концептуальной установке всего сочинения — идее деградации истории Империи, которая противопоставляется тем самым истории республиканского Рима. Биографии Светония, «Императорская история» и другие источники подобного рода были нужны Евтропию, чтобы проиллюстрировать основные достоинства и недостатки римских императоров.

Жанры анналов и биографии были призваны реализовать одну из главных задач «Бревиария» — подчеркнуть общую концепцию с помощью жанрового противопоставления, а также снабдить политика (в данном случае императора) строго проверенными сведениями, необходимыми при управлении государством, и на примере ошибок, совершенных в прошлом, удержать его от принятия поспешных решений.

Л. А. Самуткина

КОНЦЕПЦИЯ ЛЕГЕНДАРНОЙ ИСТОРИИ У ИОАННА МАЛАЛЫ*

Легендарная история в «Хронографии» Иоанна Малалы современному читателю может показаться странной и фантазмагорической. Однако она не лишена своей логики и единого определяющего замысла. Выяснение исторической концепции Малалы является задачей сложной, тем более что финальная часть хроники утрачена, во вступлении¹ не содержится теоретического обоснования предмета и целей

* Исследование проведено при поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований (Проект № 00-06-80215).

¹ Хотя рукопись *Baroccianus* 182, хранящаяся в Оксфорде и изданная Л. Диндорфом в 1831 г., не имеет начала, парижская рукопись *Supplemen-*

всемирно-исторического исследования, текст характеризуется вариативностью повествовательных структур и по всей видимости не дошел до нас в окончательной авторской редакции². Исследование взглядов Иоанна Малалы на историю или какой-либо другой процесс или явление представляется сложным еще и потому, что эти взгляды приходится выявлять не только на основе сохранившегося текста, но и путем сравнения их с идеями его предшественников. Концепция легендарной части всемирной истории во многом зависит от источников, которыми пользовался Иоанн Малала и на которые он указывает во вступлении, однако эти источники были им переработаны и определенным образом освоены³, вот почему текст первой части «Хронографии» нельзя не признать целостным⁴.

Легендарная история Малалы содержит «священную историю» Ветхого Завета, мифологию Древнего Востока, Древней Греции, Древнего Рима, т.е. события тех времен, о которых Плутарх в первой главе «Биографии Тесея» написал: «...страна чудес и вымыслов, раздолье для поэтов и мифографов; здесь нет ни действительности, ни правды»⁵. Однако Иоанн Малала включил в эту часть сочинения реальные исторические события, упомянул реальные исторические лица. Эта часть отличается многообразием тем. Малала пишет о боге, ангелах, оракулах, человеке, гигантах, царях, философах, мистиках, музыкантах, поэтах, о нравственности, о естественнонаучных открытиях, письменности, астрономии, архитектурных памятниках Антиохии и Константинополя, об Ассирии, Египте, Италии, о Троянской войне. Этот список можно дополнить географическими, этническими и ми-

tum Graecum 682, на которую указал Вирт и издал В. Истрин вместе с первой книгой славянского перевода «Хроники» Малалы, по всеобщему мнению ученых, содержит вступление и первую книгу «Хронографии» (См.: Истрин В. М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе / Под ред. М. И. Чернышевой. М., 1994).

² Croke B. Malalas, the man and his work // Studies in John Malalas / Ed. by E. Jeffreys, B. Croke and R. Scott. Sydney, 1990. P. 17–25.

³ Jeffreys E. Malalas' sources // Studies... P.167–216.

⁴ Любарский Я. Н. «Хронография» Иоанна Малалы (проблемы композиции) // Любарский Я. Н. Византийские историки и писатели. СПб., 1999. С. 7–20.

⁵ Пер. В. Алексеева // Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2-х т. М., 1987. С. 28.

фологическими именами. Как правило, раз возникнув, темы продолжают развиваться, поэтому они вызывают интерес у исследователей, и многие из них изучены⁶. Для определения концепции легендарной истории в данном исследовании будут рассмотрены основные темы этой части всемирной истории в их взаимодействии; такими темами являются «бог», «человек», «царь», «философ», «поэт». Предполагается анализировать их как знаки, которые обозначают неких конкретных персонажей в легендарной истории, имеют понятийное значение, о котором пишет Малала, неким образом взаимодействуют друг с другом, оказавшись рядом, и создают некую систему с определенными отношениями. Этот семиотический метод позволяет определить процесс формирования смысла в легендарной истории Иоанна Малалы. Выводы о замысле Малалы были бы более точными, если бы легендарная история рассматривалась не как система из пяти предложенных знаков, а из шести и более, в идеале же следует рассматривать систему, содержащую все темы как знаки.

В начальных главах⁷ первой книги слово «бог» соотносится с творцом первого человека Адама: «Был создан, точнее сотворен, бо-

⁶ См.: О философах — *Dölger F.* Zur Bedeutungen von Philosophia // *Byzanz und die europäischen Staatenwelt.* Darmstadt, 1964. S. 197–208; *Jefreys E.* Malalas' world view // *Studies...* P. 64–65.

О боре Дионисе — *Reinert S.* The image of Dionysus in Malalas' chronicle // *Byzantine Studies in Honor of Milton Anastos* / Ed. S.Vryonis. Malibu, 1985. P. 1–41.

О Фивах — *Huxley G. A.* Theban kinglist in Malalas // *Philologus* 1987, 131. P. 159–161.

О Гермесе — *Fowden G.* The Egyptian Hermes: a historical approach to the late pagan mind. Cambridge, 1986.

О Сифе — *Klijn A. F. J.* Seth in Jewish, Christian and Gnostic Literature. Leiden, 1977.

О Юдифи — *Dubarle A. M.* La mention de Judith dans la littérature ancienne, juive et chrétienne // *Revue biblique.* Vol. 66. 1959. P. 514–549.

О Вергилии — *Дерюгин А. А.* Вергилий в древнем славянском переводе хроники Иоанна Малалы // *Античность и Византия.* М., 1975. С. 351–362.

⁷ При ссылке на первую книгу «Хронографии» Малалы используется пагинация В. Истрина, который использовал римские цифры, в остальных случаях по традиции указывается страница издания Л. Диндорфа (*Joannis Malalae Chronographia* / Rec. L. Dindorf. Bonn, 1831), но без номера строки, например, Во 25.

гом из земли первый человек Адам» (Ἐκτίσθη ἦτοι ἐδημιουργήθη ὑπὸ τοῦ θεοῦ ὁ πρῶτος ἐκ γῆς ἄνθρωπος Ἀδάμ; 1. I). У Адама было три сына и две дочери. По велению бога (κατὰ κέλευσιν θεοῦ) он дал имена своим детям и всем тварям на земле (1. II). Сын Адама Сиф имел мудрость от бога и по велению бога назвал все звезды и пять планет, он изобрел еврейский алфавит (1. III). От него возник многочисленный род людей (1. IV). Среди них был праведник Енох, который был взят на небо (μετέτεθη) (1. V). Далее в своем повествовании Малала контаминирует две цитаты из «Бытия»: «Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (6. 2) и «в те времена были на земле исполины (гиганты)...издревле славные люди» (6. 4), и конструирует собственную версию: «Тогда сыновья бога увидели дочерей человеческих, что красивы они, и взяли себе в жены, какую кто избрал, и стали входить к ним, как выражается Моисей, и породили себе сыновей, и стали жить на земле в те времена гиганты, издревле славные люди» (1. V). Здесь Малала продолжает традицию Ветхого Завета, а далее утверждает, что сыновьями бога были ангелы, они же сыновья Сифа, а дочери человеческие были из рода Каина. Таким образом он глухо намекает на изначальную порочность гигантов, а затем сообщает, что бог наслал на гигантов в кельтскую землю огненный шар (1. VI). Однако другие гиганты, несмотря на наказание, остались непокорными (1. VII). Малала открыто говорит о грехе людей-гигантов и сообщает, что бог разгневался на них и произнес: «Да не останется дух мой в этих людях, потому что они плоть». Это еще одна цитата из Ветхого Завета (Быт. 6:3), в «Хронографии» она приобретает иное значение, так как вставлена в другой контекст. У Малалы эти слова предвещают смерть, у Моисея — сокращение срока жизни человека до 120 лет. В ветхозаветном тексте первое поколение людей погибает от всемирного потопа, у Малалы гиганты гибнут от всевозможных причин, в число которых входит и потоп. Для этого Малала привлекает мифологический материал и употребляет слово «поэт». Поэт Пиндар⁸ называл гигантов змееногими (1. VII). Обращение к поэту позволяет Малале расширить пространство повествования и привлечь этическое толкование поэтического вымысла, согласно которому гиганты были змее-

⁸ По другим источникам Писандр (См.: *Jeffreys E. Malalas' sources...* P. 189).

ногими, так как их помыслы были обращены к низменному и порочному (1. VIII). В этой части повествования действуют только бог и человек, человек подчиняется богу. Люди этого первого поколения были праведны, Малала не упоминает ни о грехе Адама и Евы, ни об убийстве Каином Авеля, но стоило им вырождаться в порочных гигантов, как их ожидала смерть. В этой части нет определения понятия «бог», бог лишь творец человека.

Далее Малала повествует о потопе, от которого спасся возлюбленный богом Ной, которому бог повелел построить ковчег и ввести в него весь свой род. Повествование о Ное — переход от одной части легендарной истории к другой. Во второй части нет прежнего бога деятеля, хотя слово «бог» встречается часто. Здесь Малала рассказывает о культурных героях-демиургах, которые во мнении людей стали богами. Материал этой части — мифы древнего Египта, Греции, Рима, но все персонажи называются потомками Сима, Хама или Иафета, сыновей Ноя. Потомки Ноя заселили землю и создали 72 этноса (1. XIII). Затем Малала называет Гандубария, давшего индам астрономию, и Нимрода, основавшего Вавилон, обожествленного персами и ставшего звездой Орион. Он был первым охотником (1. XIV). Астроном Зороастр стал покровителем персов (1. XVIII). Кронос, получивший имя планеты, как и его дети и внуки, был первым царем и правил в Ассирии и Италии. Малала дает определение понятию «царствовать», которое объясняет, почему правители, за редким исключением, назывались в «Хронографии» царями: «царствовать, т.е. управлять и владеть другими людьми» (τὸ βασιλεύειν ἢ τοι ἄρχειν καὶ κρατεῖν τῶν ἄλλων ἀνθρώπων). Из этого следует, что слово «царь» было у Малалы термином, обозначающим правителя. Далее в легендарной истории следует долгая, часто занимательная, череда царей, многие из которых были первопредками и благодетелями для своего народа. Сын Кроноса Пик-Зевс имел около семидесяти детей от разных женщин, считавших его богом, которых он соблазнял, являясь им в разных видах, ибо владел мистическим знанием (1. XX), он научил магии своего сына Персея (Во 35). Другой его сын Фавн-Гермес открыл золото на Западе, а затем, удалившись в Египет, даровал золото египтянам, а также предсказывал им будущее, за что они его обожествили (1. XXII). Сын Фавна-Гермеса Гефест ввел брачные правила, законы о чистоте нравов среди египтян (1. XXIII), а его сын Гелиос поддержи-

вал их среди народа (Во 24). Геракл, сын Пика-Зевса от Алкмены, назван Малалой философом, ибо обладал стойкой душой, твердым разумом и тремя добродетелями, позволявшими ему не гневаться, не быть златолюбцем и любителем удовольствий. Родственники обоже-ствовали его после смерти и назвали его именем звезду (1. XXI). Фило-софом была и Афродита, дочь царя Афра, которая после смерти своего любимого мужа Адониса, убитого Аресом, спустилась в аид, но вер-нулась оттуда живой (1. XVI). Малала называет философом Геракла, жившего в Тире во времена царя Феникса и изобретшего пурпурную краску (Во 32–34). Сир, эпоним Сирии, записал финикийскими пись-менами арифметическую философию и утверждал, что первоэлементы всего бестелесны, а тела и души переселяются (*μεταβάλλεσθαι*) в других животных (Во 34). Беотийский философ Тиресий, живший при царе Кадме, пытался, как пишет Малала, ссылаясь на драматурга Со-фокла, узнать мудрость демиурга (Во 40). Однако не все люди были непорочны. Дионис, сын Семелы от Полимена из рода Пика-Зевса, совершил столько преступлений, что «сенаторы и граждане города Кадмеи» не согласились признать его царем (Во 44). Эта часть хрони-ки написана в традициях Евгемера и Палефата, рационализировавших мифы. Идея евгемеризма была понятна Малале, и он ее пространно излагает в конце второй книги, ссылаясь на многочисленные источни-ки. Он упоминает Евсевия Кесарийского, мифографа Регина, Диодо-ра, Плутарха и Порфирия (Во 53–56). Малала называет людей идоло-поклонниками, указывая, что первым был Серух. Люди из благодар-ности, чтобы увековечить память о деяниях выдающихся воинов, пра-вителей, мистиков, благодетелей, воздвигали в их честь монументаль-ные памятники, а последующие поколения, не зная этого, приносили изображениям жертвоприношения и почитали их как небесных богов. По мнению Малалы, так продолжалось до времени Фарры, отца Ав-раама. Фарра был создателем изображений богов из камня и дерева. Таким образом во второй части легендарной истории действуют люди, которые создали себе ложных богов. Однако они получают некие представления об истинном боге из оракулов, из высказываний муд-рых людей. Это литературный прием, который Малала использует и в других частях легендарной истории. Он позволяет автору хроники дать определение понятию «бог». Возгордившийся своими военными победами царь Египта Фулис на вопрос, кто смог или сможет превзой-

ти его успехи, получил оракул: «Сначала бог, затем слово и дух вместе с ними. Рожденные все одновременно и ставшие единым, власть которого вечна» (Во 24–25). Египтянин Гермес Трисмегист, человек чрезвычайно мудрый, получил имя Трисмегиста (трижды величайшего) за то, что утверждал, что имя неизреченного демиурга состоит из трех величайших ипостасей, одна из которых божество (Во 26). Малала пространно цитирует суждения Гермеса Трисмегиста и делает вывод, ссылаясь на Кирилла Александрийского, что, не зная будущего, египтянин исповедовал единую троицу (Во 27). Поэт Софокл также считал, что бог один, он создал «небо, и великую землю, и высокую волну сверкающего моря» (Во 40). Слово «поэт» во второй части легендарной истории вводит материал знакомой современному читателю античной мифологии; так, в повествование о царе Гелиосе, борющегося за чистоту нравов, вставлены слова: «Об этом поэтически рассказывает поэт Гомер, он говорит о том, что Гелиос опозорил Афродиту, бывшую ночью с Аресом» (Во 24).

В небольшой третьей книге (Во 57–67) бог становится действующим персонажем израильской истории. Малала рассказывает о событиях Ветхого Завета со времен Авраама до чуда перехода евреев моря, во многом отступая от канонического текста. Авраам, получив знание о боге, порывает со своим отцом Фаррой, создателем изображений ложных богов. Он разбивает статуи и уходит от отца (Во 57). Ветхозаветное описание грозных чудес, которыми бог вынудил фараона отпустить иудеев из Египта, заменено у Малалы сценой состязания в чудотворстве при дворе фараона между Моисеем с его братом Аароном и египетскими кудесниками Яннисом с Ямврисом (Во 64). О двух чудесах рассказывает Малала: о змеях и речной воде, которую египтяне сделали кровавой, а Моисей очистил. Фараон, которого Малала назвал Петиссоний, признав силу бога Израиля, медлил отпускать иудеев, тогда Моисей молил бога наслать несчастья на египтян. Бог наслал «семиударный гнев» и фараон отпускает израильтян служить богу. Окончательно фараон отпускает Моисея, Аарона и их народ после оракула, который он получил в Мемфисе, куда отправился с вопросом, кто первый среди богов и великий бог Израиля (Во 65–66). Слова оракула можно считать продолжением определения понятия «бог». Это постоянный вечный огонь, перед которым трепещут небо, земля, море, глубины тартара. Это бог, сам себя породив-

ший отец, отец и сын в самом себе, трижды блаженный. Остальные боги (оракулы) лишь вестники о нем. Определением являются также слова «бог, создавший небо, землю, море и все, что находится в них» (Во 64). Таким способом Малала восполняет лакуну в рассказе о боге, которого он прежде называл только творцом человека. Царем в этой части легендарной истории назван Мельхиседек, ассириец Ендеlex, царствовавший во времена Авраама; египтянин Фараон, именуемый также Нарахо; автохтон Огиг, правивший Аттикой; Аид, управлявший молоссами накануне исхода евреев из Египта. Упомянув Аида, Малала пересказывает, по его словам, палефатовскую версию мифа о похищении Персефоны (Во 62–63). Философом назван гигант Ендимион, который пытался колдовским заговором узнать сокровенное имя Селены. Он узнал божественное имя во сне и больше никогда не просыпался (Во 61). Останки его, как писал Малала, находились в Карию в его время. Итак, в третьей части легендарной истории иудеи узнают о боге и начинают ему служить, бог становится их господином и спасает их от преследования египтян.

Четвертая книга многим напоминает вторую, в ней описывается легендарная история многих народов, для чего излагаются рационализированные античные мифы, приводятся списки царей, в этой книге впервые появляются имена прорицательниц Деворры, предсказавшей иудеям все будущее (Во 70), Сивиллы (Во 70), исторические лица. Как правило, это создатели духовной культуры: Сапфо, признанная первой поэтессой (Во 72), Гиппократ, изложивший медицинскую философию (Во 85), философ Демокрит (Во 85). Бог повелевает не только израильским народом (Во 69), но приходит на помощь аргонавтам, послав архангела Михаила, который предстал перед ними в облике видения, спустившегося с небес на крыльях (Во 78). Большое место в этой части легендарной истории отводится Орфею (Во 72–76), который, как пишет Малала, ссылаясь на хронографа Тимофея, «уже много веков назад сказал, что единосущная троица была демиургом всего» (Ὁρφέα πρὸ τοσούτων χρόνων εἰπόντα τριάδα ὁμοούσιον δημιουργῆσαι τὰ πάντα) (Во 76). Стихи Орфея позволяют Малале рассказать о создании богом вселенной, т. е. таким образом автор всемирной хроники продолжает давать определение бога. Оракул у Малалы предсказывает появление Иисуса Христа, называя его «вечным словом», которое будет зачато непорочной девой Марией (Во 77–78). Демокрит учит,

что желающий стать философом должен научиться аскетизму, должен избегать злых деяний, думать и поступать достойно, а когда он будет философом, тогда узнает девятибуквенное слово и увидит сына бога, бесстрастный логос, которому в будущем предстоит страдать (Во 85). Люди в хронике Малалы продолжают быть культурными героями: всевидящий Аргос, прозванный стоглазым, ввел на Западе ремесла (Во 69–70); Атлас объяснил людям астрономию, Прометей изобрел письменность (грамматическую философию); Епиметей — музыку (Во 70). Царь Кекроп, подобно царю Гефесту из второй части всемирной хроники, ввел в Афинах брачные правила (Во 71). Кроме Демокрита, философом назван Марсий, который изобрел музыкальный инструмент авл, но сойдя с ума, стал притязать на божественность, чем вызвал гнев бога; о нем, как пишет Малала, поэты сочинили историю, будто он поссорился с Аполлоном (Во 76). Слово «поэт» обращено прежде всего к Еврипиду. Малала упоминает о трагедии «Алкмеон» (Во 72), «Сфенебей» (Во 84), «Пасифая» (Во 86), «Ипполит» (Во 88)⁹. Пересказывая многочисленные мифы в рационализированном виде, Малала указывает традиционную трактовку мифа, иногда называя ее поэтической (Во 76, 83, 90). В повествовании Малалы много любовных историй; в пересказанных рационалистами мифах, которые привлекает Малала, они замещают упоминания о божественном происхождении героев. Так, у Малалы приводится рассказ о Леде: «Она совершила прелюбодеяние, изменив мужу с неким более молодым сенатором по имени Кикн (Лебедь — *Л. С.*), сыном Едериона, царя Ахайи, происходившим из рода Пика-Зевса, а Тиндарей, муж Леды, не знал о супружеской измене. Леда изменяла мужу, удалившись в свое поместье, лежащее у реки Еврот. Забеременев от любовника Кидна, сына царя Едериона, она родила тройню Кастора, Полидевка и Елену. Эта Елена имела потрясающую красоту, спустя время Тиндарей отдал ее в жены Менелаю, царю аргосцев, молочному брату Агамемнона; так написал мудрейший Палефат, (утверждая), что напрасно поэты рассказывают историю, по которой Зевс стал лебедем и обесчестил Леду» (Во 82–83).

Пятая книга (Во 91–149) вызывает особый интерес у исследователей. Основную ее часть занимает описание Троянского цикла мифов

⁹ *Jeffreys E. Malalas' sources ... P. 179.*

(Во 91–142). Малала начинает повествование с рождения Париса и завершает смертью Ореста, сына Агамемнона, в Микенах. Исследователей поражает величина этой части, смена повествовательной структуры, появление соматопсихограмм¹⁰, которые являются характеристиками персонажей, состоящими «из нескольких эпитетов, описывающих внешние и нередко внутренние свойства героя»¹¹. Особое положение легендарной истории Троянской войны исследователи связывают с использованием времени гибели Трои как важной хронологической точки отсчета времени у Евсевия; с исключительным значением в «Хронографии» Малалы темы оберега палладия, о котором много пишется в пятой книге (Во 109–114, 122) и который позднее сделается у Малалы талисманом Рима и Константинополя; с выдающимся положением Гомера в литературе¹². Однако Троянский цикл излагается не по Гомеру, а по Диктису Критскому, фрагменты сочинения которого на греческом языке найдены на папирусах, а латинский перевод принадлежит Септимию¹³, а также по Сисифу с острова Кос, неизвестному автору, на которого ссылается только Иоанн Малала¹⁴. Таким образом Малала продолжал излагать легендарную историю в рациональном виде. Отказываясь от мифа о суде Париса над тремя богинями, Малала сообщает, что Парис написал знаменитый энкомий, хвалебное слово в честь богини Афродиты, говоря, что ни Гера, ни Афина не лучше ее, что Афродита — это страсть, благодаря которой все рождается (Во 92); вместо сказочных приключений Одиссея на острове Кирки и Калипсо в «Хронографии» излагается история о двух сестрах Кирке и Калипсо, которые враждовали между собой и к которым попадает Одиссей со своими спутниками (Во 117–121). Кирка, боясь своей сестры, привлекала на свою сторону воинов, опаивая их приворотным зельем. Влюбленные мужчины часто вели себя как дикие звери. Остров сирен у Малалы превратился в остров скал, поющих под ударами волн (Во 121). Повествовательную структуру этой

¹⁰ Впервые соматопсихограммы появляются в четвертой книге при описании Федры и Ипполита (Во 88).

¹¹ Любарский Я. Н. Герои «Хронографии» Иоанна Малалы // Любарский Я. Н. Византийские историки ... С. 23.

¹² Jeffreys E. Malalas' world... P. 58–59.

¹³ Jeffreys E. Malalas' sources... P. 176–177.

¹⁴ Ibid. P. 192–193.

части можно отнести скорее к истории, чем к хронике, так, например, здесь появляется объяснение связи событий: «Во времена Давида над Илием, точнее страной фригийцев, царствовал Приам, сын Лаомедонта. Тогда в его царствование Илион, Дардан, Троя и вся страна фригийцев были разорены ахейцами, среди которых упоминают Агамемнона, Менелая и остальных вместе с Неоптолемом Пирром; они воевали против Илия из-за похищения Парисом-Александром Елены... Началом бедственной гибели Трои и всей страны фригийцев установлена следующая причина...» (Во 91). В повествовании нарушен хронологический порядок событий, так, о смерти Париса (Во 110) сообщается прежде, чем о смерти Ахилла (Во 131). Многие события передаются через речь персонажей: Аякс Теламонид напоминает о своих подвигах на войне (Во 109–110); Одиссей вспоминает о смертельном поединке Париса и Филоктета (Во 110–111); Тевкр рассказывает Пирру об убийстве Ахиллом Гектора (Во 123), о коварном убийстве его отца Ахилла (Во 131). В пятой книге меняется объект описания. Если в первых четырех книгах описывались люди и назывались их деяния, то здесь описываются события войны. Возможно, для того, чтобы не нарушать представления о легендарной истории как об истории людей и их достижений, Малала вводит обширный список персонажей Троянской войны, среди которых есть мужчины и женщины, ахейцы и троянцы, он снабжает перечень героев соматопсихограммами, в которых ахейцы и некоторые защитники Трои названы воинственными (πολεμιστής) (Во 103–106). В языческом пространстве Троянской войны люди ведут себя неблагородно, они перестают понимать оракулы (Во 92–93), у них нет уважения к богам. Парис не совершает жертвоприношения богу Аполлону, ради которого Приам отправил его в Элладу (Во 95). Одиссей и Диомед похищают палладий из храма Паллады по наущению троянского экзарха Антенора (Во 109). Парис и Деифоб убивают Ахилла в священной роще Аполлона у алтаря бога (Во 131). Из-за палладия ночью убит Аякс Теламонид, и подозрение в убийстве падает на Одиссея, который вынужден бежать (Во 114). Возвращаясь на Итаку, Одиссей грабит прибрежные земли (Во 114), а на острове Сикила он сталкивается с тремя братьями Киклопом, Антифаном и Полифеном, которые не признавали законов гостеприимства и убивали чужестранцев (Во 114–116). Ахилл отдает тело Гектора Приаму, соблазнившись огромным выкупом (Во 125). Ахилл предстает у

Малалы жестоким и женолюбивым. Устроив ночью засаду, он убивает Гектора с его спутниками, а одного, оставив живым, но отрубив ему руки, отправляет к Приаму с вестью о смерти сына (Во 123). Ахилл влюбляется в Брисеиду и тайно держит ее в своей палатке (Во 101), тайно от ахейцев договаривается о свадьбе с Поликсеной, полюбив ее (Во 130–131). Троянская война описывается обстоятельно. Малала приводит каталог кораблей, на которых прибывают под Трою ахейцы (Во 107–108), подробно рассказывает о набегах ахейцев на соседние с Троей города, во время которых они грабят и разрушают селения, уводят в плен людей (Во 99–103). Малала даст обширное описание сражения данайцев с войском амазонок во главе с Пенфесилеей (Во 127), с Мемноном, царем индов (Во 127–129), он описывает поединки героев (Во 110–111, 126, 129). Вслед за историей о Троянской войне в «Хронографии» следует повествование об Агамемноне и его сыне Оресте (Во 133–142). При изложении этой истории Малала воспользовался, как он сам пишет, шестой книгой Диктиса Критского, пьесой Еврипида¹⁵ и сочинением Домнина. После убийства своей матери Клитемнестры и ее мужа царя Эгисфа, которые убили его отца и захватили царскую власть, Орест впадает в безумие, которое иногда оставляет его. Ареопэг в храме Афины оправдывает Ореста, он вместе с другом Пиладом отправляется в храм к богу Аполлону, чтобы излечиться от безумия, и получает оракул, который посылает его в долгие странствия. В Скифии он находит сестру Ифигению и с ней отправляется в Палестину, затем прибывает в Сирию и там находит храм Гести, где излечивается, и, наконец, возвращается в Элладу и становится царем Микен. В языческой (эллинской) части пятой книги Малалы слово «бог» означает олимпийских богов Аполлона, Афины, Артемиду, Гестию. Философом назван создатель палладия Асий (Во 109), который создал его для царя Троса задолго до Троянской войны. Автор «Хронографии» называет Гомера (Во 120) и Еврипида (Во 117, 137) мудрейшими (σοφώτατος). Поэтический материал, как и раньше, позволяет Малале от повествования перейти к толкованию античной мифологии с ее невероятными рассказами. Следует еще раз отметить, что трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде» стала поэтическим ис-

¹⁵ Малала пересказывает трагедию Еврипида «Ифигения в Тавриде», цитируя стихи 238–255, 495, 510, 771, 774, 790–791 (Joannis Malalae Chronographia... P. 73).

точником для изложения легендарной истории, источником, который Малала подробно пересказывал. Примечательными являются слова Малалы об истории создания античного героического эпоса, которые завершают повествование о Троянской войне: «Это написал Сисиф Косский, участвующий в войне вместе с Тевкром. Найдя его сочинение, Гомер написал “Илиаду”, а Вергилий описал остальные события. Об этом же сообщается в записях Диктиса, чей труд спустя много лет после Гомера и Еврипида был найден при Клавдии Нероне в ларце» (Во 132–133). Малала делает персонажами своей истории авторов первых трагических песен и трагедий, живших после падения Трои (Во 142–143), а также Гомера, время жизни которого он относит к промежутку между царствованиями израильского царя Ахава и Езекия (Во 143). Таким образом, Троянская война является переломным моментом в легендарной истории Малалы. Меняется объект описания. Им становится война. Меняется масштаб описания. Становится важным не только назвать событие, но и подробно рассказать о нем. Противопоставляется мир языческий и ветхозаветный, где люди верят в бога. Малала называет иудейских царей Давида и Соломона, пророка Илию и подробно рассказывает об осаде Иерусалима ассирийским царем Сеннахиримом на четырнадцатый год правления израильского царя Езекия. В Ветхом Завете эта история повторяется несколько раз. Текст «Хронографии» (Во 144–149) почти дословно совпадает с историей в четвертой книге Царств (18. 13; 18. 17 – 19. 20; 19. 32–37) и в Книге пророка Исаии (36. 1 – 37. 21; 37. 33 – 38). Бог спасает Иерусалим от сильного врага и доказывает, что он единственный бог в ойкумене, что боги, которых ассирийские цари бросали в огонь, не боги, а изделие рук человеческих, дерево и камень, потому люди смогли их истребить.

В шестой книге «Хронографии» слово «бог» означает ветхозаветного бога, который гневается и благодетельствует. Он прогневался (*ἀγανακτήσας*) на царя ассирийцев Валтасара, осквернявшего священные иудейские сосуды, и положил конец его царству (Во 151–152). Пророк Даниил сообщает царю ассирийцев Киру о благоволении к нему бога, приведя пророчество Исаии о нем: «Так говорит господь помазаннику моему Киру, которого я держал за правую его руку, чтобы покорить народы ему: “Я мощь царей разорву, я открою перед ним ворота, и города не будут перед ним запираются. Я пойду перед ним и

горы уровняю, медные двери сокрушу и запоры железные сломаю. Я дам тебе богатства сумрачные и тайные, я открою тебе невидимые (богатства), чтобы ты познал, что я господь бог. Я возношу его со справедливостью, все дороги его праведные. Он построят город мой и отпустит пленный мой народ не за выкуп и не за дары". Сказал господь бог Саваоф» (Во 156–157). Это чуть измененная цитата из Книги пророка Исаии (45. 1–4, 13), где прослеживается путаница в употреблении местоимений «ты» и «он». Бог вмешивается в историю людей и сообщает свою волю через пророков. В шестой книге таким пророком является Даниил, который владеет мудростью от бога (σοφίαν ἔχων θεοῦ) (Во 154). К нему обращается царь Валтасар, желая узнать значение таинственных слов на стене, после того как маги, толкователи снов, астрономы не смогли истолковать их (Во 151–152), ему как пророку царь Кир задал вопрос: «Скажи, одержу ли победу над Крезом, царем лидийцев?» (Во 156). Цари Крез и Кир перед войной обратились к прорицателям, желая узнать ее исход (Во 153–157). Оба царя устроили испытания оракулам, оба оракула доказали свою силу: пифия узнала в посланниках Креза лидийцев, хотя они выдавали себя за египтян, Даниил не погиб в яме со львами, куда приказал его бросить Кир. Оба царя получили благоприятные ответы, но ответ пифии был двусмысленным: «Крез, перейдя реку Галис, великое царство разрушит»; он предсказывал победу, но не Крезу. Это противопоставление не случайное, оно продолжает череду сравнений языческого мира и ветхозаветного. В эту часть легендарной истории вторгается реальная история VI–V вв. до н. э., поэтому Малала пишет о затмении солнца, которое предсказал философ Фалес (Во 152), о Писистрате, который руководил народом (Во 152), об Анаксимандре, который занимался философией и сделал географические открытия (Во 158). «Тогда, — сообщает Малала, — учителями эллинских знаний были философы и поэты Софокл, Гераклит, Еврипид, Геродот, Сократ, великий Пифагор» (Во 161). Доведя легендарную историю Египта, Ассирии, Аргоса, Израиля до времен македонского царя Филиппа, в шестой книге Малала обращается к легендарной истории Италии: «В ранее упомянутые времена родился в Лате, в Фиваиде, Геракл, он был из рода Геракла, который родился у Алкмены и Пика-Зевса. Он был воспитан в Испании и, став взрослым, прибыл из Испании в Италию, спасаясь от царя Еврисфея, и царствовал (там) 38 лет» (Во 161). По-

сле Геракла царствовал его сын Телеф, а затем внук Латин (Во 162). Далее, ссылаясь на поэта Вергилия, Малала сообщает историю Энея, пересказывая легенду о Дидоне, ее муже Сихее и брате Пигмалионе (Во 163). В Италии Эней встречается с Диомедом, от которого получает палладий, который он увез из Трои (Во 167). Назвав имя Диомеда, Малала сообщает мифы о его роде, вспоминая о калидонской охоте и гибели Мелеагра, который умирает у Малалы после того, как его отец Ойней бросил в огонь лист оливы (Во 166), в отличие от традиционного мифа, где мать Алфея лишила сына жизни, бросив в огонь головню. В Италии Эней сражается на стороне царя Латина против рустулов и их царя Турна. Латин погибает, вокруг Энея собираются все итальянские правители, они вместе сражаются, побеждают рустулов и убивают их царя. Эней становится царем, ему наследует его сын Асканий, который правил, когда первосвященником в Иерусалиме был Елиаким, сын Иошуа. В Элладе, как полагает Малала, «тогда жили Исократ, Перикл, Фукидид, описавший войну пелопоннесцев и афинян. Во времена Фукидида, но после упомянутых выше философов, жили скульптор Фидий, Стесихор и Вакхилид, создатели хоронов и поэты. Немного позже этих упомянутых [людей] были воспитатели эллинов. После этого были Демосфен и комедиограф Аристофан» (Во 169). Таким образом Малала сделал краткий экскурс в легендарную историю Италии и вернулся в реальную историю Эллады, перепутав время жизни Стесихора и Аристофана. Однако последними в этой книге были слова о палладии, который царь Альбас, сын Аскания, перенес в основанный им город Сильву (Во 170).

Седьмая книга (Во 171–191) посвящена Риму, и лишь в ее конце упоминаются другие страны (Во 188–191). Для описания Рима Малала привлек этиологические мифы, объясняющие происхождение праздников, государственных установлений, поэтому седьмая книга содержит не легендарную историю Рима, а описание обычаев римского народа, изложенных в хронологическом порядке их возникновения. Малала объясняет названия общественных зданий (Во 171) и римских календарных месяцев марта (Во 172–173), февраля (Во 186–187), августа (Во 187), описывает учреждение праздника в честь бога Марса (Во 172–173), брумалиев¹⁶ (Во 178–180), консилиев (Во 182–183), ус-

¹⁶ См.: Ельницкий Л. А. Византийский праздник брумалий и римские сатурналии // *Античность и Византия*. М., 1975. С. 340–350.

тановление конных ристалищ (Во 173–177). В пространном фрагменте о конных состязаниях он объясняет, почему их учредитель Ром (так Малала называет Ромула) построил ипподром и установил в Риме конные гонки, рассказывает об Ойномае, который первый провел состязания в Европе, и Ениалии, изобретателе конных ристалищ. Малала объясняет символику четырех цветов зеленого, синего, красного и белого, под которыми выступали участники состязаний в Риме, толкует значение слов πράσιον («зеленый»), βένετον («синий»), которые стали названиями цирковых партий. К рассказу о конных гонках примыкает легенда о похищении женщин, в сообщении о брумалиях излагается история происхождения и воспитания Рома и Рема, история об убийстве Брутом своего сына связана у Малалы с учреждением консилиев, повествование о жизни Манлия Капитолина завершается сообщением об очистительных ритуалах в феврале. Малала подробно сообщает о Роме, о падении седьмого царя Тарквиния, о первых консулах Бруте и Каллатине, о Манлии Капитолине, победителе галльского рекса Бренна. Завершается фрагмент о Риме словами: «После того как Тарквиний лишился царской власти, городом управляли упомянутые выше Брут Великий и Каллатин, муж Лукреции, и другие консулы до (времени) Цезаря Юлия на протяжении четырехста шестидесяти четырех лет» (Во 188). В римском обществе, описанном Малалой, постоянно присутствуют распри, убийства. Народ постоянно восставал и выступал против Рома из-за убийства им Рема; Ром, желая отвлечь народ, построил ипподром (цирк) и устроил конные гонки, но среди народа возникли цирковые партии, которые только усилили враждебность людей. При пересказе мифов Малала ссылается на Вергилия и Каллимаха, он упоминает имена Зевса, Деметры, Посейдона, Гелиоса, рассказывает об их храмах и о жертвоприношениях, но не употребляет слова «бог». О боге Малала пишет за пределами повествования о Риме, рассказывая о Платоне, которого он называет философом и учителем греков (τῶν Ἑλλήνων φιλόσοφος παιδευτῆς) (Во 188). По Малале, который ссылается на сочинение Кирилла Александрийского против Юлиана Отступника, Платон предсказал святую троицу. Малала также называет Ксенофонта, Эсхина, Аристотеля философами и учителями эллинов, полагая их современниками Платона и приписывая им учение о метасихозе. В мифах о метаморфозах, которые перечисляются в «Хронографии», по мысли Иоанна Малалы,

и воплотилось это учение (Во 188–189). Во второй части седьмой книги Малала рассказывает в основном о событиях, связанных с Македонией и рождением Александра Великого, о нем и его империи повествует книга восьмая, которая начинается словами о том, что «бог подвигнул на ассирийцев, персов, парфян и мидийцев Александра топарха, точнее царя, Македонии, сына Филиппа» (ἐξανεόστησεν ὁ θεὸς τοῖς Ἀσσυρίοις καὶ Πέρσαις καὶ Πάρθοις καὶ Μήδοις Ἀλέξανδρον τὸν τῆς Μακεδοῦας τοπάρχην, ἧτοι βασιλέα, τὸν Φιλίππου) (Во 192). Эти слова можно считать завершением легендарной истории «Хронографии» Малала.

В первых семи книгах Малала повествовал о том, как бог руководил людьми, которые были персонажами священной истории Ветхого Завета или рационализированных мифов, в восьмой же книге он впервые соединяет бога и историческое лицо. В легендарной истории Малала показал, как идея бога распространилась между людьми. Бог создал Адама, его потомки первоначально вели себя разумно, но позднее стали порочными, и потому были уничтожены богом. Потомки праведника Ноя создали новое поколение людей, они заселили обширные территории и стали создавать свою цивилизацию. Во главе людей стояли цари-демиурги, культурные герои, которые создали много духовных и материальных ценностей, в благодарность и в память о них люди стали считать их богами, хотя величайшие мудрецы знали истину о боге. Авраам получил знание о боге и стал защитником его, через Моисея бог явил свою силу не только евреям, но и египетскому фараону, получившему подтверждение о величии бога из оракула. Бог помогал аргонавтам, ассирийцам, но более всего он помогал израильскому народу. Человеческая цивилизация многого достигла, но люди со времен Троянской войны стали враждовать между собой, уничтожать целые государства, перестали понимать оракулы. Человечество разделилось на два мира: мир эллинский (языческий) и мир, который служил и подчинялся богу. Такова упрощенная схема легендарной истории, изложенная Иоанном Малалой, хотя, вероятно, автор всемирной хроники сознательно не выделял легендарную историю из потока событий, о чем свидетельствует соседство исторических событий и исторических лиц рядом с персонажами античных мифов и Ветхого Завета. Легендарная история Малалы содержит рационализированные мифы древнего Египта, Греции, Рима, Ирана,

написанные в традициях критики всего невероятного в мифологии, будь то божественное происхождение, превращение людей в зверей, фантастический облик героя. Легендарная история — это история царей, история культурных героев, история познания человеком знаний, будь то астрономия, медицина, грамматика, или знание о сокровенных тайнах бога, о его сущности, о троице, знание, которое было открыто великим мудрецам древности.

И. В. Кривушин, Е. С. Кривушина

**АНТИЧНАЯ ТРАГЕДИЯ В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ:
ЮСТИН МЛАДШИЙ В ИЗОБРАЖЕНИИ
ЕВАГРИЯ СХОЛАСТИКА***

Евагрий Схоластик (начало 30-х гг. — конец VI в.) — один из самых интересных церковных историков ранневизантийской эры. Написанное им около 594 г. сочинение, рассказывающее о событиях церковной и политической истории Восточно-римской империи от Феодосия II до Маврикия, значительно отличается от трудов его предшественников — Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Эрмия Созомена и Феодорита Киррского. Основная причина этих различий заключается в том, что Евагрий неожиданно для автора, работающего в жанре церковной историографии, непропорционально большое внимание уделяет светским сюжетам. В двух последних же книгах его «Истории» (V и VI) они практически полностью вытесняют сюжеты церковные.

Смена тем неизбежно ведет к смене способов интерпретации исторического материала. Выработанные в церковной историографии IV–V вв. нарративные модели оказываются в этой ситуации неподходящими. Перед автором возникает дилемма — или попытаться создать какой-либо новый метод объяснения, или же обратиться к уже проверенному инструментарию греко-римской историографической

* Исследование проведено при поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований (Проект № 00-06-80215).

традиции, которая неизменно ставила в центр внимания события политические.

Чтобы выяснить, какой путь избирает Евагрий, мы проанализируем его рассказ о правлении Юстина Младшего, который занимает большую часть V книги его «Церковной истории»¹.

Этот рассказ включает в себя следующие элементы: 1) приход Юстина к власти; 2) его общая характеристика как правителя; 3) расправа с противниками; 4) церковная политика; 5) внешняя политика; 6) конец правления. Все они обычны для повествования Евагрия. Но если в предшествующих книгах его внимание было сфокусировано на истории Империи, то здесь подход кардинально меняется — события имперской истории становятся материалом для реализации темы судьбы правителя, личной темы Юстина. В этой части «Церковной истории» даже церковно-историческая линия теряет свою самостоятельность — те действия Юстина в отношении церкви, которые удовлетворяют создаваемому его образу, тщательно фиксируются и удостоверяются авторского комментария (продажа церковных должностей, низложение с антиохийского престола благочестивого Анастасия), те же, которые могут этот образ разрушить (возвращение собранных в столице епископов к их престолом, указ об утверждении православия, рукоположение в антиохийские патриархи благочестивого Григория), описываются бесстрастно и как бы отделяются от основной темы рассказа. Представление о Юстине как защитнике православия, которое у предшественников Евагрия неизбежно стало бы ключом к его харак-

¹ Трактовка Евагрием образа Юстина Младшего уже оказывалась в сфере внимания исследователей. См.: *Cameron Av. Early Byzantine Kaiserkritik: Two Case Histories // Byzantine and Modern Greek Studies. Vol. 3. 1977. P. 9–11; Tinnefeld F.H. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971. S. 45–48; Whitby M. Evagrius on Patriarchs and Emperors // The propaganda of power: the role of panegyric in late antiquity / Ed. M. Whitby. Leiden; Boston; Köln; Brill, 1988. P. 333–334, 339ff. Однако лишь Г. Чеснат обратил внимание на роль античных моделей объяснения при интерпретации Евагрием этого правления. См.: *Chesnut G.F. The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret and Evagrius. 2nd ed. Macon (Ga.), 1986. P. 218–219.**

В целом о труде Евагрия и о нем самом см.: *Кривушин И.В. Евагрий Схоластик и его «Церковная история» // Евагрий Схоластик. Церковная история / Пер. И.В. Кривушина. СПб., 1999. С. 5–86; Allen P. Evagrius Scholasticus the Church Historian. Leuven, 1981.*

теристике, оказывается для нашего автора досадной помехой, и он пытается вытеснить его на периферию своего повествования.

В итоге, вместо истории правления православного императора перед нами проходит трагическая история человека, достигшего предела человеческих желаний, но в силу своих страстей и пороков не сумевшего сохранить свое счастье. Исходным пунктом анализа становится излюбленная античная идея зависимости жизненного пути героя от его характера. Поэтому автор почти сразу начинает свой рассказ с характеристики Юстина. Он пишет, что Юстин «отступил от привычного [для римлян] образа жизни, усердно предавался наслаждениям и странным удовольствиям» (195:20–21)². К такой оценке Евагрий будет возвращаться еще несколько раз. Ввергнув Империю в войну с персами, «Юстин, однако же, к войне не готовился, но предавался обычной роскоши и для собственных удовольствий забывал обо всем прочем» (203:25–26). В опасной для римлян ситуации император, «предаваясь обычным удовольствиям», посчитал ложной информацию Григория Антиохийского об истинном положении дел на Востоке и «рассуждал так, как сам желал», что «свойственно людям, отступившим от привычного образа жизни» (205:9–14). Как следует из примеров, оппозиция разума и страсти (порока) на оценочном уровне³ трактуется как оппозиция нормы и отступления от нормы. Ключевыми понятиями оказываются *δίαιτα* («уклад», «образ жизни») и *τόπος* («обычный»); идея отступления от нормы передается через словообразование с помощью приставки *ἐκ* («от») — *ἐκ-δίαιταόμαι* («отступать от привычного образа жизни») и *ἐκ-τόπος* («необычный»).

Настойчивое указание на неразумие Юстина — не только фиксация причинности, но и реализация античной идеи о неизменности

² Здесь и далее ссылки на «Церковную историю» Евагрия даются с указанием на страницы и строки издания: *The Ecclesiastical History of Evagrius with the scholia* / Ed. J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898.

³ Эта оппозиция более чем очевидна. Излюбленный прием Евагрия — параллелизм ситуаций, их зеркальное отражение (со знаком плюс и со знаком минус), как, например, в книге V, первая часть которой посвящена недостойному правителю Юстину, а вторая — его антиподам Тиверии и Маврикию и в которой имеет место повторяемость аналогичных сюжетов, противоположно трактуемых.

человеческой природы, которая дает о себе знать в любых ситуациях. К этому следует добавить и повтор на более широком уровне. Основные параметры характеристики Юстина — неудержимое влечение к порокам (действенное начало) и одновременно рабская подчиненность порочным желаниям (нравственное бессилие) — не новы. Мы их уже встречали в развернутом описании другого римского императора Зенона, которое приводим почти полностью. Придя к власти, пишет Евагрий, тот «настолько поддался натиску страстей, что не удержался ни от одного из неподобающих и бесчестных [пороков], но до такой степени стал их обителем, что полагал, рассуждая дурно и подобно рабам, что совершать их тайно и скрытно свойственно [лишь] низшим, а открыто и как бы на виду у всех [есть дело] царское и подобающее только самодержцу. Однако самодержец познается не по тому, что он естественно повелевает другими, но по тому, что он прежде всего властвует и управляет самим собой, не давая проникать в себя тайком ничему неподобающему, до такой степени являясь неуязвимым для неумеренных страстей, что становится живой картиной добродетелей для подражания, [тем самым] воспитывая подданных. Он же, впустив в себя удовольствия, постепенно и незаметно стал их гнусным рабом, пленником [без надежды] на выкуп, постоянно переходящим от хозяина к хозяину, подобно негодным рабам, если действительно бесчисленны властвующие [над ним] удовольствия и нет им конца в их непрерывности и взаимной связанности; ибо любое удовольствие преходяще, однако оно всегда воспламеняет и порождает другое, до тех пор пока правитель, став подлинным самодержцем, не изгонит охлократию удовольствий, отныне царствуя [над ними], а не подчиняясь их тирании, или пока, рабски [им] служа до смертного часа, не сойдет в [царство] Аида» (99:1–100:5)⁴.

⁴ Ζήνων δέ, ...ὥσπερ οὐκ οἰόμενος τῶν ὅλων ἐγκρατὴς γενέσθαι εἰ μὴ καὶ πάσαις ταῖς ἐπιούσαις ἡδοναῖς μετ' ἐξουσίας ἐπεξέλθαι, τοσοῦτον ἐκ προοιμίων ἑαυτὸν ταῖς ἐπιθέσει τῶν ἐπιθυμιῶν ἐκδέδωκεν ὥς μὴδὲν αὐτὸν ἐπισχεῖν τῶν ἀπρεπῶν τε καὶ ἀθέσμων, ἀλλ' οὕτως τοῦτοις ἐμπολιτεύσασθαι ὥς τὸ σκοτίως ταῦτα καὶ ἐν παραβύστω γίνεσθαι χαμερπὲς εἶναι νομίζειν, τὸ δέ γε ἀναφανδὸν καὶ ὥσπερ ἐξ ἀπόπτου βασιλικὸν καὶ αὐτοκράτορι μόνῳ πρέπον, κακῶς καὶ δουλοπρεπῶς κρίνας. Οὐκ ἐξ ὧν γὰρ ἑτέρων κρατεῖν πέφυκεν ὁ αὐτοκράτωρ γνωρίζεται, ἀλλ' ἐξ ὧν ἑαυτοῦ πρῶ-

Идентичность оценок означает, что Евагрий видит в Зеноне и Юстине не конкретных (здесь негативных) правителей, а типичных героев с типичными пороками⁵. Отсюда в описании наличие преимущественно обобщающих формулировок, насыщенных развернутыми метафорами. После такой исчерпывающей характеристики Зенона автору нет нужды повторять ее далее в том же объеме, в случае с Юстином ему достаточно воспроизвести ее краткую версию.

Исходя из общей антропологической идеи античности, основанной на оппозиции человека страстного и человека разумного, Евагрий представляет историю правления Юстина Младшего не как последовательный ход событий, плавно перетекающих одно в другое, но как череду несовместимых, конфликтующих между собой эпизодов, часто отрицающих друг друга.

Подобно многим античным персонажам, Юстин вознесен судьбой на самую вершину успеха. После смерти своего дяди Юстиниана Великого он беспрепятственно восходит на престол Римской империи. Он начинает свое правление с благого дела — отпускает «к своим престолом собранных отовсюду священников, чтобы они отправляли богослужение по обычаю, не вводя никаких новшеств в веру» (195:15-18). Однако автор сразу же разрушает представление о новом императоре как человеке достойном. Придя к власти, Юстин «отступил от привычного [для римлян] образа жизни, усердно предался наслаждениям и странным удовольствиям и пламенно возжелал чужие

τον ἄρχει τε καὶ κρατεῖ, μηδεὶ τῶν ἀτόπων παρείσδυσιν ἑαυτῷ διδοῦς, οὕτω δὲ ἀνάλωτος ταῖς ἀκρασίαις ὑπάρχων ὡς ζῶν ἄγαλμα τῶν ἀρετῶν εἶναι πρὸς μίμησιν, ἐκπαιδεύων τὸ ὑπήκοον. Ὁ δὲ ταῖς ἡδοναῖς ἑαυτὸν ἀνοιγὺς λέληθε κατὰ σμικρὸν δοῦλος αἰσχιστος δοριάλωτος ἀνάποινος γιγνώμενος, δεσποτείας συχνὰς ἀμείβων ἴσα τοῖς ἀχρείοις τῶν δούλων, εἰπερ ἀναριθμητοὶ τῶν ἡδονῶν αἱ δέσπονται καθεστᾶσιν, ἥκιστα πέρας τῆς συνεχείας τε καὶ τῆς σφῶν ἀλληλουχίας ἔχουσαι· αἲ τῆς ἐν χερσὶν ἡδονῆς οὐχ ἰσταμένης, ὑπέκκαυμα δὲ καὶ προοίμιον ἑτέρας γιγνομένης, ἕως ἢ αὐτοκράτωρ τις ὄντως γιγνώμενος τὴν ὀχλοκρατείαν τῶν ἡδονῶν ξεινηλατήσοι, βασιλεύων λοιπὸν οὐ τυραννούμενος, ἢ μέχρι τελευταίας ῥοπῆς δουλεύων τὰ ἐν "Αἰδου καταλάβοι.

⁵ Разница между двумя «античными» персонажами заключается в том, что у Евагрия Зенон является героем ситуативной истории, а Юстин — героем истории персонифицированной.

богатства⁶, так что ради бесчестной прибыли продавал все... Он пребывал во власти пороков дерзости и трусости...» (195:20–196:2)⁷. Первое благое деяние императора в сфере церковной политики тут же уничтожается антидеянием: ради «бесчестной прибыли он, не боясь Бога, сделал предметом торговли священные должности, продавая их кому попало» (195:22 – 196:1).

После экспозиции, в которой четко задана характерная для античной мысли антиномия «разум — неразумение», разыгрывается первый акт трагедии, который можно было бы озаглавить «Казни». Он сконструирован по принципу перевернутой логики и состоит из двух сцен. В первой речь идет о родственнике императора стратега Юстине, который имел равные с ним права на власть и по уговору должен был занять второе место в Империи. Евагрий начинает рассказ с перечисления всех его достоинств как в военных, так и в прочих делах, которые принесли ему «великую славу» (196:3). Император, вызвав стратега из Фракии, принимает его с «внешним дружелюбием» (196:26), чтобы затем самым постыдным образом ночью в постели убить его. О глубине коварства василевса мы узнаем только из финальной фразы, выдержанной в духе высокой трагедийной патетики: «И не прежде освободились от гнева и насытились кипящей злобой [император] и супруга его София, пока не увидели отрубленную голову [Юстина] и не попарили ее ногами» (197:4–7).

Расправа, осуществляемая недостойным правителем над достойным конкурентом, — типичная для античной литературы и давно откристаллизовавшаяся поведенческая модель. Она отсылает нас к другой истории — истории убийства стратега Виталиана императором Юстином Старшим в самом начале его правления (154:6–20). Оба рассказа построены по одной и той же схеме: опасный претендент, занимающий пост стратега, находится во Фракии; только что вступивший на престол император вызывает его в Константинополь и,

⁶ Во второй части V книги, где речь идет о достойном императоре Тиверии, автор подчеркивает щедрость этого антипода Юстина и его желание раздавать, а не собирать богатства (209:14–28).

⁷ *Ἦν δὲ γὰρ τὸν βίον ἐκδεδιγμένον καὶ τρυφαίᾳ ἀτεχνῶς καὶ ἡδοναῖς ἐκτόποις ἐγκαλινδούμενον, ἀλλοτρίων τε χρημάτων διάπυρος ἐραστὴς ὡς πάντα κέρδους ἀθέσμου ἀπεμπολεῖν... Θράσει δὲ καὶ δειλῇ ταῖς κακίαις κρατούμενος...*

скрывая свои истинные замыслы, выказывает сопернику полное расположение и предоставляет ему высокое положение в государстве, а затем расправляется с ним. Идентичны не только сюжеты, но и их лексическая наполненность. Обе жертвы — и Виталиан, и стратег Юстин — пользуются у всех славой и отличаются опытностью в военных делах: τὴν ἀμφὶ τοὺς πολέμους ἐμπειρίαν τό τε παρὰ πᾶσι κλέος (154:9–10); πολὺ κλέος παρὰ πᾶσιν ἔχοντα περί τε ἐμπειρίαν πολέμων (196:3–4). Оба претерпевают «жалкую» смерть: δολοφονηθεὶς ἐτελεύτησε (154:18–19); δειλαίως ἀναιρεῖται (197:1). Оба своей смертью «платят плату» за что-то: ποι-ιὴν... ταύτην καταβάλων (154:19–20); ταύτην ἀμοιβήν... κομισάμε-νος (197:2–4).

Однако сходство обязательно таит в себе различие, иначе бы не было развития. Несмотря на идентичность ситуаций, их интерпретация далеко не одинакова. Тогда как Виталиан терпит достойное наказание за свой прежний мятеж против императора Анастасия, и это в определенной степени оправдывает и само убийство, и лицемерное поведение Юстина Старшего, то расправа над стратегом Юстином предстает как убийство совершенно невинного человека, как преступление, тем более ужасное, что погибший имел большие заслуги перед Империей. Сопоставление ведет к усугублению вины Юстина Младшего

За рассказом о казни стратега Юстина следует рассказ о казни двух сенаторов, клеветнически обвиненных в покушении на императора. Но эта «ошибка» василевса оказывается справедливым деянием, в нем обнаруживается рука Всевышнего. Осужденные заслуженно претерпевают смерть за преступления, их судьям неизвестные, но действительно совершенные ими. Переводя «неразумный акт» Юстина Младшего в категорию справедливого, хотя и случайного, Евagriй стремится снять с императора маску злодея, каким-то образом реабилитировать его за первое убийство, дать ему шанс.

Во втором акте трагедии повествуется о деяниях василевса в церковных делах. Рассказ состоит из трех частей. В первой приводится текст знаменитого эдикта Юстина об утверждении православия как официальной религии, акт в истории церкви замечательный, но никак не откомментированный автором «Церковной истории». Во второй части речь идет о смещении с антиохийского патриаршего престола

Анастасия, в третьей — о назначении на этот престол Григория. В соответствии с избранным способом интерпретации мы снова сталкиваемся с перевернутой логикой. После праведного указа о православии Юстин совершает несправедливый акт — низлагает Анастасия, достойного мужа, обвинявшего императора в чрезмерном сребролюбии. Но тут же он назначает на трон Антиохии Григория, мужа еще более достойного: Григорий прославился своим аскетизмом, «превосходил всех умом и добродетелью своей души», щедро делился со всеми, «был недоступен для страха», «не потворствовал мирской власти», к нему, пишет автор, весьма шло мудрое изречение Григория Богослова: «строгость, умеряемая благоприличием». Словом он являл собой образец человека, знавшего меру во всем, совершенного антипода императору. И как в предыдущем рассказе о двух казнях, через «исправление» Юстина Евагрий снова делает попытку реабилитировать своего героя, дать ему новый шанс.

Третий акт повествует о войне Юстина Младшего с персидским шахом Хосроем Старшим (203:7 – 207:19), завершившейся крахом. Этот крах неизбежен, поскольку порок и преступление должны быть наказаны. Формой возмездия становится слепота героя, его непонимание происходящих с ним и вокруг него событий. В плену страстей, ослепленный гордыней, Юстин совершает одну ошибку за другой и сам влечет себя к гибели. Рассказ о персидской кампании насыщен самыми неожиданными поворотами сюжета. Идея трагической изменчивости судьбы персонажа звучит здесь особенно остро.

Жители Персармении, которые исповедовали христианскую веру и которые страдали от персидского гнета и, в первую очередь, от религиозных преследований, тайно просят Юстина Младшего принять их в римское подданство, «чтобы в безопасности и без каких-либо помех совершать богослужение» (ὥς ἂν ἀδείας δρᾶν τὰ εἰς θεὸν γέρα μηδενὸς αὐτοῖς ἐμπόδων γιγνομένου; 203:12–13). Император отвечает согласием. Воодушевленные этим, армяне поднимают восстание, убивают своих правителей и переходят под власть Римской империи. Хосрой Старший протестует, однако Юстин отвечает послам персидского шаха, что «нельзя отвергать христиан, которые во время войны [против них] приходят [за помощью] к христианам» (μὴ οἷόν τε εἶναι Χριστιανοὺς ἀπορρίψαι ἐν καιρῷ πολέμου Χριστιανοῖς προσευχέτας; 203:22–24).

С христианской точки зрения, поступок Юстина Младшего совершенно оправдан. Однако христианская логика справедливой войны за веру, определяющая, например, евагриевскую интерпретацию африканской кампании Юстиниана, который стремился освободить христиан, томящихся под игом вандалов (166:1–6), пасует на этот раз перед античной идеей дурной человеческой природы: богоугодное дело терпит неудачу, ибо за его осуществление берется негодный правитель. Юстин объявляет справедливую войну в защиту христиан, однако к ней не готовится⁸. Будучи рабом своих пороков, он продолжает вести прежний недостойный образ жизни⁹.

Такая посылка предопределяет алогичность последующих событий. Юстин посылает против персов Маркиана, военного магистра Востока, но не дает ему ни достаточного количества войск, ни достаточного количества снаряжения и припасов. Маркиан приходит в Месопотамию с «совсем немногими воинами и притом невооруженными, а также с какими-то землекопами и погонщиками» (ὀλίγους κομίδῃ στρατιώτας καὶ τούτους ἀνόπλους... καὶ τινας σκαπανέας καὶ βοηλάτας; 203:31–33)¹⁰. Тем не менее он одерживает победу над врагами и осаждает Нисибис, но персы не считают его победу серьезной: они смеются над ним и даже оставляют ворота крепости открытыми. Война за веру превращается в фарс.

Когда две персидские армии вторгаются в пределы Империи, Юстин находится в полном неведении об этом. Более того, он спокоен, так как верит слуху, что «Хосрой или уже умер, или находится при

⁸ Ср.: «[Тиверий], используя собранные дурным образом [Юстином] богатства на необходимое, подготовился к войне» (209:27–28).

⁹ Показательно в этой связи употребление автором существительных ἡδονή («удовольствие») и τρυφή («наслаждение»), которые он уже использовал при характеристике Юстина (195:20–21), в сочетании с прилагательными συνήθης («обычный», «присущий») и οἰκεῖος («собственный»): «[Юстин] предался обычному наслаждению, считая все второстепенным перед собственными удовольствиями...» (τῇ συνήθει τρυφῇ ἐνεδεδέτο, πάντα δεύτερα τῶν οἰκεῖων ἡδονῶν τιθέμενος...; 203:25–26).

¹⁰ Ср.: «[Тиверий] собирает столь великую армию воинов-богатырей, набрав отряды самых достойных из прирейнских, заальпийских племен, из [племен] приальпийских, массагетов, других скифских народов, из паннонцев, мисийцев, иллирийцев и исавров, что она составила почти сто пятьдесят тысяч доблестных всадников» (209:28–210:2).

последнем вздохе» (Ἰουστῖνον φήμῃ πειθόμενον λεγοῦσῃ Χοσρόην ἢ τεθνάναι ἢ πρὸς αὐτὰς τὰς τελευταίας ἀναπνοὰς εἶναι; 204:21-22). Он досаждает на «кажущуюся медлительность» (ἐπὶ τῇ δῆθεν βραδυτῇτι; 204:23) армии, осаждающей Нисибис, и требует как можно скорее доставить ему ключи от города. Однако требования Юстина приводят к обратному результату:

«От этого, однако, дело ни в чем и никак не продвигалось, а [Юстин] навлек на себя великий позор, ибо выдвигал неисполнимые требования относительно такого [укрепленного] и такого [населенного] города и относительно столь презираемого войска...» (204:25-27)¹¹.

Юстин просит патриарха Григория Антиохийского сообщить ему о действительном положении дел, и тот информирует царя о приближении армии Хосроя. Тем самым перед Юстином открывается возможность излечиться от своего неведения и попытаться изменить ход событий в лучшую для себя сторону. Эта возможность, остается, однако, нереализованной. Юстин, «усердно предаваясь обычным удовольствиям, не обратил никакого внимания на то, о чем ему было написано, и не желал этому верить, рассуждая так, как сам желал» (205:9-11)¹².

Указание на неразумие Юстина автор сопровождает афористическим высказыванием общего характера: «Ведь свойственно людям, отступившим от привычного образа жизни, быть до развязки дела вздорными и дерзкими и не верить тому, что случается вопреки их желаниям» (205:11-14), т.е. судьбу отдельного человека он переводит в масштаб всеобщности. Таким образом, поступки императора из случайных превращаются в закономерные, а сам он предстает уже не как конкретная личность, а как агент универсального хаоса.

Здесь следует заметить, что понятие «обычное», конструирующее фундаментальные для Евагрия формулы «отступить от привычного образа жизни» и «предаваться обычным удовольствиям», оказыва-

¹¹ Ὡς δὲ οὐδαμῇ οὐδαμῶς τὸ πρᾶγμα προήει, ἀλλὰ καὶ πολλὴν ὠφλε τὴν αἰσχύνην τὰ ἀμήχανα ζητῶν ἐπὶ τοσαύτῃ καὶ τοιαύτῃ πόλει καὶ οὕτως ἐξουθενημένῳ στρατῶ...

¹² Ὁ δὲ περὶ τὰς συνήθεις ἡδονὰς ἐγκαλινδοῦμενος τοῖς μὲν γεγραμμένοις προσεῖχεν οὐδέν, οὔτε δὲ πιστεύειν ᾔθελεν, αἰόμενος ὅπερ ἐβούλετο.

ется в конфликтующей, диалогической позиции, в которой оно начинает отрицать самое себя. В первом случае «привычный образ жизни» — это то, что есть норма, что разумно, что закреплено опытом и традицией. Во втором — то, что не есть норма, что неразумно, в чем упорствует дурная человеческая природа.

Неразумие, «слепота» Юстина не есть нечто, навязанное ему извне. Его слепота — это слепота зрячего, не желающего видеть. Он несет полную ответственность за то, что происходит. Юстин не просто отказывается прилагать усилия для того, чтобы предотвратить грозящую опасность. Он также совершает действия, доводящие ситуацию до критического предела. Недовольный затянувшейся осадой Нисибиса, император смещает Маркиана и вверяет армию совершенно неспособному военачальнику Акакию, человеку «дерзкому и наглому» (ἀτράσθαλόν τινα καὶ ὑβριστήν; 205:18). В результате все офицеры (лохаги и таксиархи) разбегаются¹³, отказываясь участвовать в этой, по словам автора, «достойной смеха осаде» (τὴν καταγέλαστον πολιορκίαν; 205:28).

Итак, благодаря своему правителю Империя оказывается совершенно беззащитной перед персидским вторжением. Поражение, которое римская армия несет от персов, описано в апокалиптических тонах. Полководец шаха Адармаан «всячески губил державу римлян, сжигая и убивая без какой-либо меры в мыслях и действиях» (παντοίως τοῖς Ῥωμαίων ἐλυμήνατο πράγμασι ἐμπιπράς ἀποκτείνους, οὐδὲν μέτριον ἐννοῶν ἢ πράττων; 205:31–206:2); даже «во время отступления он содеял всяческие ужасные [дела]» (Τὰ πάντα δεινὰ καὶ κατὰ τὴν ἀποπόρευσιν εἰργάσατο...; 206:28–29). Войско же Юстина не оказывало ему какого-либо сопротивления — οὐδενὸς ἀντιστάτος (206:2–3); οὐδενὸς ἀνείργοντος ἢ ὅλως ἀντιπίπτοντος, πλὴν ἐλαχίστου κομιδῇ στρατοῦ (206:29–30); μηδενὸς ἀμύνοντος (207:15).

Если исходить из идеи Мелитона Сардийского¹⁴ о зависимости судьбы Империи от благих или дурных деяний императора, с которой

¹³ Ср. описание армии, собранной императором Тиверием, перед битвой с Хосроем: «... каждый воин жаждет крови [врага]... и дышит отвагой» (210:15–16).

¹⁴ О концепции Мелитона и о ее судьбе в раннехристианской литературе см.: *Sirinelli J.* Les vues historiques d'Eusèbe de Césarée durant la

Евагрий был безусловно знаком через предшествующую церковную историографию, то во всем случившемся можно было бы видеть результат недостойного правления Юстина Младшего. Однако характер повествования свидетельствует, что Евагрий в определенной мере пытается развести тему императора и тему Империи. Если Юстин обречен претерпевать бедствия из-за своей порочной природы, то у подданных его есть надежда на избавление от несчастий. Автор не формулирует эту идею прямо, однако приводит рассказ о неожиданном избавлении Антиохии Великой от гибели: когда Адармаан послал персидские отряды захватить город, они были отбиты, несмотря на бегство многих жителей, внутригородские смуты и ветхость стен. Евагрий не называет причины неудачи персов, он лишь говорит: «вопреки всякому ожиданию» (παρὰ πᾶσαν ἐλπίδα; 206:7–8). Это как бы невзначай брошенное замечание полно значения: помимо того, что текст создает ощущение всеобщей неустойчивости земных дел, зыбкости человеческих намерений, здесь есть явное указание на вмешательство небесных сил, контролирующих ход событий. И это неудивительно — патриарший престол города занимал в это время свяитель Григорий.

Катастрофа на Востоке оказывается поворотным моментом драмы Юстина Младшего (четвертый акт трагедии). Известие о ней вызывает катастрофу личностную: герой низвергается в пучину безумия. «Когда Юстин услышал об этом, — пишет Евагрий, — он, ничего здраво или разумно не рассудив и не будучи в состоянии бороться, как обычно делают люди, с тем, что на него обрушилось, от столь непомерной гордыни и спеси впадает в болезнь безумия и помешательство, не понимая отныне ничего из того, что происходит» (207:20–23)¹⁵. Автор видит в безумии императора закономерный итог: как тот был

période gréniciéenne. Paris, 1961. P. 388–390. О влиянии мелитоновской модели интерпретации исторических событий на ранневизантийскую церковную историографию см.: *Кривушин И.В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998.

¹⁵ «Ἀπερ ἐπειδὴ ἠκηκόει ὁ Ἰουστῖνος, ἐκ τοσούτου τύφου καὶ ὄγκου οὐδὲν ὑγιὲς ἢ φρενῆρες ἐννοήσας οὐδὲ ἀνθρωπίνως τὸ συνενεχθῆν ἀνατλάς, ἐς φρενίτιδα νόσον καὶ μανίαν ἐμπίπτει οὐδὲν λοιπὸν τῶν γινόμενων συλλείς.

неспособен достойно переносить свое счастье, так он был не в состоянии пережить свое несчастье.

Однако картина жизненного краха героя, вознесенного судьбой на вершину успеха, сама по себе недостаточна, чтобы удовлетворить законы античной трагедии. Эти законы требуют введения темы прозрения героя, когда, претерпев крушение, он постигает в конце жизненного пути причину своих несчастий и раскаивается в содеянном. Что и происходит в последнем акте трагедии (эксоде), кульминацией которого становится речь Юстина, превзошедшая, по словам автора, «все, о чем повествуют древние и новые историки» (ἃ πᾶσαν ἐκβέβηκε παλαιάν τε καὶ νέαν ἱστορίαν; 208:23–24), и исторгшая у всех «безмерный поток слез» (δακρύων ἄμετρον χύσιν; 209:8) — катарсис. В этой сцене Евагрий искусно соединяет акт раскаяния с актом передачи Юстином короны своему более достойному преемнику Тиверии, который совершается в присутствии патриарха и высших сановников. В таком контексте раскаяние приобретает характер универсального политического «наказа» будущим императорам: «Да не введет тебя в заблуждение пышность [царского] одеяния и блестящая мишура того, что ты видишь, — говорит уходящий правитель, — завлеченный ими, я не заметил, как навлек на себя в наказание великие муки. Исправь прегрешения мои, управляя государством ради всяческого его благополучия» (208:32–209:3)¹⁶.

Смысл этого урока традиционно античный — царь должен заботиться о благосостоянии вверенного ему государства, управляя в соответствии с законами разума, во всем соблюдая меру и не поддаваясь зову своей порочной природы. Евагрий проводит не идею тщетности земного величия, как может показаться на первый взгляд, а идею добросовестного исполнения правителем своих обязанностей¹⁷. С точки

¹⁶ Μὴ πλανᾶνато σε τῆς ἀμπεχόντης ἡ φαντασία, μηδὲ τῶν ὀρωμένων ἢ σκητῇ, οἷς ὑπαχθεῖς ἔλαβον ἑμαυτὸν ταῖς ἐσχάταις ποιναῖς ὑπόδικος γενόμενος.

¹⁷ Ориентированность Евагрия на античные модели прослеживается и в изображении главного противника Юстина — персидского шаха Хосроя Старшего. Рассказывая об этом враге христиан и христианской Империи, Евагрий ни разу не упоминает о каком-либо небесном вмешательстве. Как и в описании Юстина, автор в рассказе о Хосрое проводит идею наказания судьбой возгордившегося героя. Хосрой и его военачальник Адарман не соблюдают никакой меры в своих делах и стремлениях: они жесто-

зрения Евагрия, рассказание Юстина значимо не в рамках его собственного будущего (спасение души грешника), а в рамках его прошлого, — подведение дидактического итога дурному правлению, отрицательный пример для потомков. Вот почему автор лишь вскользь упоминает (214:24) о смерти императора, тема которого со сценой раскаяния оказывается полностью исчерпанной:

Тем не менее в сцену раскаяния, типичную для греко-римской историографии, автор привносит элемент христианской концепции истории. Он говорит, что «человеколюбивый Бог предоставил [Юстину] надлежащий момент (*καιρόν*¹⁸), чтобы и исповедать свои грехи, и высказать то, что будет полезно для блага государства» (208:24–26). Таким образом, впервые в истории Юстина появляется Бог, который, с одной стороны, «дает грешнику шанс» раскаяться, а, с другой, печется о судьбах Империи, позволяя всем понять трагедию императора как «урок на будущее». Однако христианский взгляд на историю — лишь внешняя оболочка, через которую легко просматриваются старые античные представления о дурном правителе, о порочных страстях, с которыми борется разум, о мере во всем и о зыбкости человеческого успеха и человеческой жизни вообще. Выработанные в греко-римской

чайшим образом опустошают Римскую империю и вероломно нарушают условия сдачи городов (205:29–207:19); шах отказывается даже принять римских послов (210:6–10). Поэтому персы неизбежно начинают терпеть поражение за поражением (210:11–211:21), что автор рассматривает как «самое суровое наказание» Хосроя за его «великую дерзость по отношению к римлянам» (*ταύτην ἱστῶσιν ποιῆν τῇ εἰς Ῥωμαίους τοσαύτης παρουσίας καταθείς*; 211:22–23). Как и в истории Юстина, катастрофа внешняя приводит героя к катастрофе внутренней, весьма напоминающей конец жизни римского императора: «Беспредельная печаль поразила Хосроя и отняла жалким образом у него жизнь, ибо он тяжело страдал, пребывал в смятении и был затоплен приливом горя» (211:31–33). Находясь же на пороге смерти, Хосрой, подобно своему антагонисту, осознает причину своего падения и, как бы предупреждая своих преемников, издает закон, запрещающий им когда-либо поднимать оружие против Империи (211:33–212:1).

¹⁸ Исходное значение существительного *καιρός* — надлежащая мера, норма. Нам кажется существенным обращение к нему в финальной сцене. Герой Евагрия, рассказавшись, обретает в конце жизни ту меру, ту норму поведения, от которой он неразумно отступал. И это совершается с участием божественных сил.

мысли этические принципы и онтологические максимы оставляют здесь мало места для христианской веры как критерия оценки поведения исторических героев и исторических событий.

Проведенный нами анализ показывает, что Евагрий существенно меняет концептуальную перспективу по сравнению с более ранними церковными историками. Это изменение связано с особой погруженностью Евагрия в понятийный мир античной историографии. В первую очередь автор испытал воздействие греко-римской теории идеального правителя, главным достоинством которого считался питаемый разумом самоконтроль над своей природой, своими желаниями и чувствами, а также широко распространенных в античности представлений об истории и о силах, ею управляющих. Идея судьбы, не терпящей непомерного человеческого счастья, и идея изменчивости всего сущего совершенно оттесняют на задний план принятую в традиции Евсевия Кесарийского мелитоновскую схему объяснения. Уже не вера или неверие оказываются условием успехов или неудач, а способность или неспособность человека сохранять меру во всех делах в этом непостоянном и непредсказуемом мире. Место Божественного судьи занимает некий универсальный принцип возмездия.

Такое обращение церковного историка конца VI в. к античному историко-философскому наследию отразило общее кризисное состояние той историографической традиции, к которой он принадлежал¹⁹. Старые привычные модели интерпретации более не могли удовлетворить потребности историков в эпоху, когда христианская религия овладела римской цивилизацией. В условиях сближения христианской и античной культур проникновение греко-римских веяний в сферу христианского историописания стало неизбежным. Но это вело к исчезновению самого церковно-исторического жанра, в котором работал Евагрий. Вот почему его сочинение стало последним в ряду ранневизантийских церковных историй.

¹⁹ Подробнее см.: *Кривушин И.В.* Евагрий Схоластик... С. 44–86.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ИСТОРИИ В «БИТВЕ ПРИ БРУНАНБУРГЕ»*

«Битва при Брунанбурге» — поэма, записанная в «Англосаксонской хронике» под 937 г.¹ — воспекает одну из самых блистательных побед англосаксов над объединенными войсками скандинавов и скоттов. Среди других версифицированных записей этого периода она выделяется своими художественными достоинствами. Исследователи указывают на двойную роль данного памятника в древнеанглийской литературе: он содержит достоверное описание исторического события и представляет первую хвалебную песнь в английской поэзии². Будучи сравнительно поздним образцом англосаксонского аллитерационного стиха, «Битва при Брунанбурге» полностью сохраняет стилистические особенности древнегерманской героической поэзии: стих ее «звучен и регулярен, поэтическая речь предельно насыщена формулами и украшена сложными словами, создаваемыми поэтом в соответствии с традиционными моделями»³.

Поэма состоит из 73 строк. Она имеет стройную композицию, начинаясь с характерного для англосаксонской летописи зачина (Her Æðelstan cyning...¹ «Тут Этельстан конунг...»)⁴ и ясную концовку (Ne weard wæl mare on þys iglande 65–66 «Не бывало сечи большей на этом острове...»). С самого начала обозначены главные герои и место битвы: Her Æðelstan cyning, eorla drihten, beorna beahgifa, and his broðor

* Исследование проведено при поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований (Проект № 00–06–80111).

¹ Наиболее авторитетными изданиями этого памятника до сих пор остаются: Two of the Saxon Chronicles Parallel / Ed. J. Earle and Ch. Plummer. Oxford, 1892–99; Maldon and Brunanburh / Ed. C. L. Crow. Boston, 1897; The Battle of Brunanburh / Ed. A. Campbell. London, 1938.

² Древнеанглийская поэзия / Под ред. О. А. Смирницкой и В. Г. Тихомирова. М., 1982. С. 305.

³ Там же. С. 304.

⁴ Здесь и далее текст цитируется по изданию: Смирницкий А. И. Хрестоматия по истории английского языка. М., 1953. С. 30–32. Цифры после цитаты означают номера поэтических строк. Значки долготы гласных опущены. Перевод принадлежит автору статьи.

еас, Eadmund ædeling, ealdorlangne tir geslogon æt sæcce sweorda ecgum ymbe Brunanburh 1–5 «Тут Этельстан конунг, эрлов водитель, мужей кольцедаритель, и брат его тоже, Эадмунд княжич, вечную славу добыли в битве мечей острями под Брунанбургом». Этельстан (924–940 гг.) — известный по английским и скандинавским источникам внук Альфреда Великого, первый единовластный правитель Англии, при котором королевство Уэссекс достигло вершины своего могущества. Его преемнику Эадмунду (940–946 гг.) во время битвы было всего шестнадцать лет. Несмотря на точное указание места битвы, до сих пор не удается локализовать его на карте; полагают, что противники встретились на северо-западном побережье Англии⁵.

Канва рассказа, весьма незамысловатого по содержанию, строится на чередовании глагольных оборотов, обозначающих действия противников: победители наступают и рубят — побежденные отступают и гибнут. Особенностью поэмы является полное отсутствие «сцен» и «речей», типичных для древнегерманских героических песеней⁶ (они хорошо представлены, например, в «Битве при Финнсбурге», описывающей легендарное сражение на континенте до переселения англосаксов в Британию). Для «Битвы при Брунанбурге» скорее характерен крупномасштабный «панорамный» взгляд на события, который достигается за счет отступления повествования от современных событий к «истории», «природе» и «фольклору».

Углубление в «историю» совершается дважды — в начале и конце рассказа. В начале поэмы англосаксонские герои получают не только имена (Этельстан и Эадмунд), но и патроним (потомки Эадверда), который указывает на их принадлежность династии Альфреда Великого: Эадверд (901–924 гг.) — сын Альфреда и отец Этельстана. Альфред первым сумел дать решительный отпор викингам, разорявшим Англию с конца VIII в. — его потомки продолжают традиции предков. Собственно, потомки и предки почти сливаются в рассказе, так что референция местоимения «они» становится двусмысленной: ...bordweall clufon, heowon heaðolinde hamora lafum, eaforan Eadweardes; swa him geæðele wæs fram cneomagum, þæt hi æt campe oft wið laðra gehwæne land ealgodon, hord and hamas. Hettend

⁵ An Anglo-Saxon Reader / Ed. with Notes and Glossary by Alfred J. Wyatt. Cambridge, 1922. P. 277.

⁶ Древнеанглийская поэзия. Указ. соч. С. 304.

scungon, scotta leode and scipflotan, fæge feollon... 6–12 «... дощатые стены (т.е. ограды из щитов) ломали, рубили боевые липы (щиты) молота потомками (мечами) потомки Эадверда, как повелось в их роде от предков, что они в битве часто от всяких врагов землю обороняли, добро и дома. Недруги гибли, скоттов люди и корабельщики замертво падали».

История и современность связаны здесь крепчайшими узами. Возможно, участники битвы при Брунанбурге еще могли слушать рассказы тех, чьи отцы в 878 г. помогли заключить Альфреду знаменитый Уэдморский мир, который, хоть и узаконил права скандинавов на поселение в центрально-восточной части Англии, навсегда закрыл им путь в королевство западных саксов. В конце поэмы совершается неожиданный прыжок в еще более отдаленное прошлое, в эпоху переселения англосаксов в Британию (V–VI вв.), память о котором могла быть сохранена лишь «мудрецами в старых книгах» (среди которых, как известно, первое место занимает «Церковная история английского народа» Беда Досточтимого (673–735 гг.), «отца английской истории»): Ne wearð wæl mare on ðys iglande æfre gyta folces gefylled beforan ðyssum sweordes ecgum, ðæs ðe us secgað bec, ealde uðwitan, sibban eastan hider Engle and Seaxe upp becomon ofer brade brimu, Brytene sohton, wlance wigsmiðas Wealas ofercomon, eorlas arhwate eard begeaton. 65–75 «Не бывало сечи большей на этом острове когда-либо прежде войска гибели через этих мечей острия, как нам говорят книги, древние мудрецы, с тех пор как с востока англ и саксы сюда прибыли чрез широкие воды, в Британию вторглись, гордые кузнецы битвы, валлийцев одолели, эрлы в славе рьяные этот край присвоили».

Таким образом, англо-скандинавский конфликт 837 г., блестяще завершивший военную политику Уэссекса в отношении походов викингов, изображен в двойной исторической перспективе: и как продолжение дела «отцов», королей Уэссекса, и как повторение подвига «(пра)дедов», которые первыми среди германских племен покорили Британию. То, что это покорение, в сущности, ничем не отличалось от завоевательных походов викингов, в поэме, конечно же, не отмечается. Подобная двойная перспектива изображения, очевидно, увеличивала значимость победы Этельстана в глазах современников и подчер-

кивала его причастность героическим идеалам эпохи великого переселения народов.

Другим средством возвеличивания победителей выступает в поэме образ солнца, который вместе с тем устанавливает и временные рамки сражения: *...feld dennode secga swate, sibban sunne upp on morgentid, mære tungol, glad ofer grundas, Godes candel beorht, eces Drihtnes, oð sio æðele geseaft sah to setle. Ðær læg secg monig garum aseted, guma Norðerna ofer scyld scoten, swylce Scyttisc eac werig wiges sæd. Wesseaxe forð andlangne dæg eoredcystum on last legdon laðum ðeodum* 12–22 «...поле темнело от крови ратников, с тех пор как солнце ввысь в утреннюю пору, ясное светило, заскользило над землями, Бога светоч яркий, вечного Господа, и покуда это славное творение не опустилось на престол. Там полегло мужей много, копьями упокоенных, воинов северных чрез щиты простреленных, также и скоттов обессилевших, битвой истомленных. Уэссексы прочь весь долгий день конными отрядами по следу гнали ненавистное племя...».

Природные ассоциации достигают, как кажется, тройного эффекта. Во-первых, «поле битвы, над которым солнце совершает свой дневной путь, обозревается с некоей высокой точки, соответствующей масштабности событий»⁷. Во-вторых, подчеркивается длительность сражения, которое продолжалось от рассвета до темноты. В языковом плане длительность усилена выражениями, последовательно отмечающими путь солнца: вместе с замедлением повествования как бы замедляется и самый ход битвы. Учитывая средневековую любовь к библейским аллюзиям, можно было бы даже заподозрить здесь скрытую аналогию с той из ветхозаветных битв, где само солнце остановилось, дабы дать победу достойному. В любом случае солнце оказывается здесь главным свидетелем свершающегося, причем языковая метафора акцентирует тождество вечернего покоя и покоя смерти: традиционные образные именованья убитых как «обессилевших» и «истомленных» по-новому обыгрываются в контексте наступления сумерек. В-третьих, обращает на себя внимание и чисто живописный эффект солнечного света, льющегося на залитое кровью поле брани.

⁷ Древнеанглийская поэзия. Указ. соч. С. 304–305.

«Гимн солнцу» в начале рассказа, как торжествующий аккорд, направлен на прославление победителей. Фольклорные мотивы, напротив, завершают рассказ о бегстве побежденных и создают впечатление их полного уничтожения, поглощения мифическими «зверями битвы»: *Leton him behindan hra bryttigan salowigpadan, ðone sweartan hræfn hyrnednebban, and ðone hasopadan earn æftan hwit, æses brucan, grædigne guðhafoc, and ðæt græge deor, wulf on wealda.* «По себе оставили трупы терзающего, в темное облаченного, черного ворона, рогоклювого, и в серое облаченного, орла белохвостого, падалью лакомящегося, алчного боевого сокола (орла), и серого зверя, волка в лесу» 60–65. Традиционные «ворон, орел, волк» древнегерманской поэзии в эпоху борьбы с язычеством, возможно, воспринимались как ночная нечисть и символ врагов-язычников (скандинавы нередко обозначаются в древнеанглийской литературе именно как «язычники»). Примечательно, что среди погибших в поэме не упоминается ни одного англосакса — значит, на поле боя, как это представлено в рассказе, могли остаться одни враги, численность которых далее преувеличивается за счет отсылки к эпохе англосаксонского завоевания Британии (о чем шла речь выше).

Итак, углубление в «историю», «природу» и «фольклор» («миф»), раздвигает границы рассказа и сообщает блестящей, но далеко не самой трудной победе англосаксов над викингами грандиозный, чуть ли не всемирный масштаб. Подобный ракурс рассмотрения не лишает, однако, рассказ вполне конкретных деталей, не давая ему превратиться в легенду.

Вожди скандинавов и скоттов названы по именам — это Анлаф и Константин. Под именем Анлафа объединены два исторических лица (тезки), о которых из других источников известно, что они были правителями Дублина и двоюродными братьями, стремившимися вернуть себе наследственные права в Нортумбрии, отобранной в 927 г. Этельстаном у скандинавского владетеля Ирландии Сигтрюгта (отца одного Анлафа и дяди другого). Константин, как полагают, был «душой союза», включавшего, кроме скоттов и данов Нортумбрии и Дублина, также бриттов Стрэтчклайда⁸. Однако не все этнические наименования представлены в поэме. В ней упоминаются: *Scotta leode and*

⁸ An Anglo-Saxon Reader. Op. cit. P. 278.

scipflotan 11 «скоттов люди и корабельщики» (последние подразумевают викингов); *secg monig... guma Norderna... swylce Scyttisc eac* 17-19 «воины многие... мужи из северных... также шотландские», причем эпитет «северный» мог относиться не только к скандинавам, но и нортумбрийцам, обитателям северной Англии; снова *flotena and Scotta* 30 «корабельщики и скотты», наконец, *Nordmenn* 53 «норманны» (буквально «северные люди»). Отсутствует этническое наименование данов и бриттов; в конце поэмы все древнейшие обитатели Британии, которых потеснили англосаксы, названы *Wealas* «валлийцы» — именем, которое происходит от латинизированной формы кельтского названия одного из кельтских племен (*volcae*) и приобрело в древнеанглийском языке также значение «чужаки»⁹.

Путь побежденных скандинавов домой обозначен конкретными топонимами: они возвращаются *on Dinges mere, ofer deop wæter Dyflin secan, and eft Iraland* 54–56 «по Дингес-морю, по глубоководью, прямо в Дюфлин и назад в землю иров». Название Дингес-моря встречается только здесь, и неизвестно, какую часть Атлантики оно подразумевает¹⁰, референты остальных двух топонимов ясны — это Дублин и Ирландия (это единственное упоминание Дублина в «Англосаксонской хронике»)¹¹. Так же определенно поименована и родина победителей — это *Wesseaxna land* 59 «земля уэссексцев».

Англосаксы обозначены в начале поэмы как жители королевств Уэссекс и Мерсия (*Wesseaxe* 20 «уэссексцы» и *Mutce* 24 «мерсии»), и лишь в конце поэмы появляется наименование *Engle and Seaxe*. Деление англосаксов на уэссексцев и мерсиев актуально для времени битвы при Бруннбурге: Уэссекс представлял единственную влиятельную политическую и военную силу в борьбе со скандинавами, а Мерсия была наиболее крупным королевством, отвоеванным у них королями Уэссекса. Отсутствие в этом перечне нортумбрийцев может быть связано с недавним пребыванием Нортумбрии под властью Уэссекса: ее обитатели прежде сражались часто на стороне скандинавов (лишь в более поздней «Битве при Мэлдоне» появляется храбрый заложник из Нортумбрии, который сражается на стороне англичан против викингов). Любопытно, что в перечне сражающихся уэссексцы предшест-

⁹ Смирницкий А. И. Указ. соч. С. 262.

¹⁰ Древнеанглийский поэзия. Указ. соч. С. 307.

¹¹ An Anglo-Saxon Reader. Op. cit. P. 278.

вуют мерсиям, а их ратные дела описаны более подробно и с большей похвалой: *Wesseaxe forð andlangne dæg eoredcystum on last legdon laðum ðeodum; heowon hereflyman hindan ðearle mecum mylenscearpum. Myrce ne wyrndon heardes handplegan hæleða nanum, ðara ðe mid Anlafe...* 12–26 «Уэссексы прочь весь долгий день конными отрядами по следу гнали ненавистное племя; разили беглецов с поля боя сзади неутомимо мечами, точилом заострёнными. Мерсии не отказывали в жестокой рукопашной никому из мужей, тех, что с Анлафом...». Напротив, выражение «англы и саксы» в конце поэмы представляет, по-видимому, традиционную «парную формулу» с синонимичными членами. Очевидно, эта формула не акцентирует племенных различий первых германских завоевателей Британии (иначе непонятно отсутствие в ней ютов, участие которых в завоевании было известно уже Беде), но призвана подчеркнуть единство всех германских племен в их борьбе с врагами — единство, которого стремились достичь в своей объединительной политике и короли Уэссекса.

Особо следует остановиться на изображении воевод. Этельстан и Эадмунд с самого начала являются в блеске славы, как исполняющие свой воинский и фамильный долг, причем упоминание в тексте англосаксонских вождей предшествует упоминанию их соратников. Собственно, действия последних представлены как действия самих вождей, а далее сливаются с деятельностью их предков: в строках 6–12 субъектные и предикатные обороты («Этельстан — Эадмунд — потомки Эадверда — они (предки)» и «добыли славу — ломали — рубили — обороняли») образуют два параллельных ряда однородных членов, смысловая связь которых не вполне ясна. В фокусе внимания оказываются прежде всего воеводы, и победа в битве — это их победа. Любопытно, что далее коллективные действия англосаксонских воинов обозначены тем же глаголом, который вначале соединялся с именами вождей (*heowon heaðolinde* 6 «рубили боевые липы (щиты)» и *heowon hereflyman* 23 «рубили беглецов», оба оборота в первой половине поэтической строки и отмечены двойной аллитерацией).

Противники англосаксов, напротив, вначале — и именно в момент гибели — представлены как некое коллективное множество (*hettend crungon* 10 «враги падали», *Ðær læg secg monig* «там полегло мужей много» 17, вплоть до строки 25 все наименования во множественном числе), а имя их воеводы встречается лишь в косвенных паде-

жах, как характеризующее их самих (*ðara ðe mid Anlafe 26* «те, что с Анлафом», *eorlas Anlafes 31* «ярлы Анлафа»). Хотя далее круг побежденных суживается за счет появления «собирательного множества» отдельных разрядов знатных воинов, массовые потери врага остаются в центре рассказа: *Fife lagon on ðam campstede cyningas geonge sweordum aswefede, swylce seofone eac eorlas Anlafes, unrim herges, flotena and Scotta 28–32* «Пятеро полегло на поле сражения конунгов юных мечами усыпленных, также семеро еще ярлов Анлафа, без счету войска, моряков и скоттов». После этого на сцену выступают вожди противника — однако лишь с тем, чтобы бежать с поля боя и оплакать свои потери. Строки 32–52 в самых ярких выражениях описывают отступление вождей и скорбь по убитым. Многократное употребление имен вождей в роли субъектов предложения лишь подчеркивает их бесславное поражение, контрастирующее со славой англосаксонских воевод: *Ðær geflymed wearð Norðmanna brego... cyning ut gewat on fealone flod, feorh generede... Swylce ðær eac se froda mid fleame com on his cyððe norð, Constantinus, har hilderinc... Gylpan ne ðorfte beorn blandenfeax billgeslihtes, eald inwitta, ne Anlaf ðy ma mid heora herelafum; hliehhan ne ðorfton... 32–47* «Так в бегство обратился молодец норманнский... конунг прочь отплыл по мутным водам, жизнь спасая... Также и старец в бегство пустился к себе на север, Константин, седой воевода... Похвастать не смел муж поседельный мечевою встречей, старый проказник, ни Анлаф тем больше с остатками войска; хвалиться не смели...».

Несмотря на то, что позор противника обозначен весьма определенно (описание бегства заканчивается эпитетом *æwiscmode* «устыдившиеся сердцем»), знатные герои и их действия не получают целиком негативной оценки. Упомянутый эпитет относится вообще к «норманнам», а не к отдельным воеводам. Одним и тем же прилагательным *судðе* обозначается и «родной» Константину север, и «родной» победителям Уэссекс, сравни *on his судðе norð, Constantinus... hreman ne ðorfte 38–39* «(бежал) к себе на север, Константин... торжествовать не мог» и *...cyning and ædeling, судðе sohton, Wesseaxna land, wiges hremge 58–59* «...князь и княжич, в родную устремились уэссекскую землю, победу торжествуя». Впрочем, лексические повторы (к которым, кроме повтора *судðе*, следует добавить повтор *зачина swylce* «так» и однокорневых наименований «торжества») сооб-

щают картине возвращения противников домой эффект не столько подобия, сколько контраста — побежденные скорбят, победители ликуют. Следует отметить также, что вожди противника (и Анлаф, и Константин) были вынуждены покинуть поле боя лишь после того, как погибла почти вся их рать, включая военачальников, что акцентируется такими выражениями, как: (об Анлафе) *neade gebæded* 33 «бедою принужденный», *lytle weorode* 35 «малою дружиной» — литота, означающая, возможно, «совсем без дружины», (о дружине Константине) *beslægen æt sæcce* 42 «убитой в сече».

В интонации рассказчика ощущается даже некое понимание бед, обрушившихся на побежденных. Это впечатление создается отчасти за счет традиционных героических эпитетов, которыми наделяются Анлаф (*Norðmanna brego* «молодец норманнский») и, особенно, Константин (*se froda* «старец», *har hilderinc* «седой воевода», *beorn blandenfeax* «муж поседелый» — всё эпитеты легендарного правителя данов Хродгара, о котором автор «Беовульфа» замечает, что боевые неудачи в старости нисколько не умалили его достоинств¹²). Даже «старый проказник» не может окончательно испортить репутацию Константина: лишенный родичей и друзей (*his maga sceard, freonda gefylled* 40–41), он более напоминает сильного духом скитальца древнеанглийских элегий, чем униженного врага, а ссылка на смерть его сына сама разрастается в своеобразную «мини-элегия» благодаря выразительным эпитетам и вариациям: *...and his sunu forlet on wælstowe wundum forgrunden, geongne æt guðe* 42–44 «...и сына оставил на поле брани ранами сокрушенного, юного в бою»¹³.

Памятник вообще насыщен традиционными метафорами, эпитетами, перифразами героического эпоса. Особенно поражает скопление образных наименований битвы, которые призваны воспеть лучшую из побед англосаксов над викингами: *...hliehhan ne ðorfton, ðæt hie beaduweorca beteran wurdon on campstede cumbolgehnastes, garmittinge, gumena gemotes, wæpengewrixles, ðæs hi on wælfelda wið Eadweardes eaforan plegodon*. 47–52 «(викинги) хвалиться не

¹² Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах // Библиотека всемирной литературы: Сер. 1. Т. 9. М., 1975. С. 70, строки 863–864.

¹³ Традиционные эпитеты героя древнеанглийских элегий описаны в работе: *Greenfield S. B. The Formulaic Expression of the Theme of Exile in Anglo-Saxon Poetry* // *Speculum*. 1955. Vol. 30. № 1. P. 200–206.

смели, что в работе бранной лучше потрудились на месте сраженья в стычке стягов, сшибке копий, сходке мужей, сплетении доспехов, пока на поле смерти против Эадвердовых потомков бились». Здесь целостный образ битвы как «работы бранной» последовательно разложен на компоненты, которые позволяют представить живописную картину сражения, как бы разворачивающегося на глазах у читателя: вслед за движением знамен наступающих передовых рядов приходят в столкновение копья (главное оружие рядовых дружинников), вступают в схватку пешие воины, сплетаются в рукопашном бою их доспехи.... В других местах памятника встречаются другие простые и сложные синонимы битвы, почти всегда включенные в устойчивые словосочетания: *geslogon æt sæcce* 4 «добыли в битве», *heardes handplegan* 25 «в жестокой рукопашной», *fæge to gefeohte* 28 «обреченные на битву», *meca gemanan* 40 «мечевую встречей», *beslægen æt sæcce* 42 «убитой в битве», *geongne æt giðe* 44 «юного в бою», *beorn blandenfeax billgeslihtes* 45 «муж поседелый мечевую сшибкой», *wiges hremge* 59 «битву (победу) торжествуя», *ne wearð wæl mare* 65 «не бывало сечи большей». Отмеченность в стихе двойной аллитерацией сообщает наименованиям битвы особую поэтическую значимость, оставляя их в центре внимания на протяжении всего рассказа. Другим средством выделения выступает их употребление в роли первых компонентов образных перифраз: *headolinde* 6 буквально «битво-липы» (т.е. щиты), *wiges sæd* 20 «битвой истомленные» (павшие), *hilderinc* 39 «битво-воин» (здесь «воевода»), *on wælstowe* 43, *on wælfelda* 51 «на месте/поле битвы» (на поле боя), *giðhafoc* 64 «битво-сокол» (орел), *wigsmiðas* 72 «битво-кузнецы» (воины).

Разнообразны в поэме наименования оружия и военного снаряжения: меча (4, 6, 24, 30, 40, 45, 68), щита (5, 6, 19), копья (18, 50, 54), знамени (49), боевого корабля (27, 34, 35, 53). Заметим, что «мечи» и «копья» отданы в рассказе почти исключительно победителям, а щиты — только побежденным, чем акцентируется активность одних и пассивность других. Для всех указанных имен характерны некоторые особенности употребления в тексте, объединяемые одной общей чертой: они редко выступают прямыми и простыми актантами рассказываемых событий (действий), но (1) либо служат созданию образных перифраз, (2) либо сами представлены образными перифразами, (3) либо сопровождаются образными эпитетами.

Так, (1) имена меча (sweord, mece, bill), копья (gar, daroð), щита (scyld), знамени (cumbol), оружия (wæpen) служат созданию образов павших в битве (sweordum aswefede 30 «мечами усыпленные», garum aseted 18 «копьями упокоенные», dreorig daroða laf 54 «ожалкая дровов пожива», ofer scyld scoten 19 «чрез щиты простреленные») и самой битвы (mece gemanan 40 «мечевой встречей», billgeslihtes 45 «мечевой сшибкой», garmittinge 50 «копейной сшибке», cumbolgehnastes 49 «стычке стягов»).

Далее, (2) мечи в функции орудия образно названы «молота потомками» — традиционная перифраза меча, поскольку мечи выковывались молотом (причем в контексте этот образ, возможно, специально обыгрывается через контактное соположение имен орудий и имен деятелей); щиты в позиции объекта действия тоже именуются не иначе как «дощатые стены» и «боевые липы»: ...bordweall clufon, heowon heaðolinde hamora lafum eaforan Eadweardes 5–7 «... дощатые стены (т.е. ограды из щитов) ломали, рубили боевые липы (щиты) молота потомками (мечами) потомки Эадверда (Этельстан и Эадмунд)».

(3) Если же прямые наименования доспехов появляются в самостоятельной позиции в высказывании, они сопровождаются ярким эпитетом: ...heowon hereflyman hindan ðearle mecum mylenscearpum. 23–24 «...разили беглецов с поля боя сзади неумоимо мечами точилом заостренными». Также и потомки Эадверда добывают себе славу в битве не просто «мечами», но «остриями мечей», т.е. мечами острыми, сравни формульные выражения в начале и конце поэмы — sweorda/ sweordes ecgum 4, 68 «мечей/ меча остриями». Наконец, и викинги отплывают восвояси на кораблях, которые именуются композитом с украшающим эпитетом nægledcneapum 53 «(на) обитых гвоздями кораблях», т.е. особо крепких, прочно сбитых. Заметим, что и другое имя корабля lid встречается не в самостоятельной позиции, но лишь в составе формульных перифраз on/ to lides bosme/ stefne 27, 34 «на/ к корабля груди/ борту»; единственное исключение составляет выразительное упоминание корабля как объекта действий конунга Анлафа, где имя корабля и имя конунга появляются в синтаксически параллельных конструкциях и перекликаются в цепочке аллитераций, чем подчеркивается поспешность бегства: cread snear on flot; cunþing ut gewat 35 «спустил корабль на воду — конунг прочь отплыл».

Таким образом, обнаруживается особая нарративная функция имен битвы и военного снаряжения в поэме, которая заключается в превращении динамики повествования (создаваемой, в частности, нагнетанием глагольных синонимов и антонимов, сравни *clufon — heowon* 5–6 «ломали — рубили», *crungon — feollon* 10–12 «гибли — падали», *on last legdon — land gesohton* 22–27 «по следу гнали — на родину устремились», *ut gewat — mid fleame com* 35–37 «прочь отплыл — в бегство пустился») в статику картины. Стиль древнеанглийской поэзии иногда справедливо называют «именным» в смысле преобладания в повествовании имени над глаголом и более тесной связи имен с аллитерирующими вершинами в стихе. Однако точнее было бы сказать, что для него характерны особые взаимоотношения имени и глагола, так сказать, склонность к взаимопревращениям: среди сложных имен большое место занимают отглагольные образования (сравни вышеприведенные наименования битвы, отвечающие схеме «субъект+действие», например «мечей встреча» и т. п.), а имя-образ завершает собой целое предложение или даже период (сравни, например, вышеприведенное элегическое высказывание о смерти Константинова сына).

Как можно было заметить, особое место в эпитетах павших принадлежит причастию как именной форме глагола («ранами сокрушенного» и т. п.). Именные перифразы, сохраняющие связь с глаголом, повсеместно «прошивают» канву повествования (эффект во многом увеличивается благодаря приему эпической вариации, где первая половина последующей строки перифразирует смысл предыдущей), как бы давая событиям отложиться в вечности и превращая, если так можно выразиться, «музыку битвы» в некое подобие архитектурного сооружения или живой картины¹⁴. Вероятно, неслучайно последняя трагическая битва в истории англосаксонской цивилизации — битва при Гастингсе — получает художественное воплощение в великолепном тканом гобелене (так называемый «гобелен из Байё»): древнеанг-

¹⁴ Подробнее о стилистическом эффекте сложного имени и эпической вариации, связанном с самим характером эпического творчества, см.: Гвоздецкая Н. Ю. Текстобразующие функции древнеанглийского поэтического сложного имени // Атлантика: Записки по исторической поэтике. Вып. 1. М., 1995. С. 42–48; Ее же. Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Иваново, 1995. С. 34–47.

лийские манускрипты издавна украшались рисунками, напоминающими текстуру ткани — так называемым «плетеным орнаментом», с которым исследователи любят сравнивать построение древнеанглийского поэтического текста¹⁵.

Итак, «Битва при Брунанбурге» является крупнопанорамным изображением события, завершившего наступательную политику внуков Альфреда в отношении скандинавских викингов. Несмотря на отсутствие подробного описания перипетий сражения, которое скорее подчиняется формуле «пришел — увидел — победил», рассказ вполне конкретен и сообщает некоторые детали — сколько пало людей, как долго и в какой последовательности англосаксы наступали на врага, и т. п. Вместе с тем поражает одна особенность композиции, из-за которой поэма не до конца вписывается в рамки хвалебной песни: части текста, посвященные потерпевшим, явно превышают по объему места, посвященные победителям. Собственно, лишь в первых двадцати пяти строках (при общем объеме текста в семьдесят три строки, т.е. примерно одна треть), фокус внимания поочередно перемещается с победителей на побежденных и обратно, да и здесь солнце взирает с небесной высоты не на славу англосаксов, но на кровь их врагов (выражение *secga swate* 13 «кровь мужей» едва ли подразумевает англосаксов, ибо предыдущие строки сообщали только о гибели викингов и скоттов). Вся последующая, основная часть поэмы (строки 26–65) разрабатывает лишь тему бегства и скорби «северных людей», а триумфу англосаксов посвящены всего три строки внутри этой части (цитировавшиеся выше строки 57–59) да еще заключительные строки 65–73, которые отводят победе Уэссекса достойное место в родной истории, сравнивая ее с победой англосаксонских первопоселенцев.

Подобная диспропорция, конечно, может быть объяснена тем, что позор побежденного увеличивает славу победителя и тем служит косвенной похвалой в адрес последнего. Думается, однако, что есть и другие причины, связанные с самой традицией поэтического повествования в древней Англии. В отличие от скандинавских скальдов, которые воспевали победу над врагом в хвалебных стихах-драпах (отголоски этого жанра некоторые исследователи пытались найти и в

¹⁵ Leyerle J. The Interlace Structure of *Beowulf* // Interpretations of *Beowulf*: A Critical Anthology / Ed. by R. D. Fulk. Bloomington; Indianapolis, 1991. P. 146–167.

«Битве при Брунанбурге»¹⁶), англосаксонские поэты использовали героические сюжеты не для прославления одной из враждующих сторон, а для передачи трагического мировосприятия, отчасти идущего от традиций позднеантичной и христианской литературы (известный мотив «бренности мира сего»), но присутствующего и в исконно германских сюжетах, представленных в героических песнях «Старшей Эдды». Так, в «Беовульфе» песнь датского сказителя (знаменитый отрывок о битве при Финнсбурге, повествующий о распре данов и фризов, известной также по отрывку из другой, несохранившейся рукописи), долженствующая напомнить данам о славе их предков, более похожа героическую элегию, чем на панегирик. В центре ее оказывается не победа данов, а несчастливая судьба фризского королевского дома¹⁷.

Разумеется, трагическая нота, которую не может не расслышать чуткое ухо в рассказе о поражении норманнов и скоттов, несколько не заглушает ноты триумфа, сообщающей целостность этой торжествующей песни победы. Однако именно она придает повествованию ту глубину и объективность, без которых поэма много потеряла бы в своих литературных достоинствах. Победители и побежденные представлены в поэме как принадлежащие одному и тому же германскому героическому миру: их подстерегают одни «звери битвы», они плавают по одним морям.

Поэт с любовью разрабатывает традиционную для поэтического искусства англосаксов тему моря несмотря на то, что она связана с походом викингов. Норманны приплывают *ofer eagebland on lides bosme* 26–27 «по бурлящим волнам на груди корабля» и уплывают *on fealone flod* 36 «по мутному течению», *ofer deop wæter* 55 «по глубокой воде»; первые англосаксы прибывают в Британию *ofer brade brimu* 70 «по широкому морю». В географическом плане это разные моря: англосаксы завоевали Британию «с востока», как об этом точно сказано в тексте (...*sifpan eastan hider Engle and Seaxe*... 69–70), а викинги отправляются в Ирландию с северо-западного побережья страны. И все-таки в художественном плане это одно, «героическое» море германского мира, описанное в традиционных эпических выражениях. Все указанные словосочетания носят формульный характер, т.е.

¹⁶ Древнеанглийская поэзия. Указ. соч. С. 305.

¹⁷ Гвоздецкая Н. Ю. Язык и стиль... С. 56–64.

встречаются с небольшими вариациями и в других поэтических памятниках, однако нельзя отказать им в точном соответствии контексту: бурлящее, мутное и глубокое море ассоциируется с ожидающими викингов опасностями, а широкие морские просторы сулят удачу завоевателям-англосаксам.

Сами «корабельщики», как и их союзники скотты, объединенные в тексте лапидарной формулой *flotena and Scotta*, получают, конечно, оценочно-ситуативные наименования (*hettend* 10 «враги», буквально «ненавидящие, враждующие»; *laðum deodum* 22 «ненавистное племя», *hereflyman* 23 «беглецы с поля боя», *fæge* 12, 28 «обреченные», сравни также приведенные выше эпитеты павших), но наряду с таковыми они именуются и традиционными синонимами «мужа, воина, героя» (*secga* 13, *hæleða* 25, *eorlas* 31, *brego* 33, *beorn* 45), а эпитеты их вождей принадлежат тому же разряду героических образов, что и эпитеты англосаксонских королей, сравни *beorna beahgifa* 1 «мужей кольцедаритель» (т.е. одариватель сокровищами, об Этельстане) и *beorn blandenfeax* 45 «муж поседелый» (о Константине). Победители и побежденные не разделены ни социальными перегородками, ни контрастом культур и языков (скандинавы и англосаксы вполне могли понимать друг друга благодаря обилию общегерманских корней в их словах, на что указывает масса бытовых заимствований в древнеанглийском языке из древнескандинавских диалектов на территории так называемого «датского права»). Несмотря на грабежи и убийства, скандинавы — во всяком случае, в эпоху после Уэдморского мира — не вызывали у летописца того почти мистического ужаса, который будут вызывать ровно два века спустя нормандские бароны, их романзированные потомки. О тех в летописном отрывке под 1137 г. сказано: *Pa þe castles uuaren maked, þa fylðen hi mid deovles and yuele men* «Когда же те замки были построены, наполнили их бесами и злыми людьми», и далее *pævte hethen men werse ne diden þan hi diden* «... никогда язычники (т.е. скандинавские викинги) худшего не делали, чем они делали». Любопытно, что поводом для этих горестных восклицаний летописца послужил обман баронами своего короля, т.е. нарушение основ того героического поведения, в котором еще не отказывало викингам поэтическое сознание англосаксов: *Hi hadden him manred maked and athes suoren, ac hi nan treuthe ne heolden: alle he wæron for-sworen and here treuthes for-loren* «Они присягу ему принес-

ли и клятвами поклялись, но никакой верности ему не держали: все они были отрешившимися, а клятвы их пропавшими»¹⁸. Проблема поддержания героического кодекса чести среди самих англосаксонских воинов с особой остротой встанет при новых набегах викингов в конце века, но это уже тема другой поэмы — «Битвы при Мэлдоне».

Слава уэссекских королей, названная в поэме *ealdorlangne tir* 3 (буквально *lifelong*¹⁹ «слава длиною в жизнь», традиционный метафорический способ обозначения «вековой» славы), оказалась на самом деле не превышающей жизни одного поколения. Уже в 991 г. англосаксы потерпели жестокое поражение от скандинавов при Мэлдоне, на восточном побережье Англии, почти у тех берегов, откуда их предки начинали свое славное завоевание Британии, упомянутое в «Битве при Брунанбурге». Это поражение послужило, тем не менее, к прославлению героического идеала, выраженного в энергичном афоризме «сила иссякла — сердцем мужайтесь» (*mod sceal þe mare, þe ure mægen lytlað* 313²⁰). Однако в этой поэме резче обозначаются христианские аллюзии — а вместе с ними и грань, разделяющая англосаксов и скандинавов как христиан и язычников. В «Битве при Брунанбурге» единственной христианской аллюзией остается солнце как око (*candel* «свечок») «пречного Господа» (*eces Drihtnes* 16).

¹⁸ Текст Питерборской летописи цитирован в переводе автора статьи по изданию: Смирницкий А. И. Указ. соч. С. 38.

¹⁹ *An Anglo-Saxon Reader*. Op. cit. P. 298.

²⁰ Текст «Битвы при Мэлдоне» цитирован по изданию: *An Anglo-Saxon Reader*. Op. cit. P. 196. Перевод В. Г. Тихомирова (Древнеанглийская поэзия. Указ. соч. С. 155).

**БИТВА КАК ФЕНОМЕН АНГЛОСАКСОНСКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА)**

Каждая историческая эпоха обладает набором определённых реалий, неких стереотипов, на которых строится представление о ней. При этом историческая наука заинтересована не столько в нахождении самих реалий, сколько в установлении того безграничного набора ассоциаций, которые должны были окружать событие, предмет, личность в далёкое от нас время.

По ходу исследования на фоне его основного объекта неизбежно возникают многочисленные понятия-спутники, образующие сложнейшую систему представлений человека древности, и дающие возможность взглянуть на далёкий от нас мир его глазами. Особый интерес при этом представляют не только понятия, но и невидимые связи между ними, которые держат всё многообразие представлений в единой системе, создавая то, что принято называть «мировосприятием». Историко-лингвистический анализ даёт возможность увидеть эти прозрачные звенья через посредство микро- и макроконтестов литературного произведения, на которые накладываются и многочисленные художественные особенности. Именно с помощью детальной обработки контекста — однако без навязывания памятнику современной логики — можно достичь глубокого проникновения в смысл событий и в средневековую психологию.

У древних германцев период Великого Переселения и много веков после него неизменно сопровождался обилием физических столкновений как с враждебными племенами, так и войсками Римской Империи. Римские авторы дают обилие сведений об образе жизни германских племён, однако все источники сходятся в одном — основным их занятием была война. Не менее популярным мотивом была тема конфликтов и в устном фольклоре самих германцев, который представлен прежде всего аллитерационной поэзией.

Несмотря на отсутствие четких жанровых границ у произведений аллитерационной поэзии, в последнее время все чаще отмечается явное наличие базовых концептуальных различий между ними, прежде всего связанных с переходом от язычества к христианству. Древнеанглийский стих, характеризующийся поразительной устойчивостью формы, в итоге оказался столь же поразительно восприимчивым к изменениям, происходящим в мировоззрении в течение VIII–XI веков. Феномен древнеанглийского аллитерационного стиха заключается в том, что отказа от исконных героических ценностей в исследуемых памятниках не происходит. Что в действительности имеет место — это причудливое наложение новых мотивов на старые, борьба и единство двух казалось бы несовместимых культур. Ситуации, последовательность которых составляет сюжет любого памятника, носят характер стандартных. Для них существует некий прототип, которого придерживается поэт при трактовке нового образа. Аналогизация происходящего с использованием общей модели ситуации представляет собой основную форму древнегерманской поэтической мысли.

В современном понимании термин битвы служит обозначением крупных военных действий с большим количеством участников или некоего соперничества в глобальном масштабе, ср. Куликовская битва, Сталинградская битва, *The battle of Waterloo* («Битва при Ватерлоо»). Будучи широко употребительным, он одновременно уже окрашен стилистически. Черты архаизма свойственны «битве» в силу широкого распространения а/ терминов локальных конфликтов и б/ широкомасштабного понятия «войны». Черты историзма, вышедшего из обиходного употребления, приобретаются «битвой» как следствие смены тактики ведения войны. В отличие от современности, у воинственных англосаксов тактика сойтись в открытом бою была весьма популярной, за самой же битвой тянулся шлейф связанных с ней ритуалов, артефактов, кодекса поведения. Социально-этическая система взглядов англосаксов с привлечением широкого языкового материала получила последовательную разработку у М. Чернисса¹. В его представлении в основе англосаксонского общества лежали четыре института — вассальная преданность (*loyalty, comitatus*), месть

¹ *Cherniss M. D. Ingeld and Christ: Heroic Concepts and Values in Old English Christian Poetry. The Hague; Paris, 1972.*

(vengeance), сокровища (treasure), и изгнание (exile). Под преданностью понимается особое отношение между членами общины, обоюдное доверие внутри племени между вождем и родовыми воинами, между друзьями, супругами, хозяевами и слугами и т. п. Нерушимость этого типа доверия была залогом целостности и гармоничности социального организма. Месть являла собой воплощение преданности в действии. В любом раннем обществе она являлась средством поддержания стабильности и мира, так как мысль о расплате за содеянное сдерживала акты агрессии. Сокровища служили не столько символом материального благополучия, сколько символом мужества и атрибутом достойных людей. Отсюда и обилие композитов, где сокровища приравняются к чести и заслугам. Невыполнение уставов преданности и мести в худшем случае приводило к изгнанию: такому положению бывшего члена общины, в котором он лишался всех благ и любой поддержки.

Из исследуемых источников самым ранним принято считать поэму «Беовульф», сюжет которой уходит корнями в континентальные легенды о подвигах героев-одиночек. Такие существа, как дракон, Грендель и многочисленные чудовища, придают памятнику характер мифа и мистический колорит народных поверий. Древнегерманский berserkr — человекомедведь патологически огромной силы, позволяющей ему обходиться в сражении без оружия — также мог послужить прототипом самого главного героя. Соответственно, в ключевых местах битва именуется как раз поединок с антигероем-чудовищем.

В подавляющем большинстве случаев наименования битвы именуют собой факт вооруженного столкновения. В следующих эпизодах присутствует идентичная ситуация измены/верности меча, как основного оружия в битве, его хозяину:

1/ *geswac æt sæcce / sweord Biowulfes // [268]*²
«отказал в битве / меч Беовульфа // ».

2/ *Ne meahte ic æt hilde / mid Hrunting //*
wiht gewyrca[n] / [1659]

² Здесь и далее текст «Беовульфа» цитируется по изданию: Beowulf / Ed. M. Swanton. New York, 1990. Перевод принадлежит автору статьи.

«я не мог в битве / с помощью Хрунтинга// ничего совершить /»

В таких случаях битва выступает фоном, на переднем плане которого совершается действие или подвиг.

Особый интерес в данном произведении вызывают пережитки мифологических представлений древних германцев, связанных с идеей смерти, в том числе и смерти в бою. То, что ниже выражает слово *hild*, ведет в область архаических конструкций с глаголами прямого воздействия на объект, в которых битва в позиции агенса предстает как плод мифологического воображения: в виде человекоподобного существа (1), как нечто осязаемое (2), как нечто зримое (3):

1/ *þare ðe þe guð fornam //*
bega folces / [1123–1124]
«тех, что битва взяла // из обоих племен / »

2/ *swa him gescod //*
hild æt Heorote [1587–1588]
«так ему повредила // битва в Хеороте / »

3/ *wæs þæs wyrmes wig / wide gesyne //* [2316]
«была того змея битва / широко видна // »

Конкретность ощущения подкрепляется конкретностью ситуации: во всех случаях события легко визуализируются, не имеют абстрактной подоплеки. Древнеисланд. *Hildr*, *Hoðr*, *Guðr*, древнеирланд. *Bodb* служили именами божеств или полубожеств женского пола — валькирий, являющихся неизменным атрибутом поля боя. В памятниках IX–X вв. *Hildr*, *Guðr*, *Bodb* и их древнеанглийские параллели активно выступают в качестве синонимов битвы. Однако некоторые мифологические ассоциации, связанные с данными словами, могли быть еще не утеряны. На то, что в древнеанглийский период *guð* и *hild* были обозначениями более или менее человекообразных существ, указывает М. И. Стеблин-Каменский. Яков Гримм считал, что эти слова осмысливались как обозначения лица во всей англосаксонской поэзии. Отсюда буквальность выражений: *gif mec hild nime* [*Beowulf*:

452] «если битва меня возьмет» ; *us heteroðra hild ne gesceode* «нам враждебная битва не должна повредить» [Andreas : 1422]³.

Безусловный интерес представляет тот факт, что сюжетом «Беовульфа» по-прежнему управляют мифологемы драконов, болотных монстров, морских чудовищ. Это могут быть и персонажи реально «забирающие» своих жертв, которыми предстают Грендель и Мать Гренделя. Наряду с именами личными — *Grendel* — антигерои обладают и именами нарицательными, как, например, дракон — *draca*, *wyrm*. При таком положении вещей само собой возникает вопрос, не являются ли некоторые наименования битвы прямыми указаниями на некое конкретное существо, или даже его имя собственное, что максимально бы приблизило поэму к мифу. При сравнении понятия битвы с понятием враждебности степень такого совпадения видна довольно четко. Чудовище предстает в виде наименования враждебности в сцене смерти Эскхере: *ða hine se broga angeat* [1291] «и его та враждебность схватила», где неожиданно визуализируется образ Матери Гренделя. Похожая ситуация наблюдается и в одном из эпизодов, где Беовульф сражается с драконом, но здесь герой и антигерой встречаются в совершенно иных обстоятельствах, нежели Эскхере — Грендель, так как оба находятся в равной осведомленности и осознанно идут на столкновение. Реплика «битва возьмет» в равной степени могла бы быть отнесена и к дракону, так как и он и его соперник в первую очередь видятся как воины, а не как убийца и жертва. Осознанность поступка снимает с данной ситуации употребления ауру мифологической загадочности, говорит о героическом осмыслении битвы как арены действия реальных человеческих возможностей. Сама поэма, по сюжету приближаясь к мифу, уже никогда не станет таковой по содержанию, как не станут снова именами валькирий слова *gud*, *hild* или *beado*. То, что не позволяет поэме оставаться мифом — это распад буквального восприятия, выход за рамки происхождения значения ради воссоздания реального события — сражения.

В концептуальном плане наиболее близкой «Беовульфу» по духу представляется поэма «Битва при Мэлдоне», хотя хронологически

³ Здесь и далее текст поэмы «Андрей» цитируется по изданию: Andreas, or the Acts of St. Matthew and St. Andrew // The Vercelli Book Poems / Ed. F. P. Magoun. Cambridge (Mass.), 1960. P. 1–50. Перевод принадлежит автору статьи.

она является наиболее поздней. В «Битве при Мэлдоне» видится «Беовульф» в период его сочинения, древняя поэма, свободная от второстепенных и последующих смысловых наслоений.

Тема поэмы — сражение, и именно она определяет совокупность словоупотреблений с наименованиями битвы, которые очищены от всех нерелевантных данному тексту и данному событию представлений. Из всех поэтических памятников «Битва при Мэлдоне» обладает самой точной исторически доказуемой информацией о происшедшем и, более того, служит основным свидетельством событий. Отличительной чертой «Битвы при Мэлдоне» принято считать особую динамику повествования, скорость и плавность движения действия, последовательность описания, лаконичность стиля. Условия для этого типа существования стиха видятся в реальной временной близости того, о чём повествует поэт, и, наконец, в личности самого рассказчика. На примере «Битвы при Мэлдоне» можно наблюдать, что значит для аллитерационного стихотворчества свежесть воспоминания. Детали повествования настолько конкретны, что не встают ни в один ряд с ретроспективными отступлениями «Беовульфа», уводящими в далёкое прошлое.

Исходя из количества словоупотреблений, основными наименованиями битвы остаются *wig*, *gud* и *hild*. Что более характерно — это утрата ими смысла активной действующей силы. Очевидно, что лаконичность стиля «Битвы при Мэлдоне» абсолютно не поддерживает архаику значений наименований битвы, хотя единичные случаи употребления напоминают архаические образы эмоциональных состояний, как в словосочетаниях *niðe genyded*, *gude gefysed* «враждебностью (битвой) ведомый».

Неоднократно отмечалось, что наряду с необычайной живостью стиля, поэма «Битва при Мэлдоне» отличается неизменностью мотива абсолютной преданности в германском обществе, в очередной раз проявившего себя через девять веков после письменных свидетельств Тацита. В самом деле, действие поэмы по большей части напоминает военную хронику, в которой заложен большой этический смысл, связанный с древнегерманским представлением о чести воина. Название «Битва при Мэлдоне» ассоциируется и с более узкой темой имевшего место предательства, которое и повлекло за собой поражение войска англосаксов.

Наименования битвы маркируют важные смысловые разделы поэмы. Диалог между враждующими сторонами (перебранка в эпической терминологии) содержит указание на ситуацию, которая должна привести к столкновению:

ne sceolde ge swa softe / sinc gegangan; //
us sceal org ond ecg / ær geseman, //
grim guðplega, / ær we gafol syllon // [59–61]⁴
«не должно так легко / серебра добиваться,
//наши должны железо и меч/ сначала
совещаться // в жесткой битве / перед тем,
как мы откуп дадим » //

Последующая битва является причиной отказа одной из сторон (как оказывается, слабейшей) разрешить конфликт с помощью откупа — происходит столкновение психологий завоевателя и защитника. Такой ход событий менее обусловлен художественными законами эпического сюжета, но имеет исторические предпосылки: Британия в тот период подвергалась опустошительным набегам викингов. Противодействие носит характер оборонительный, в корне отличный от эпической мести.

Эпизод начала сражения контрастирует с началом поэмы: на смену приходят мрачные образы ворона и орла. Они маркируют новый поворот сюжета, где в силу вступают жестокие законы войны: hremmas wundon, // eorn æses georn / « и вороны взвились, // орёл падаль почуял / ». В фокусе оказывается поле битвы целиком, безразлично к противоборствующим сторонам. Тут же возникает тема возраста — смерть в битве не считается ни с молодостью, ни со старостью, находится на нейтральной стороне:

biter wæs se beaduræs; / beornas feollon //
on gehwæðere hand / hyssan lagon // [111–112]
«жестоким было то сражение; / опытные
воины падали // на обеих сторонах, / лежали
молодые // »

⁴ Здесь и далее текст оригинала цитируется по изданию: The Battle of Maldon // An Anglo-Saxon Reader / Ed. by Alfred J. Wyatt. Cambridge, 1922. Перевод принадлежит автору статьи.

Поле зрения вскоре сужается вокруг отдельных героев: в него попадает лидер англосаксов, стоящие рядом вассалы, войны противника. Действие движется по принципу быстрой мести — от нападения к ответному нападению, скорой расплате и т. п. В завершении звучит тема недостойного поведения на поле брани некоторых лидеров англосаксов.

Памятники с сюжетами заимствованного характера наименее динамичны и целостны в плане содержания. Попытка привести их в соответствие эпическим традициям приводит к созданию псевдогероической реальности.

Одним из наиболее красочных в плане подробного описания военных реалий в раннехристианской поэме «Исход» предстает эпизод приближения египетского войска. В библейском оригинале фараон пускается вслед за евреями по наущению Высшего Начала. Ссылка на божественное вмешательство отсутствует или пропущена в древнеанглийском памятнике. Вместо этого во всей своей полноте выступает тема подготовки к битве, где широко используется вся военная лексика. В отличие от оригинала, где перед читателем встает ничем не приукрашенный факт преследования, древнеанглийский фрагмент занимает несколько десятков строк, смещая акцент повествования на кажущиеся лишними детали. Мысль, проводимая поэтом, обладает смысловой целостностью и законченностью: в ней просматриваются идеи, составляющие древнегерманское отношение к любому конфликту.

Библейская логика изложения оказывается недостаточно понятной для древнеанглийской аудитории, воспитанной на традициях. Переводчику-автору приходится привлекать к повествованию знакомые древнегерманские мотивы, в то время как основы христианской идеологии реализуются не полностью. Так, искусно обрисованная тема подготовки битвы по законам эпического сюжета должна была вылиться в не менее насыщенную картину сражения, драматическую развязку. И здесь библейский ход событий противоречил германскому. В сцене перехода через Красное Море на египетское войско обрушиваются водяные стены, оберегавшие евреев. В Библии эта развязка довольно лаконична: «И вода возвратилась, и покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за ними в море; не осталось ни одного из них ...» [Исход, гл. 14, стих 28].

Древнеанглийская интерпретация, напротив, дает развернутую картину гибели войск фараона в несколько десятков строк. При этом, хотя факт битвы и не имел места, море напоминает поле брани. Мутация сюжета, очевидно, грозит восприятию произведения значительно меньше, нежели изменение концептуального содержания, и проводится она с удивительной методичностью и искусством: если в оригинале нет места битве, то там появляются детали её подготовки и последствий; если задействованы огромные армии — их следует разбить на небольшие подразделения германского образца.

В кульминации описывается действие, которое можно назвать псевдобитвой из-за отсутствия факта вооруженного столкновения, но большого обилия деталей, ассоциируемых с данным видом конфликта:

Wæron beorhhlidu / blode bestemed //
holm heolfre spaw, / hream wæs on yðum, //
wæter wæpna ful, / wælmist astah // [311–313]⁵
«Горы воды были /политы кровью, //
море источало раны, / доспехи плавали
по волнам, // вода, оружием полная,
/смертельный туман подымался». //

Теологический аспект битвы, который сформировался на основе мифологии в эпосе, здесь передается через идею всесильного христианского Покровителя — Weard. Возможно, именно об этом сдвиге в мировоззрении свидетельствует отсутствие в «Исходе» агентивных конструкций, указывающих на действие потусторонних демонических сил в ранних памятниках.

Хронологию появления древнеанглийских христианских памятников принято соотносить с хронологией библейской — ранние и поздние поэмы интерпретируют сюжеты Ветхого и Нового Заветов соответственно. Военизированные эпизоды «Исхода» сменяют судьбы отдельных христианских персонажей. Поэма «Андрей» представляет аудитории новый образец личности (героя-одиночки) по сравнению с Беовульфом. По сути дела, он никогда не остаётся в одиночестве как таковом, так как поступки его всегда контролируются Небесным Гос-

⁵ Текст «Исхода» цитируется по изданию: The Old English Exodus / Ed. by E.B. Irving. New Haven, 1953. Перевод принадлежит автору статьи.

подином. Житийный сюжет изначально не содержит батальных сцен. Поэтому появление наименований битвы гипотетически может повлечь за собой: а\ некоторую логическую непоследовательность в поступках героев, б\ семантическую недостаточность или метафорическое употребление самого слова, в\ полное изменение сюжета.

Следующий эпизод поэмы рисует захват мермедонцами Св.Матфея:

Eodon him þa togeagnes / garum gehrysted, //
lungre under lindra, / — nealles læte wæron —, //
irre æsc berend, / to þæm orlege // [45–47]
«Пошли ему тогда в направлении / копьями
вооруженные, // скоро под щитами — никто
не замедлил —, // гневные копьеносцы, / на
ту битву///»

Маркируемое *orleg* действие можно охарактеризовать как подготовку к битве, включающую элементы экипировки (*gar* «копье», *æsc* «копье», *lind* «щит») и душевного предбоевого состояния (*irre* «гневные»). Не случайно М. Чернисс отмечает, что именно этот момент повествования фиксирует наиболее отчетливо древнегерманскую атмосферу сражения. При выходе за пределы данной сцены, однако, не наблюдается ни изображений хищников, ни героической мотивации поступка, ни, наконец, ответного действия героя. Частично немотивированность поведения мермедонцев компенсируется нововведением темы преданности темным силам и понятию *diofles þegnas* «вассалы дьявола».

Ответная реакция Св.Матфея ограничивается лишь новым приливом преданности своему Господину без малейшего указания на противодействие:

Eadig and an-mod / he mid ellne forð //
weorðode wordum / wuldres ealdor // [54–55]
«Благословенный и храбрый / он с
рвением продолжал// превозносить
словами / небесного Господина // ».

Как следствие такого развития сюжета в тексте наблюдается явление сродни эффекту обманутого ожидания, когда активность германского мотива тушится скромностью христианского. Такая ситуация была невозможна в «Исходе», где поэт пытается любыми средствами должным образом завершить сцену битвы, не выходя за пределы древнегерманской модели построения сюжета — невзирая на возникающую непоследовательность.

Нахождение Св.Андрея в заточении описывается с привлечением батальных терминов :

fram fruman cunne //
eall þa earforu / þe he mid ellne adreag, //
grimma guþa / [1485–1487]
«...с самого начала известны // все те
трудности, / что он с выдержкой
вынес, // жестокие битвы».

Выражение *grimma guþa* стоит в позиции поэтического повтора к более общим обозначениям страдания — *earforu* и *wita*. По формальным признакам оба словосочетания включаются в традиционный прием эпической вариации и занимают место варианса⁶. Представляется возможным, что изменения, соответствующие литературному периоду, претерпело употребление самого стилистического приема. В силу повышенного внимания к институту мученичества в христианской идеологии, смысловой центр высказывания заняли общие обозначения страданий. Как следствие этого, *guð* и *hild* существуют в синтагме на правах дополнительной информации особого рода, причем эта информация выходит за рамки собственно лингвистической семантики. Роль *guð* и *hild* — связывать прошлое с настоящим, но настоящим не героическим, как это происходит в континентальном эпосе, а настоящим христианским. Опускание комментария в форме наименований битвы пошатнуло бы героические азы, на которых была построена и развивалась аллитерационная поэзия. Можно сказать, что наименования битвы так прочно срослись со стихом, что их потеря могла бы

⁶ Подробнее о структуре древнеанглийской эпической вариации см.: Гвоздецкая Н. Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Иваново, 1995. С. 34–48.

означать исчезновение огромной взаимосвязанной цепи ассоциаций, имеющих в основе представление о битве, и возмещение утраченного могло бы потребовать продолжительного времени.

Несмотря на все оговорки, момент битвы в «Исходе» нельзя отрицать: он лишь накладывается на момент бури, сливается с ним. Примеры из «Андрея» не дают оснований говорить, что этот момент присутствует вообще. Связующего звена в образе битвы между последовательностью действий во фрагментах поэмы не существует. Анализ подтверждает, что в «Андрее» наблюдается распад концепта битвы в соприкосновении с позднехристианской идеологией. Тем не менее этот процесс ещё далёк от завершения. Переносное употребление поэтического слова «Андрея» во многом решило бы проблему приложения германской формулы к новым христианским идеям. Однако этого не происходит. Предмет военной экипировки в «Андрее» — это действительно оружие и доспехи, как бы абсурдно они ни смотрелись на фоне безобидных жертв; месть — это действительно месть: она воплощается в образе адского огня, но он лишь её конечный результат; битва — это вправду битва, только не имеет завершающей стадии.

Четыре рассмотренных выше памятника отражают не только четыре этапа в концептуальной эволюции древнеанглийской поэзии, но и четыре вида отношений к битве как части древнегерманской героической реальности. Битва в «Беовульфе» — это сражение со злом, воплощенном прежде всего в образах мифологических персонажей, битва-подвиг, битва-поединок. Битва в «Битве при Мэлдоне» — реальное событие, последовательность тактических приёмов сражающихся сторон, битва в том виде, как её представляют в хрониках и летописях. Битва «Исхода» — случайная или сознательная, но не доведённая до логического завершения, аналогизация некоторых мотивов Библии и древнегерманских легенд. Наконец, битва в «Андрее» — страдание мученика, единственным оружием которого является воля и вера.

**ИСТОРИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИТУРГИИ
(ЗАМЕЧАНИЯ О СИНОДИКЕ БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВИ)**

«Въписахом сия на уведение послушающих
и в память всему болгарскому роду».

Из Синодика Болгарской церкви

Сетования на скудость оригинальной исторической литературы и «засилье» переводных византийских сочинений — общее место научных трудов по болгарской средневековой историографии¹. Между тем, «профессиональная» или выделенная в особенный жанр историческая литература в средние века не имела монополии на выражение исторического сознания общества и не была ни единственным полем оформления концептуальных идей относительно прошлого, ни исключительным средством мультипликации и трансляции исторических знаний. Как показано в ряде работ, в том числе и наших, перечисленные функции в средневековой Болгарии могли выполнять житийные и гимнографические тексты и их устойчивые комплексы, маргиналии рукописных книг и надписи на сооружениях, преамбулы официальных актов и другие памятники². Конечно, и в агиографии, и в гимнографии пространство, оставляемое для исторической информации, было минимальным, а сами исторические тексты подчинялись жесткой структуре византийского канона³.

¹ Gjuzelev V. Geshichten und Chroniken in der altbulgarischen Literatur vom 13. bis Anfang des 15. Jahrhunderts // Georg Mayer zum 60. Geburtstag (Sagners Slavistische Sammlung. Bd. 16. München, 1991. S. 266–267.

² Божилов И. Седем етюда по Средновековна история. София, 1995. С. 217–263; Польшанский Д. И. Историография в контексте культуры (на материале болгарской книжности IX–XIV вв.) // Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе. Иваново, 1998. С. 85–100.

³ Божилов И. Ук. соч. С. 307–335; Кожухаров С. Търновска книжовна школа и развитието на химничната поезия в старата българска литература // Търновска книжовна школа 1371–1971. София, 1974. С. 277–309.

Присутствие исторических фрагментов в древнеболгарских житиях и службах, помещенных как в четьи, так и в служебные сборники, говорит о том, что в развитии и сохранении историографической традиции свою роль играло и богослужение. Как повторяющийся и наиболее распространенный вид общественного действия, оно могло способствовать распространению исторической информации и придавать ей необходимый социальный резонанс. Как отметила видная исследовательница древнерусской книжности И. В. Поздеева, «уникальная временная и социальная «всеобщность» [литургических текстов], наивысший, наравне с Писанием, авторитет, личное участие в богослужении (в идеале, каждого), персональная и коллективная заинтересованность — определяют влияние литургического текста на историческую психологию...»⁴ (и историческое сознание — Д. П.).

Синодик Болгарской церкви (часто неточно называемый вслед за С. Н. Палаузовым⁵ «Синодиком царя Борила») — литургический текст, возглашавшийся на богослужении в Неделю православия — первое воскресенье Великого поста. Его чтение в кафедральных храмах Болгарской церкви было установлено при царе Бориле (1207–1218 гг.) в феврале 1211 г. в тогдашней болгарской столице Тырнове, приобрело канонический статус с восстановлением Болгарской патриархии в 1235 г. и, судя по пополнению поминальной части Синодика, продолжалось не только на всем протяжении эпохи Второго Болгарского царства, но и в первые два века после его завоевания османами. Синодик сохранился в двух списках — Палаузовском (Национальная библиотека «Кирилл и Мефодий», София, Рукописное собрание, № 289 (55), конец XIV в., предположительно — 1381–1382 гг., тырновский извод) и Дриновском (Там же, № 432 (634), XVI в. или начало XVII в., сербский извод). Тексты восходят к разным спискам Синодика и дают возможность с высокой долей вероятности восстановить его изначальный вид, что и было сделано в 1928 г. работавшим в Болгарии русским исследователем М. Г. Попруженко⁶.

⁴ Поздеева И. В. Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 114.

⁵ Палаузов С. Н. Синодик царя Борила: Рукопись XIV в. М., 1887.

⁶ Попруженко М. Г. Синодик царя Борила. София, 1928 (Български старини. Т. 8).

В основе болгарского Синодика, как и его сербского и древнерусского аналогов, лежит перевод греческого Синодика в Неделю православия, составленного в Константинополе в окружении патриарха Мефодия в 843–844 г.⁷ Чтение этого обширного сочинения на литургии в первую неделю Великого поста было установлено в конце IX в. На протяжении XI–XIV вв. греческий Синодик неоднократно редактировался и дополнялся, что позволило русскому византинисту Ф. И. Успенскому увидеть в нем универсальный источник по истории «византийской образованности»⁸.

Чтение Синодика входило в т. н. Чин православия, который совершался, как правило, только во время владычного богослужения в кафедральных храмах, и, по исключению, игуменского в крупных монастырях, на отпущах утрени, т. е. в той части утренней службы, где исполнялись заключительные песнопения. На столичной службе, совершаемой патриархом, присутствовал государь. Если судить по древнерусской служебной практике, установленной в конце XIV в. при участии выходца из Болгарии митрополита Киприана, храм для совершения Чина православия убирался особым образом, в нем устанавливались трон для государя и кафедра для предстоятеля, на которых помещались иконы. Службе предшествовали особый колокольный благовест и обряд поклонения иконам, включавший их лобызание монархом⁹. Синодик оглашался протодиакonom, его чтение чередовалось с пением вечной памяти и многолетия защитникам и поборникам православия, упоминаемым в тексте. Их список в каждой славянской Церкви постоянно пополнялся именами местных государей и иерархов, героев и подвижников. Пышность действия и исключительный состав прихожан – его участников придавали особое значение восприятию последними всех элементов Чина православия. Как писал видный церковный историк прошлого века М. И. Горчаков, «совершение

⁷ См.: Успенский Ф. И. Синодик в Неделю Православия: Сводный текст с приложениями. Одесса, 1893; *Gouillard J. Le Synodicon de l'Orthodoxie: édition et commentaire // Travaux et mémoires. Vol. 2. Paris, 1967. P. 1–316.*

⁸ Успенский Ф. И. Очерки истории византийской образованности. СПб., 1891.

⁹ Никольский К. Т. Анафематствование (отлучение от Церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста: Историческое исследование о Чине православия. СПб., 1879. С. 51–72.

воспроизведением перед слушателями целой истории Отечества»¹⁰. На фоне относительно скромного местного материала древнерусского Синодика (как и и сербского), гораздо более самостоятельная и обширная историческая часть болгарского памятника заслуживает подобной оценки в еще большей степени.

Первая часть Синодика, состоящая из т. н. «Благодарения» («Должное к Богу летное благодарение...»), «положительной канонической части» (термин Е. В. Петухова¹¹) со славословиями защитникам православия, и «отрицательной канонической части» с анафемами его врагам, является общей для всех трех славянских Синодиков — упомянутого болгарского, выполненного в окружении Св.Саввы в начале XIII в. сербского, и вышедшего из окружения митрополита Киприана древнерусского¹². Она была переведена с греческого протографа эпохи Комнинов, включившего ряд дополнений к первоначальному тексту и читавшегося, по-видимому, не в константинопольской святой Софии, а в одной из провинциальных епископских кафедральных церквей. Еще Ф. И. Успенский установил, что к оригиналу, находившемуся у болгарского переводчика, близки греческая рукопись XIII в., хранящаяся в Австрийской национальной библиотеке (Cod. Vindobonensis gr. 73)¹³ и протограф т. н. Эскуриальского синодика, принадлежавшего Критской церкви. По мнению В. А. Мошина, в его распоряжении мог быть и древнерусский список Синодика, восходивший, в свою очередь, к гипотетическому древнеболгарскому переводу X в.¹⁴

¹⁰ Горчаков М. И. [Рец. на кн.] Никольский К. Т. Анафематствование... // Отчет о XXIII присуждении наград гр. Уварова: Записки Импер. Академии наук. Т. 39. Приложение. СПб., 1881. С. 199.

¹¹ Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. Историко-литературные наблюдения и материалы. СПб., 1895.

¹² См.: Пашиев П. Синодикът на Българската православна църква и синодичите на другите православни Църкви // България в света от древността до наши дни. Т. 1. София, 1979. С. 318–325.

¹³ Лозелев В. Извори за средновековната история на България (VII–XV вв.) в австрийските ръкописни сборки и архиви. Т. 1. София, 1994. С. 57–58.

¹⁴ Мошин В. А. Сербская редакция Синодика в пользу Православия: Анализ текстов // Византийский временник. Т. 16. 1959. С. 368, 372–375, 393–394.

Другим источником болгарского Синодика, не использованным в Сербии и на Руси, было послание епископам константинопольского патриарха Космы (неизвестно, какого — Иерусалимита, чей понтификат приходится на 1075–1081 гг. или, что более вероятно, Атика (1146–1147 гг.))¹⁵. Из него в Синодик вошел обширный комплекс анафем против богомилов, необходимостью борьбы против которых был обусловлен созыв тырновского собора 1211 г.¹⁶ Наконец, последнюю часть Синодика составили собственно болгарские дополнения. Помимо традиционных для синодиков памятей усопшим и многолетий здравствующим членам правящего дома, их приближенным и высшему клиру, в их число входят пространные исторические тексты, аналогов которым нет ни в древнерусской, ни в сербской редакциях.

Самостоятельная историческая часть болгарского Синодика начинается после троекратного возглашения «Спаси, Господи, христианскую веру!» с памяти свв. Константину и Елене («Константину Великому и матери его Елене, святым равноапостольным христианским царям — вечная память!»)¹⁷. Возможно, эту запись следует считать первым в порядке текста примером сознательного вмешательства болгарских составителей начала XIII в. в византийскую традицию Чина православия. Ряд воспоминаемых византийских императоров в большинстве рукописей греческого Синодика, а также в древнерусской редакции открывали не свв. Константин и Елена, а Михаил III и Феодора¹⁸. В сербской редакции аналогичное болгарскому возглашение вечной памяти «Константину, правоверному царю нашему и светлому начальнику всем православным царям и с матерью его Св.Еленой» помещено в другом месте Синодика, после обширной местной вставки с проклятиями «злым еретикам проклятым бабунам», и открывает заключительную часть памятника¹⁹. По мнению В. Мошина, это возглашение могло восходить все к тому же гипотетическому древнебол-

¹⁵ *Gouillard J.* Une source grecque du Synodikon de Boris: la lettre inedita du patriarche Cosmas // *Travaux et memoires*. Vol. 4. Paris, 1970. P. 361–374.

¹⁶ См.: *Ангелов Д.* Богомилство в България. София, 1969. С. 446–454.

¹⁷ *Попруженко М. Г.* Ук. соч. С. 73, 74.

¹⁸ *Петухов Е. В.* Ук. соч. С. 40.

¹⁹ *Мошин В. А.* Сербская редакция Синодика в неделю Православия: Тексты // *Византийский временник*. Т. 17. 1960. С. 301–304.

гарскому переводу X в. Во всяком случае, исключительный пиетет к имени Св. Константина в средневековой болгарской традиции, постоянное уподобление «первому христианскому царю» государей Первого и Второго Болгарских царств созвучны его прославлению в Синодике Болгарской церкви.

Характерно и второе отличие, которое с еще большей долей вероятности можно считать возникшим в результате редакции болгарского переводчика. На месте греческого возгласения «Михайлу, нашему православному василевсу, и Феодоре, матери его, вечная память!», точно переведенного в сербской и древнерусской редакциях, в Дриновском списке (в Палаузовском вырваны соответствующие листы) находится подробный текст о Феодоре, не упоминающий ее сына: «Феодора, великая и святая царица, которая после смерти мужа ее Феофила, что некогда омрачил православную веру, собрав всех патриархов и архиереев со всей вселенной, и святых чернецов от всех стран, сотворила великий вселенский собор. Изгнав темную и мрачную, и неприемлемую иконоборческую ересь вместе со всеми поименованными здесь прежде бывшими еретиками, приказала со всем святым собором во все лета проклинать их в вечное осуждение всем патриархам и всеосвященному церковному чину. Царей же и князей, пособляющих православной вере, чьи имена записаны в книгах святых, установила и утвердила воспоминать в святых церквах в воспоминание вечное и во хвалу Богу-творцу. Этой благоверной царице — вечная память!»²⁰

Непосредственные источники этой обширной статьи не удастся обнаружить ни в греческих редакциях Синодика, ни в славянских хронографических повествованиях, к которым возводил этот текст М. Г. Попруженко. Его отличает безоговорочное приписывание Феодоре всей суммы заслуг по восстановлению православия, игнорирование имен Михаила III и патриарха Мефодия. Особое место, которое занимала в болгарском средневековом культурном сознании святая византийская императрица, объяснялось не только ее общепризнанной в христианском мире ролью восстановительницы православия, но и приписыванием ей в Болгарии особой связи с этой страной. Именно к ее царствованию в качестве регентши малолетнего Михаила болгар-

²⁰ Попруженко М. Г. Ук. соч. С. 75.

ская историческая традиция намеренно сдвигала дату крещения Бориса, (что, как мы увидим, проявилось и в Синодике). Политическое сознание средневековой Болгарии связывало с мифическим «даром Феодоры», якобы сопровождавшим крещение князя Болгарии, легитимные права болгарских государей на земли т. н. Загорья, чаще всего отождествляемого со всей территорией страны²¹.

После поминания Феодоры следует оригинальная болгарская часть Синодика, отделенная от греческих — переводной и компилятивной — заголовком «Начало болгарских царей», который также оглашался во время чтения на литургии. Эта часть открывалась памятью «Борису, первому царю (sic!) болгарскому, нареченному во святом крещении Михаилом, что болгарский род к богоразумию святым крещением привел...». За ней следовали возгласение вечной памяти «Симеону сыну его и Петру, царю святому, внуку его» и поминальный список государей Первого Болгарского царства — «древних болгарских царей»²².

Кажущийся стереотипным краткий текст памяти Борису-Михаилу при более глубоком анализе предстает как концептуально насыщенная формула. Напомним, что участниками литургии в Неделю православия, которую служил патриарх или епископ, были представители царской семьи, высшей столичной и местной аристократии, их служилое окружение, духовенство Тырнова или местных удельных столиц, т. е. именно тот слой общества, который в средние века повсеместно выступал в качестве хранителя и творца исторического сознания, и поэтому влияние такого текста на историографическую традицию было весьма велико.

Во-первых, Борис-Михаил назывался здесь «царем». Усваивание болгарскому князю царского титула началось в апокрифических сочинениях, возникших в Болгарии в период византийского владычества. Так, в «Болгарской апокрифической летописи» XI в. утверждается, что он «принял царство» на р. Брегалнице. Цикл близких к «Летописи» памятников, созданных в горных монастырях болгарского Запада в том же столетии, обращается к этой теме как бы «от обратно-

²¹ См.: *Полывинный Д. И.* Некоторые аспекты принятия христианства в культурной традиции средневековой Болгарии // *Славянский мир между Римом и Константинополем.* М., 2000. С. 105–108.

²² *Попруженко М. Г.* Ук. соч. С. 77.

го», настойчиво повторяя мотив эсхатологической реализации несостоявшейся коронации болгарского государя царским венцом. По взаимосвязанным «Толкованию Даниилу» и «Сказанию Исаиеву» Михаил возлагает на себя «порфиновый венец», чтобы в Судный день оставить его у ног Христа²³.

Однако в апокрифических сочинениях XI – начала XIII в. отражен, на наш взгляд, лишь начальный, незавершенный этап формирования представлений о крестителе Болгарии как основателе первого христианского царства. В кругу текстов, современных Синодику, эта традиция предстает как утвердившаяся. В т. н. Втором житии Св. Наума Борис-Михаил упоминается с царским титулом, причем пассаж о строительстве церкви Св. Архангела Михаила «...богатством и повелением благочестивого царя болгарского Михаила-Бориса и сына его Симеона царя, тогда текуще лето 6413»²⁴, по разделяемому нами предположению В. Н. Златарского напоминает формуляр храмовой надписи первых десятилетий XIII в. В написанном в 20-е гг. XIII в. охридским архиепископом Димитрием Хоматианом «Кратком житии Св. Климента» имеется характерная ошибка, также связанная с царским титулованием Бориса-Михаила. По словам жития, Св. Климент «через купель возрождения обратил к новой жизни их князя Бориса, а после него — его сына Михаила, который был первым провозглашен царем болгар»²⁵. Эта ошибка обычно объясняется тем, что Хоматиан якобы перепутал Михаила и Симеона²⁶. Однако дальнейший текст «Краткого жития» говорит о строительстве Михаилом храмов, что и охридская, и болгарская апокрифическая традиции связывали с деятельностью Бориса, а не Симеона. Таким образом, поздний агиограф древнеболгарского просветителя как бы разделил Бориса-Михаила (кстати, дважды занимавшего болгарский престол — в 852–889 и в 893 г.) на две разные личности. В происходящем из Ох-

²³ Тълкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и средновековна България. София, 1996. С. 128–130, 151–152, 196.

²⁴ Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970. С. 313; Златарски В. Словенското житие на Св. Наум от XVI в. // Избрани произведения. Т. 2. София, 1984. С. 35–36.

²⁵ Иванов Й. Ук. соч. С. 319–320.

²⁶ Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 277.

ридской архиепископии т. н. Дюканжевском списке болгарских архиепископов в рукописи начала XIII в. Борису также усвоен царский титул: «[Св.Клименту] было поручено Борисом, царем Болгарии, надзирать и за третьей частью Болгарского царства...»²⁷.

Созвучие перечисленных выше памятников с Синодиком Болгарской церкви, отражавшее определенное состояние общественного сознания, может быть объяснено и их связью друг с другом. Охрид до 1214 г. пребывал во владениях брата и, во время проведения собора, союзника царя Борила — севастократора Стреза и был едва ли не единственным местом, откуда тырновские клирики, подготавливавшие собор 1211 г., могли получить греческий текст Синодика²⁸. Димитрий Хоматиан, в то время хартофилак Охридской архиепископии, вполне мог иметь отношение к отысканию необходимых для подготовки болгарского текста Синодика материалов и их передаче в Тырново. Для нашей же темы важно то, что оба греческих охридских жития, цитированных выше, в XIII или XIV в. были переведены на славянский язык и таким образом перешли в средневековую болгарскую книжную традицию.

Отметим также, что в древнеболгарских памятниках «невозвращенцах», т. е. в тех сочинениях эпохи Первого Болгарского царства, что переписывались в Древней Руси и Сербии и не сохранились в болгарских списках XIII–XIV вв. (глосса к переводу «Слов против ариан», запись о Григории, «Чудеса Св.Георгия», славянский перевод Фотиева послания и пр.), как и в текстах ранней кирилло-мефодиевской традиции, избежавших охридской правки (Проложное житие Св.Мефодия в Лесновском прологе 1330 г., списки «Слова о письменех» в Берлинском и Лаврентьевском сборниках), Борис упоминается только с княжеским титулом²⁹.

Связывая Бориса с Константином Великим и уподобляя основание им христианского царства деятельности первого православного болгарского государя, освящая крещение Болгарии и легитимность

²⁷ Иванов Й. Ук. соч. С. 565.

²⁸ См.: Снегаров И. История на Охридската архиепископия: От основаването и до завладяването на Балкански полуостров от турците. Т. 1. София, 1995. С. 98–99.

²⁹ Дуйчев И. Из старата българска книжнина. Т. 1. София, 1943. С. 51, 71, 76; Иванов Й. Ук. соч. С. 290.

царской власти в ней авторитетом святой императрицы Феодоры, восстановившей почитание икон, чтение Синодика соединяло болгарскую историю со Священным преданием и устанавливало в сознании прихожан прочную связь между крещением болгар и праздновавшимся в первое воскресенье поста торжеством православия.

Дальнейшее возглашение Синодика вело к новым ассоциациям в сознании слушавшей его образованной и высокопоставленной паствы. Второй комплекс памятей болгарской части Синодика был посвящен свв. Кириллу и Мефодию и их славянским ученикам.

Напомним, что чтение Синодика сопровождалось церковным пением. Так, первую, переведенную с греческого, часть в болгарской рукописи XIV в. сопровождает оставленное без перевода песнопение, записанное византийской певческой нотацией. Глоссы с указаниями певческого характера встречаются и далее, в собственно болгарской части Синодика. Начало Синодика звучало в церкви по-славянски и по-гречески, причем славянским было преимущественно чтение, а греческим — пение. Такой порядок был принят в Болгарии XIII в., о чем свидетельствует, например, интерполированная версия «Слова о письменах» в Берлинском сборнике: «Если соберутся два попа, болгарский и греческий... и оба служат, то пусть служат, но не пропускают славянскую литургию, а греческую поют, ибо свята болгарская литургия, [так как] святой муж ее составил»³⁰. Синодик на фоне восходящей к кирилло-мефодиевской традиции славяно-греческой литургии как бы напоминал прихожанам о происхождении священных книг Болгарской церкви: «Кириллу Философу, что Божественное писание от греческого языка на болгарский (sic!) переложил, просветившему болгарский род новому второму апостолу, в царствование Михаила и Феодоры, православной царицы, матери его, что Божественную церковь святыми иконами украсили и православие утвердили, вечная память. Мефодию, брату его, архиепископу Моравы Паннонской, также много потрудившемуся для славянских книг, вечная ему память. Клименту, ученику его, епископу Великой Моравы (так в тексте, правильно «Великий» — Д. П.) и ученикам его Савве и Горазду и

³⁰ Българската литература и книжнина през XIII в. София. 1987. С. 173.

Науму, ибо и они много потрудились над славянскими книгами — вечная им память»³¹.

Именованіе книг славянскими, а их языка — болгарским, на наш взгляд, не могло быть оговоркой. В литургическом тексте таких быть вообще не должно, и в данном случае намеренное упоминание болгарского языка подтверждается параллелями в ряде сочинений, современных созданию Синодика. Написанное в XIII в. Краткое житие Св. Кирилла, или «Успение Кириллово» называет основателя славянской литургии «болгарином по роду» и завершается славословием Болгарскому царству, «болгарскими» называет переведенные Св. Кириллом книги служба ему в Скопльской минее XIII в., «болгарской» именует славянскую литургию цитированная выше версия «Слова о письменах» XIII в.³² Таким образом, второй комплекс болгарских памятней подчеркивал православие славянской литургии, ее исконную принадлежность болгарскому народу и его Церкви.

Третий краткий комплекс памятней посвящен братьям Асеням, восстановившим Болгарское царство после эпохи византийского владычества: «Иоанну Асеню, царю Белгуну (?) (чтение по единственному позднему списку может быть испорчено — Д. П.), освободившему от рабства греческого болгарский род — вечная память! Феодору, нареченному Петром, брату его, и Калояну, царю, брату его, многие победы одержавшему над греками и фрягами — вечная им память!»³³. Если в памяти прихожан, слушавших чтение Синодика в Неделю Православия в Тырнове в первые десятилетия XIII в., борьба с Византией и победы над крестоносцами были еще свежи, то в дальнейшем этот текст, вероятно, мог восприниматься отчасти и как эпический. Легенды о трех братьях — основателях царства, (а при упоминании о родстве с ними Борила вырисовывается еще одна распространенная эпическая деталь — наличие сестры), открывают легендарную историю практически всех славянских государств. Племянник трех первых Асений Борил, вступивший на трон при сомнительных обстоятельствах, обращением к эпической традиции мог лишній раз был подчеркнуть исконность и преемственность своей власти («После них... при-

³¹ Попруженко М. Г. Ук. соч. С. 77.

³² Иванов Й. Ук. соч. С. 284, 291; Българската литература и книжнина... С. 58, 173.

³³ Попруженко М. Г. Ук. соч. С. 77.

нял царство сестричич их благочестивейший царь Борил...)»³⁴. Три деяния братьев, отмеченные в памяти — освобождение болгар от власти Византии, принятие царского титула и имени поминаемого выше святого царя Петра, победы над крестоносцами и греческими государствами — наследниками павшей Византии — четко определяли главные аспекты состоявшегося в конце XII – начале XIII в. «обновления Болгарского царства» и придавали ему черты эпического события.

Первоначальный текст исторической части Синодика Болгарской церкви завершался хорошо известным и неоднократно издававшимся рассказом о созыве собора 1211 г. В нем делался особый упор на то, что деяния собора по приказанию Борила были вписаны в перевод Синодика для возглашения на литургии в первое воскресенье Великого поста «яко же и святые отцы из начала соборной и апостольской Церкви предаша». Чтение Синодика завершалось анафемой богомилам и троекратным возглашением многих лет царю, клиру и придворным, «сошедшимся с царем Борилом на триклятую эту ересь и ее низложившим»³⁵.

Этот рассказ требует особых комментариев. Собор 1211 г., поводом для созыва которого стала борьба против ереси богомилов, на деле означал отказ Болгарской церкви от заключенной при Калояне унии с Римом³⁶. На нем не присутствовал возведенный папой Иннокентием III в сан примаса Болгарии тырновский архиепископ Василий. Рассказ, начинавшийся словами: «А прежде царствования его никто другой не сотворил такой православный собор», — косвенно указывал на эти, также хорошо известные пастве обстоятельства. Неоднократное повторение термина «православный» в рассказе о соборе 1211 г. не только подчеркивало возвращение Болгарии к исконному благочестию, воспринятому при посредстве Феодоры, но и уподобляло сам собор константинопольскому акту восстановлению православия.

Этим примеры уподобления событий болгарской истории важнейшим вехам истории православия в Синодике не ограничиваются. В рассказе болгарский царь Борил буквально следует поведению визан-

³⁴ Попруженко М. Г. Ук. соч. С. 77.

³⁵ Там же. С. 78–79.

³⁶ См.: Dujcev I. Das Synodikon von Boril als Geschichte- und Schriftumsdenkmal // Byzantinobulgarica. Vol. 6. Sofia, 1980. S. 118–119.

тийского императора Алексия I Комнина (1081–1118 гг.), который, согласно авторитетному свидетельству его дочери Анны Комнины, использовал для изобличения еретиков особую уловку. Алексей притворился заинтересованным в сути еретического учения и попросил богомилского ересиарха Василия Врача, (которому, кстати возглашалась особая, отсутствовавшая в греческом оригинале анафема в Синодике), изложить перед ним и его близким родственником основные положения ереси. Когда Василий сделал это, император отдернул занавес, за которым сидел и записывал слова богомила протоколист, и отдал ересиарха в руки церковного собора³⁷. По словам Синодика, Борил «с великою хитростию разоблачил [богомилы] сказав им, чтобы они всякий страх от себя отринули и дерзнули изложить хулительное свое учение». Как только хула была произнесена, «злославное (так в обоих списках — *Д. П.*) мудрствование» еретиков, запротокколированное приближенными царя, было передано на разбирательство собора³⁸.

Рассказ о соборе 1211 г. сближает с историческим текстом и завершающая его точная дата события: «Это же все сотворилось по повелению благочестивого царя Борила в лето 6718, индиктиона 14-го, луны 11-го года, солнечного круга в лето 15-е, месяца февраля 11-го дня, в пятницу сыропустной недели»³⁹. Помещение даты в конце исторического сообщения повторяется в нескольких болгарских памятниках XIII–XIV вв. и может считаться характерной чертой местного формуляра летописной записи⁴⁰.

Завершение работы над Синодиком, не законченной в бурное и непродолжительное царствование Борила, произошло в царствование свергнутого его сына Ивана I Асеня — Ивана II Асеня (1218–1241 гг.). Поводом для этого стало восстановление в 1235 г. Болгарской патриархии. Синодик был дополнен пространным историческим рассказом об этом событии, который открывало пышное стихотворное зачало:

³⁷ Ангелов Д., Примов Б., Батаклиев Г. Богомилството в България, Византия и Западна Европа в извори. София, 1967. С. 92–93.

³⁸ Попруженко М. Г. Ук. соч. С. 78–82.

³⁹ Там же. С. 82.

⁴⁰ Польшвинный Д. И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV в. Иваново, 2000. С. 140–141.

«Иоанн Асень, царь великий и благочестивый, сын старого [Иоанна] Асенья царя, что, многую любовь имея к Богу, прославил и просветил Болгарское царство паче всех царей болгарских, бывших прежде него, тем, что монастыри создал и украсил вельми златом и жемчугом и камнями многоценными, и все честные Божественные церкви многими дарами одарил, и свободу чистую им объявил, и весь священнический чин, архиереев и иереев, и диаконов многими почестями почел, и паче того, восхотев со многим желанием, обновил патриаршество Болгарского царства»⁴¹. Следовавшие за этим слова: «Тем же убо обновление сице бысть», по-видимому, означало переход к чтению самого рассказа, по объему превосходившего повествование о соборе 1211 г.

В конце рассказа в Палаузовской рукописи сохранилось указание для священника: «Приступи», открывающее особое возглашение: «Сего ради убо в сем православии въписахом сия на уведение послушающих и в память болгарскому роду». Синодик с дополнением 1235 г. завершался памятью «Сему Иоанну Асеню великому и благочестивому царю всем болгарам, вечная ему память»⁴². Для нашего сюжета особенно важно цитированное выше указание, которое свидетельствует о точном понимании составителями Синодика его «историографического» значения. Устная передача важнейшей для болгарского государства и Церкви исторической информации «послушающим» предстает в нем как важнейшая задача литургического текста.

Ее понимали и продолжали реализовывать последовавшие поколения болгарского клира, дополнявшие Синодик. Хотя после рассказа о восстановлении Болгарской патриархии сюда больше не включались развернутые исторические повествования, а памяти царей, цариц и вельмож редко сопровождалась заметками о их заслугах (фиксировалось в основном принятие монашества), отдельные исторические сведения вошли в записи Синодика, относящиеся к эпохе османского завоевания. Это — памяти «Феодоре, благочестивой царице великого царя Иоанна Александра (1331–1371 гг. — *Д. П.*), сущей от рода еврейского и воспринявшей святое крещение, сохранившей нетронутую Христову веру и обновившей многие церкви, и монастыри различные воздвигшей, матери великого царя Иоанна Шишмана (по-

⁴¹ Попруженко М. Г. Ук. соч. С. 82, 84.

⁴² Там же. С. 87.

следнего тырновского государя — 1371–1395 гг. — *Д. П.*)», «Кире Тамаре, дочери великого царя Иоанна Александра, великой госпожи, ставшей обручницей великого эмира Амурата (османского султана Мурада I — 1362–1389 гг. — *Д. П.*), что отдана была за него рода ради болгарского, и, выйдя за него, веру православную сохранившей, и род свой освободившей, и в добре и мире пожившей, и с миром скончавшейся», «Семиру, Йончо, Добромиру, Иваньше и всем, кто с ними мужественно [боролся] с безбожными турками, и кровь свою пролил за православную веру христианскую»⁴³. Возглашение этих памятней, продолжавшееся и после падения Болгарии под власть османов, приобрело в то время новое значение, напоминая «послушающим» о последних годах существования Болгарского царства.

Анализ Синодика Болгарской церкви как историографического произведения в контексте его основного предназначения и литургического использования позволяет прийти к нескольким общим заключениям. Во-первых, Синодик отражает характерные черты средневекового болгарского литературного творчества в целом. Конструирование древнеболгарских произведений по подобной схеме (модельный византийский текст в славянском переводе + компиляция из других византийских источников + оригинальное болгарское дополнение), вероятно, можно считать одним из привычных механизмов византийско-болгарского культурного взаимодействия на протяжении всего Средневековья. К результатам его применения можно отнести и «Шестоднев» Иоанна Экзарха, и «Болгарскую апокрифическую летопись», и тырновский перевод «Хроники» Константина Манассии. По технике конструирования нового текста к Синодику ближе всего последний. Это проявляется и в том, что творческая переработка греческой части Синодика начинается с сюжетов ранней византийской истории, задолго до включения в него собственно болгарских тем, и в том, какие именно сюжеты подвергаются правке, и в том, что основным источником последней служит греческий текст Комниновской эпохи.

Второе замечание касается характерного для многих исторических исследований противопоставления письменной и устной традиций. Между тем, последняя отнюдь не замыкалась в фольклорно-эпических текстах. Многие средневековые исторические тексты были

⁴³ Попруженко М. Г. Ук. соч. С. 88–90.

предназначены как для чтения узким кругом образованных книжников, так и для устного произнесения в более широкой аудитории. Вынесенные в эпиграф слова болгарского Синодика, как и призыв его древнерусского аналога «Прострите слухи ваша»⁴⁴ напоминают хрестоматийное зачатое новгородской летописи «Вас молю, стадо Христово! С любовью преклоните ушеса ваша разумно»⁴⁵. Устная традиция, что особенно заметно на материале т. н. историко-эсхатологических произведений, созданных в XI – начале XIII в., имела огромное значение для формирования, развития и передачи исторических знаний в средневековой Болгарии и других православных славянских странах. Литургические памятники, тщательно записываемые, но заведомо предназначавшиеся для чтения вслух или пения, были важнейшей частью этого процесса, и дальнейшее исследование богослужения и входивших в него новых текстов — служб, памятей, чтений, а также их источников — позволит точнее реконструировать духовную атмосферу славянского православного Средневековья.

Н. В. Ревякина

КОЛЮЧО САЛЮТАТИ В СПОРЕ ОБ АНТИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Каждому, кто изучает итальянский гуманизм, бросаются в глаза резкие различия между итальянской культурой XIV в., признававшей вольгаре, и гуманистическим движением XV в., в основе которого лежали латинское наследие и латинский язык. А. Н. Веселовский, первым обративший на это внимание, считал даже возможным говорить о существовании двух школ — классической, или школы эрудитов, и народной; на рубеже XIV в. эти школы определились и стояли друг

⁴⁴ Цит. по: *Успенский Ф. И.* Очерки истории византийской образованности. С. 132.

⁴⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 5. Л., 1925. С. 9.

против друга во всеоружии; спор между ними был еще и спором между латинским языком и народным¹. А его существо представлялось А. Н. Веселовскому в самом общем виде как столкновение между старой схоластической наукой, выраженной в семи свободных искусстваах, и новой наукой, вдохновленной классикой, между античным идеалом и христианским². Более того, в борьбе двух школ он видел отражение антагонизма внутреннего, разделившего все общество на два лагеря, «противоположные друг другу в политическом и литературном отношении»³. В свое время М. С. Корелин не соглашался с такой оценкой и убедительно показывал невозможность противопоставления Данте, Петрарки, Боккаччо и их последователей гуманистам XV в.⁴

На новом этапе изучения Возрождения было бы интересно вновь обратиться к существу этого спора. Нам он представляется полемикой внутри гуманистического движения, в которой за разными оценками классического наследия и современности стояли поиски путей культурного развития Италии — либо плодотворное взаимодействие со средневековой традицией, признание вольгаре языком выражения новых идей, либо опора исключительно на классическое наследие и латинский язык.

Не занимаясь этой проблемой всесторонне, познакомимся с одним из вопросов, имеющих с ней самую прямую связь — с позицией в отношении древности и современности признанного главы гуманистического движения конца XIV — начала XV в., канцлера Флоренции Колуччо Салютати (1331–1406 гг.) и его ролью в выработке пути культурного развития Италии. Для оценки позиции Салютати и уяснения связи гуманизма с жизнью проследим также кратко развитие взглядов гуманистов XV в. на современную им эпоху.

Отношение к современности и древности канцлера Салютати, который стоял во главе гуманизма как раз в то время, когда особенно острой была означенная полемика, выражено главным образом в

¹ *Веселовский А. Н.* Вилла Альберти // *Веселовский А. Н.* Собрание сочинений. Т. 3. М., 1905. С. 379, 383.

² Там же. С. 363.

³ Там же. С. 223.

⁴ *Корелин М. С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Т. 4. СПб, 1914. С. 308–312.

письмах. Именно письма оказались для него в последний, очень напряженный период его жизни наиболее удобной формой, помогавшей быстро откликаться на злободневные проблемы. Салютати пришлось защищать не только светское знание и античную культуру в полемике с монахами Джованни да Фьезоле и Джованни Доминичи⁵, но и сдерживать пыл молодых и дерзких гуманистов из собственного окружения, которые, превознося античную древность, не считали возможным сравнивать с ней современную культуру. По мере открытия древних кодексов и знакомства с греческим наследием, благодаря изучению греческого языка, организованному при содействии Салютати во Флорентийском университете, куда в 1397 г. был приглашен ученый грек Мануил Хризолор, эти настроения набирали силу. Завороженная античной древностью молодежь увидела в ней блеск культуры и образованности, расцвет искусства, совершенный язык, она восхищалась гражданскими доблестями античных граждан. Древность стала рассматриваться как образец для современности, идеал, к которому надо стремиться. В культуре своего времени гуманисты не видели ничего хорошего, резко критиковали даже ее лучших представителей. Подобные настроения были свойственны Поджо Браччолини, Никколо Никколи, Антонио Лоски, отчасти Леонардо Бруни и другим гуманистам. Вот что писал Бруни (1370/74–1444 гг.) к Никколи в 1406 г.: «Мы в эти времена, — поистине, жалкие людишки (*homunculi*), которым, даже если и достаёт величия духа, не достаёт материала для достижения известности и славы»⁶. Славные деяния римлян и греков, говорит далее гуманист, хорошо известны. А что сказать о деяниях его времени? Где они проявляются? В управлении городами? В военных делах? Если бы он, Бруни, будучи в здравом уме, решился написать о битве у Поцуол, было бы невозможно читать об этом без смеха. Нет народной борьбы, не издаются законы. Что мы имеем подобное или

⁵ *Salutati C. Epistolario / A cura di F. Novati. V. 4. Roma, 1905. Ep. XXIII, XXIV.* Далее ссылки на это издание будут даны в тексте статьи в скобках с указанием тома и страницы. См. об этом: Горфункель А. Х. Полемика вокруг античного наследия в эпоху Возрождения // *Античное наследие в культуре Возрождения.* М., 1984.

⁶ *Leonardi Bruni Arretini Epistolarum libri VIII, pars 1–2 / Ed. L. Mehus. Florentiae, 1741, lib. 2, ep. 1. P. 28.*

равное древним? Что выдающееся и вызывающее восхищение?⁷ Бруни делает исключение для наук и литературы, но мыслей на этот счет не развивает.

Даже в середине XV в. подобные настроения были еще живы, о чем свидетельствует в диалоге Бенедетто Аккольти «О превосходстве мужей своего времени» речь молодого собеседника. Молодой человек не считает возможным сравнивать итальянские государства с древними республиками и древних общественных деятелей, таких как Катон, Сципион, Лелий с их гражданскими доблестями, прославившими родину, с современниками. Даже культура несравнима, так как теперь нет школ риторов, философов, поэтов, нет высокоученых математиков⁸. Но мнение молодого собеседника в диалоге оспаривается.

А в начале XV в. подобным настроениям противостоял Салютати. В письме к Поджо Браччолини (1380–1459 гг.) от 1405 г. он высказывает тому свое неодобрение за злость и сарказм, за открытое порицание «других». «Другие» — это Петрарка и его современники. По мнению Поджо, воспроизводимому Салютати, сравнивать их с древними невозможно, и он удивлен письму Салютати, в котором тот поставил Петрарку выше Цицерона и Вергилия и многих других.

Салютати против абстрактного разговора о времени, на который его толкает Поджо, он предлагает говорить о знании (*scientia*), его «подвергнуть испытанию и оценке». И если Поджо так поступит, тогда он не будет «несправедливым и нечестным ценителем своего времени», тогда он увидит, что «эти два наших века.... славнее весьма многих», и порадуетс этому (IV. 132). Салютати предлагает оценивать время через самое, с его точки зрения, существенное — через знание, культуру, и через них вернуться к оценке самого времени.

Он сравнивает позицию Поджо и его приятеля (*alter ille*), которого тоже не раз поминает, с позицией «нашего Цицерона», без колебаний ставившего римскую культуру выше греческой, и приводит известную и вдохновлявшую многих гуманистов цитату из «Тускуланских бесед» (I. 1): «Наши или все сами изобрели более мудро, чем греки, или, восприняв от них, сделали лучше». Цицерон, говорит он, даже не щадя ни Платона, ни Аристотеля, ставит Лаций выше «пре-

⁷ Leonardi Bruni Arretini Epistolarum libri VIII, pars 1–2 / Ed. L. Mehus. Florentiae, 1741, lib. 2, ep. 1. P. 29–30.

⁸ Garin E. Il Rinascimento italiano. Firenze, 1980. P. 78.

словутой и заносчивой Греции», «ты же, Поджо, и тот другой показываете себя недоброжелательными ценителями современности (*malignos modernitatis aestimatores*)» (IV. 132).

Салютати не находит у Поджо никаких иных доводов, кроме «дыма славы» и соображений древности, на основании чего Поджо и его приятель предпочитают древних современному, «отживших (свое) и старых» (*victos et cascos*) — «последующим и молодым» (*posteris et recentioribus*) (IV. 133). О славе Салютати не говорит ничего, а мнение о большей ценности того, что древнее, не считает убедительным: то, что древнее, не обязательно лучше, ведь и сам Аристотель боролся с предшественниками.

Впрочем Салютати отнюдь не требует абсолютного предпочтения современников, он даже говорит о неразумности этого, а от Поджо он хочет одного: «Воздай своему веку и не ставь, как ты делаешь, современников так низко, что их нельзя вообще сравнивать с древними, или можно, на твой взгляд, (но) лишь в малой степени» (IV. 134). Сравнение, с точки зрения Салютати, возможно в двух вещах — в мудрости и красноречии. В мудрости все христиане превосходят язычников. У Салютати это не голословное заявление, он называет главные заблуждения язычников — признание вечности мира, смертности души, подчинения Бога природной необходимости, определение цели человеческой деятельности в наслаждении, в добродетели или в созерцании и др. (IV. 135). Христиане этих идей не исповедуют, и в своем знании истины они превосходят язычников, так что сравнение с ними даже образованнейших мужей древности вообще невозможно. И Петрарка, замечает Салютати, в этой мудрости превосходит Цицерона, Платона и Аристотеля; он советует почитать сочинения Петрарки «Об уединенной жизни», «О монашеском досуге», «Тайну», равно и письма (IV. 135).

Мысль о превосходстве Петрарки, которую Салютати будет развивать и в дальнейшем, включается им в круг размышлений о превосходстве последующих мыслителей над предыдущими: так Фалес превзошел Анаксимандра, того — Анаксимен, его — Анаксагор и Диоген, Анаксагора — Архелай, его — Сократ, Сократа — Аристотель. В этих размышлениях можно усмотреть идею развития, но она сочетается у Салютати с замечаниями, которые хотелось бы назвать пониманием исторической преемственности. В самом деле, Поджо и его друг,

выделяя Платона и Аристотеля, умаляют, считает Салютати, всех более древних мужей: «Разве вы не знаете, что все, что они написали, они восприняли от предшественников; из тех вещей, что хвалят в них, мало что можно назвать их собственным.... И наш век, о чем он спорит, что изучает, если не то древнее, что те (Платон и Аристотель), столь возвышаемые тобой, восприняли от древних?» (IV. 136).

Итак, с одной стороны, потомки превосходят предков, с другой, потомки многое наследуют от предков. Хочется думать, что это не просто аргументы в споре, а недостаточно еще развитое убеждение в прогрессе и преемственности знания; здесь нет еще ни критериев прогресса знания, ни соображения о новизне⁹.

Такой подход Салютати применяет к Петрарке, ставя его выше древних и одновременно считая наследником и древности, и христианства, черпающим много из обоих источников (IV. 141). Становятся понятными и вопросы, поставленные перед Поджо: если Петрарка в чем-то противоречил древним (за что его Поджо осуждал), то почему бы не предпочесть то, что он думал; а если мысли его и древних в чем-то сходятся, зачем отрицать возможность сравнения (IV. 134).

Другой критерий сравнения — красноречие. Для Салютати в красноречии главное — содержание, здесь гуманист вновь заручается поддержкой Цицерона, сказавшего, что речь должна быть цветущей и изобильной на основании знания дел, т.е. содержания (IV. 137). Салютати не отказывает своей эпохе в красноречии, называет три его формы, распространенные в его времена — в диспутах, в проповеди и в преподавании, и отмечает недостаток гражданского красноречия из-за невежества правителей. Среди хороших проповедников назван Луиджи Марсильи («теолог, философ, знаток классиков») (IV. 139). Также и Петрарка обладает достаточными знаниями, чтобы сравнивать его с

⁹ Гуманисты размышляли над этими вопросами. Л.Валла, например, считал, что науки развиваются путем критики ошибок и упущений предшественников (см.: *Laurentii Vallae Epistole* / Ed. O. Besomi, M. Regoliosi. Padua, 1984, ep. 13; он не раз подчеркивал новизну собственного подхода (Ibid., ep. 17). Пальмиери в отсутствии желания совершенствовать искусства видит одну из причин редкости талантов: «Довольствуясь тем, что показывают нам наши отцы и учителя, мы не пытаемся при возможности улучшить такое искусство, но, удовлетворенные этими (наставлениями), задерживаем там интеллект и всю жизнь делаем то же самое» (*Palmieri M. Vita civile* / A cura di G. Belloni. Firenze, 1982. P. 43).

античными писателями — Салютати предлагает почитать его книгу «О славных мужах», в которой нет недостатка в великолепии, красоте, величии дел. Все это позволяет ему сравнивать Петрарку в прозе с Цицероном, в поэзии — с Вергилием, в поэзии на итальянском языке — с Данте, и итальянским, замечает он, Петрарка занимался столь основательно, что нет и, возможно, не будет в будущем ему равного (IV. 140).

Понимая, что красноречие его времени не сравнимо с древним, Салютати все же находит аргументы против Поджо и его друга, порицавших современников за отсутствие у них аромата древнего красноречия. Красноречие, на его взгляд, может меняться, в отличие от истины, но все равно оставаться красноречием. Если бы не произошло никакого изменения со времен Энния (VI в. до н.э.) и не внесли свой вклад Катон, Цицерон, Цезарь и др., возделывавшие римское красноречие, словно плодородное поле, то до сих пор царила бы древняя грубость (IV. 142)? Для Салютати важна и мысль Цицерона, которую он использует против своих оппонентов: «В красноречии общие основы находятся у всех на виду, доступны всем и не выходят за пределы повседневных дел и разговоров, в красноречии нет большего порока, чем уклонение от обыкновенного склада речи и от общепринятых понятий»¹⁰. Правомерно ли в таком случае, замечает гуманист, презирать современников за то, что они не следуют наибольшему пороку, о котором говорит Цицерон, и не уклоняются от обыкновенного склада речи (IV. 142). Замечание это, как и мысль об изменчивости любопытны, ибо в них ощущается некоторый историзм: красноречие меняется и соответствует складу речи своей эпохи; его современники говорят языком своего времени, и в этом, с точки зрения Салютати, нет ничего плохого. Выше он напишет, что если красноречие основано, по Цицерону, на знании дел, а христиане истиной и знанием дел превосходят язычников, то, следовательно (и это должны признать Поджо и его друг), они превосходят и красноречием.

Но здесь гуманист чувствует себя непрочно: ценя красоту стиля, он не может настаивать на превосходстве красноречия своего времени: для него античное красноречие является образцом. И он предпочитает перевести разговор в другую плоскость, говорить в целом о

¹⁰ Цицерон *Марк Туллий*. Об ораторе. I. 3. 12.

литературной культуре и эрудиции. Он признает, что Цицерон и Вергилий красноречием превосходят Петрарку. Но и Петрарка их превосходит — Цицерона стихами, Вергилия прозой. Это высказывание Салютати требует пояснения. Гуманист не впервые пишет о Петрарке. В 1374 г. в письме, посвященном смерти поэта, «светила всей Италии нашего времени», Салютати, высоко оценивая поэта и ставя его выше древних, замечает: Петрарка писал и прозой и стихами, что у древних встречается редко, ибо Цицерону — источнику красноречия — недостает стихов, а Вергилий не писал прозой (I. 181–182). Поэтому Петрарка превосходит в этих вещах того и другого, т. е. превосходит разнообразием своих литературных возможностей. Видимо, и в письме 1405 г. речь идет о том же, иначе суждение гуманиста выглядит нелепым: как может Петрарка превосходить человека в том, чего тот не умеет делать.

В итоге всех рассуждений Салютати убежденно заявляет, что «эрудицией и знанием истины» Петрарка — «этот наш современник» (*modernus hic noster*) превосходит не только Цицерона и Вергилия, но, поистине, всех язычников (IV. 144).

Еще раз Салютати пытался наставить Поджо в 1406 г. Он не верит положительной оценке, данной Поджо Петрарке (очевидно, в очередном письме того к Салютати), снова говорит о предпочтении христиан язычникам как тем, кто не знает истины, но внимание сосредотачивает только на одной вещи, обеспечивающей это превосходство — на христианском учении о добродетели, истинной целью которой является Бог (IV. 165).

Так Салютати, ведя полемику с двух сторон — с молодыми гуманистами и с монахами, пытался определить для культурного развития Италии средний путь, без крайностей как людей традиции, так и гуманистов-классиков. Письмо Салютати монаху Джованни Доминичи Э. Гарэн назвал духовным завещанием гуманиста. Думается, что письма Салютати, обращенные к Поджо, тоже были завещанием, но только своим собратьям-гуманистам: не хулите свое время, оценивайте его справедливо и не делайте кумиров из древних — вот что хотел сказать Салютати. Но он вовсе не призывал отказываться от античного наследия, напротив, всячески старался содействовать знакомству с ним (напомним о приглашении Мануила Хризолора). Он полагал, подобно Петрарке, что надо черпать из обоих источников — из хри-

стианства и из древности. Салютати защищал свое время через культуру, знания, христианство и конкретно — через творчество Петрарки. Приоритет современной эпохе в знании главных истин дает, на его взгляд, христианство, но также дает его и время, позволяющее, в силу того, что потомки наследуют знания предков, накапливать знания, увеличивать эрудицию.

Ощущал ли Салютати специфику своего времени? Несомненно, он видел культурный подъем двух веков, в которые жили он сам и его современники, и чувствовал, что эти века «славнее весьма многих». Т.е. он выделял свое время через достижения культуры. Но он соединял его с предшествующими веками через христианство, дающее, как он считал, его времени превосходство над античной эпохой: а с другой стороны, признавал его связь с латинской древностью, ссылаясь на «нашего Цицерона», который отдавал предпочтение культуре Рима перед греческой. Так что отрыва от предшествующих эпох во взглядах Салютати нет, есть представление о преемственности и о развитии. И потому: мы не ниже древних, а в чем-то и выше их — как христиане и как наследники древней цивилизации — такой нам видится позиция флорентийского канцлера.

Тенденция, выраженная Салютати, была представлена не только им. Чино Ринуччини (после 1350–1407 гг.) в инвективе против хулителей Данте, открытой А. Н. Веселовским¹¹, защищает трех светочей — Данте, Петрарку и Боккаччо, а также семь свободных искусств, естествознание, метафизику, весь круг средневековой учености против толпы болтунов, называющих Данте поэтом для сапожников и болтающих на площадях, сколько двоегласных было в употреблении у древних, какая грамматика лучше — Вергилия либо Теренция. Эти люди, говорит Ринуччини, отрицательно отзываясь о логике, плохо знают риторику, он же уверен в практической пользе тривия. Ринуччини называет Салютати своим учителем, считает своим Петрарку. Но особенно высоко он ценит Данте, и ценит у него не только красоту, пользу и изящество вымысла, но и роль его в нравственном воспитании, а также то, что поэт «писал на вольгаре, чтобы быть полезным своим согражданам». Ринуччини даже подчеркивает его превосходст-

¹¹ *Веселовский А. Н.* Вилла... С. 377–381 (здесь дан анализ инвективы). Инвектива напечатана А. Н. Веселовским в Приложении 17 ко второму тому итальянского издания работы «Вилла Альберти».

во, по сравнению с Вергилием, его эрудицию (в одном «Аду» он показал больше историй, чем весь Вергилий), большее художественное мастерство в итальянском, чем у Вергилия в латыни (в одном стихотворном размере (терцине?) у него два — три сравнения, чего нет у Вергилия в двадцати строках гекзаметра). И вообще, замечает он, вольтаре требует больше труда и мастерства, чем латинский язык¹².

В другой инвективе — против миланского гуманиста Лоски — Ринуччини защищает Флоренцию от хулившего ее миланца, с восторгом пишет об ее архитектуре, торговле, богатстве; среди людей, прославивших ее, называет Данте, Петрарку и Боккаччо, а также средневековых людей и своих современников — Св.Джованни Гуальберти, Гвидо Кавальканти, Брунетто Латини, Фацио дельи Уберти, Луиджи Марсильи, Салютати и др.¹³ Подобно Салютати, Чино Ринуччини защищает свое время, его культуру, высоко ценит итальянский язык (хотя свои инвективы пишет на латыни¹⁴) и резко протестует против крайностей увлечения классицизмом.

Полемику среди гуманистов о древности и современности отражает и диалог Бруни к Петру Гистрию (Верджерио)¹⁵, в котором описывается спор гуманистов, происходивший в 1401 г. Салютати играет в нем свою настоящую роль, выступая защитником современной культуры¹⁶. Никколи (его позиция сходна с позицией Поджо) резко

¹² *Garin E.* Il Rinascimento... P. 77 (Э. Гарэн печатает фрагмент инвективы Ринуччини из Приложения к итальянскому изданию «Виллы Альберти»).

¹³ *Веселовский А. Н.* Вилла... С. 376–377.

¹⁴ Написанные на латинском языке инвективы Ринуччини были переведены при жизни автора. А. Н. Веселовскому не удалось установить имя переводчика. См.: *Веселовский А. Н.* Вилла... С. 382.

¹⁵ *Dialogi ad Petrum Histrium di Leonardo Bruni* / Per cura di G. Kirner. Livorno. 1889. Подробный анализ диалога дает А. Н. Веселовский в «Вилле Альберти». Он не считает диалог риторическим сочинением и видит в нем ясное доказательство того, что идеи, подобные тем, что высказал Никколи, начинали в то время распространяться вместе с распространением классических занятий (Указ. соч. С. 374–375). Как образец гуманистического диалога со всеми присущими ему особенностями рассматривает эту работу Л. М. Баткин (*Баткин Л. М.* Итальянский гуманистический диалог XV века // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 183–188).

¹⁶ *Dialogi ad Petrum Histrium di Leonardo Bruni.* P. 27–29, 38–39.

критикует свое время и «триумвиров» — Данте, Петрарку и Боккаччо за ошибки, плохое знание античной литературы, плохую латынь и др. Но затем он произносит речь в их защиту с рядом аргументов, взятых у Салютати и, возможно, аргументов самого Бруни. Позиция Бруни, хотя Салютати и смотрит на него в этом диалоге как на сторонника Никколи, особая. Ведь он написал уже к этому времени «Похвалу Флоренции» (1401 г.), возвысив славный город, и на эту работу ссылается Салютати из диалога, когда хвалит свое время¹⁷.

Упомянутое выше письмо Бруни от 1406 г. по характеру иное, но, как уже было замечено, в своих достаточно мрачных размышлениях о времени он делает исключение для науки и литературы. Позитивные в отношении своего времени настроения с годами будут у него укрепляться. Бруни займется «Историей Флоренции», напишет о жизни Петрарки и Данте, притом на итальянском языке (1436 г.). В жизнеописании Петрарки он изложит свое видение развития культуры, которое свяжет с развитием политической жизни. Падение культуры началось, по его мнению, еще в древнем Риме при императорах, уже тогда наука и литература вступили в полосу серьезной разрухи, а пришедшие готы и лангобарды почти совсем загасили всякое знание. С возвращением свободы итальянскому народу с изгнанием лангобардов, которые целых двести четыре года занимали Италию, города Тосканы начали прилагать усилия к занятию культурой и несколько улучшили грубый стиль, набирая мало-помалу силу¹⁸. Вск Данте Бруни ценит еще невысоко. Люди того времени «ничего не понимали в благородной прозе и стихах на латыни, были грубыми и невежественными и не обладали опытом в литературе, но были тем не менее учеными в дисциплинах на монашеско-схоластический лад (*al modo fratesco scolastico*)»¹⁹. Этим обстоятельством он объясняет то, что Данте писал на вольгаре, и в стихах на вольгаре он превосходил всех, но в стихах и прозе на латыни он едва достиг посредственного уровня. Впрочем, творчество Данте гуманист оценивает высоко и считает, что в своем главном труде он превосходит любую работу Петрарки²⁰. Но с

¹⁷ *Dialogi ad Petrum Histurum di Leonardo Bruni*. P. 40–41.

¹⁸ *Leonardo Bruni Aretino*. Humanistisch-philosophische Schriften / Ed. H. Baron. Leipzig; Berlin, 1928. S. 64–65.

¹⁹ *Ibid.* S. 61.

²⁰ *Ibid.* S. 68–69.

Петрарки, по мнению Бруни, начался подъем гуманистических наук: «Петрарка обладал таким тонким умом, что был первым, кто эти высокие науки, на долгое время отброшенные и упавшие в неизвестность, призвал к свету знания; с тех пор, возрастая, они поднялись до настоящей высоты»²¹.

Бруни, таким образом, не только высоко ценит культуру своего времени, но он видит поступательное развитие культуры, связывая его, в духе идей гражданского гуманизма, который он представлял, с городской свободой. Такое понимание культурного развития идет и от углубившейся связи Бруни с жизнью города, от его участия в управлении Флоренцией (с 1427 г. он канцлер республики).

Думается однако, что и в целом в итальянском гуманизме в 30-40-е гг. XV в. происходит некоторый сдвиг в отношении оценки современной культуры и эпохи. Во многом это связано с развитием самого гуманизма: его адепты заняты в это время уже не столько открытием древних кодексов, их перепиской и переводами, сколько осмыслением открытого богатства и его использованием в современной жизни. К тому же значительных успехов достигают в этот период изобразительные искусства и архитектура, дающие гуманистам аргументы в защиту своего времени. И, действительно, защита «современности» укрепляется и углубляется, наряду с культурой — главным аргументом в ее высокой оценке — появляются и другие.

О расцвете культуры и искусства пишут Бистиччи, Пальмиери, Манетти, Пикколомини, Ландино и др. Возрождение искусства начинают с Джотто, словесности — с Данте, Петрарки, Боккаччо (Бистиччи называет еще Салютати и Марсильи), а для Пальмиери при всей его высокой оценке Данте, Петрарки и Боккаччо, «отцом и украшением литературы» является Леонардо Бруни — «светоч латинского изящества»; Пикколомини развивает мысль о параллельном развитии искусства и литературы²².

Нарастает интерес к итальянскому языку. На нем пишут Альберти, Пальмиери, частично Бруни и др. Альберти в диалоге «О се-

²¹ *Leonardo Bruni Aretino. Humanistisch-philosophische Schriften* / Ed. H. Baron. Leipzig; Berlin, 1928. S. 64.

²² *Garin E. Il Rinascimento...* P. 71–72, 85. См. также: *Palmieri M. Vita...* P. 43–46; *Манетти Дж.* О достоинстве и превосходстве человека // *Итальянский гуманизм эпохи Возрождения.* Саратов, 1988. С. 13–14.

мье» защищает его достоинство. Он признает богатство и красоту латинского языка и не понимает, почему тосканский язык ненавидят до такой степени, что даже хорошо написанная на нем вещь не нравится. Говорят, замечает гуманист, что латинский язык одобряют все авторитетные люди, потому что на нем писали многие ученые; подобное произойдет и с итальянским языком, если ученые со всем старанием и усердием захотят его отделать и усовершенствовать²³.

Образцами поведения все более становятся современники. Задумывая свою «Гражданскую жизнь» и желая быть полезным своим согражданам, Пальмиери «решил не выдумывать воображаемые добродетели никогда не виданных на земле граждан, каковые измышлялись Платоном и другими благороднейшими умами как наделенные совершенной добродетелью и мудростью — они, их облик и фигура скорее нарисованы, чем когда-либо были видны во плоти». Он же решил показать «похвальную добродетель тех граждан, с которыми чаще всего шла жизнь и с которыми он сам мог бы жить на земле»²⁴. И он предлагает в качестве наставника молодежи старого и образованного гражданина Флоренции Аньоло Пандольфини.

Расцвет городов также становится серьезным аргументом в пользу положительной оценки своего времени. Именно о подъеме городов говорит в своей работе «Диалог о превосходстве людей своего времени» Бенедетто Аккольти, опровергая своего молодого собеседника. С обретением городами свободы после изгнания из Италии варваров и прекращения господства императоров происходит расширение и укрепление городов, что показано Аккольти на примере Флоренции и Венеции. Флоренция превратилась из маленького города в большое государство, она обрела кольцо стен, церкви, публичные и частные дома, пышный культ, законы; ее жители отличаются высокими моральными качествами, патриотизмом, мудростью, благочестием, умеренностью. Равно превозносится Аккольти и Венеция за ее постоянные законы и установления, за предпочтение в человеке добродетелей богатству; заслуживают высокой оценки венецианский сенат, военные победы республики на суше и на море, флот и др.²⁵ Э. Гарэн справедливо указывает на существование в итальянском гуманизме

²³ *Alberti L. B.* I primi tre libri della famiglia. Firenze, 1946. P. 233.

²⁴ *Palmieri M.* Vita... P. 7.

²⁵ *Garin E.* Il Rinascimento... P. 78–80.

идеи «идеального города»; идеальный город — это реальный итальянский город XV в., чуть-чуть приукрашенный гуманистами²⁶. В этом несомненное свидетельство высокой оценки гуманистами своего времени.

Возвышается и приукрашивается даже Рим с его особой судьбой и спецификой религиозного центра. Поджо Браччолини в трактате «Об изменчивости судьбы» оплакивает его утраченное величие. А Флавио Биондо осмысляет его роль по-иному. Он, конечно, понимал, что современный ему Рим отличается своим положением от древнего с его мощью и величием. Но он не из тех, кто презирает настоящий статус Рима и считает его ничтожным, «как если бы его слава совсем исчезла вместе с легионами, консулами, сенатом, капитолийским дворцом, украшениями. Живет, поистине, живет до сих пор славное величие города Рима и хотя распространено оно на меньшее пространство земли, но опирается на гораздо более твердое основание. Рим имеет власть над царствами и народами, для ее защиты и усиления не нужны легионы, когорты, турмы и манипулы, конники и пешие воины... Не проливается кровь для сохранения родины, не совершаются убийства. Но во имя Бога нашего и господина нашего Иисуса Христа, поистине, высшего, поистине, вечного императора в Риме установлены место, крепость и убежище для религии... теперь большая часть мира почитает римское имя в сладостном подчинении более, чем некогда обычно боялись сего»²⁷. Итак, не военное господство Рима — центра великой державы, а его господство над душами людей как центра христианской религии дает славу городу. Но, думается, не только поэтому назвал Биондо свою работу «Восстановленный Рим». С огромной тщательностью и любовью описывает гуманист все постройки древнего города, восхищается величием и красотой сохранившихся зданий, искусно построенными акведуками. Он восстанавливает Рим в памяти людей. Но он называет еще новые постройки и здания, реставрированные папами²⁸. Тем самым он устанавливает связь с древней куль-

²⁶ *Garin E.* Scienza e vita civile nel Rinascimento italiano. Bari, 1965. P. 41–42.

²⁷ *Blondi Flavii De Roma triumphante libri X. Romae instauratae libri III.* Basileae, 1559. P. 271.

²⁸ *Ibid.* P. 227–228.

турой Рима, утверждая не только разрыв (специфика нового Рима), но и преемственность культуры.

Новая, средневековая слава Рима была для гуманистов серьезным доводом при защите современности. Если ко всему сказанному добавить еще понимание Альберти высоких возможностей книгопечатания (в Германии за сто дней три человека изготовили более двухсот экземпляров книг)²⁹ и оценку Марсилио Фичино своего времени как золотого века³⁰, основные аргументы гуманистов в защиту современности будут, пожалуй, налицо.

Итак, эпоха в лице своих передовых мыслителей вняла завету Салютати. Гуманисты оценили свое время, увидели в нем расцвет наук и искусств, подъем городов. Вместе с Пальмиери они могли бы с гордостью заявить: «...(Всякий) разумный человек признает, что быть рожденным в эти времена, когда выдающиеся искусства ума процветают более, чем за все предшествующее тысячелетие, — привилегия, уступленная Богом»³¹. Положительная оценка гуманистами своего времени, их стремление выделить его, показать его особенности по сравнению с предшествующими веками способствовали в конечном счете развитию исторического сознания.

В. Г. Безрогов

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛЬНОГО ОПЫТА В АВТОБИОГРАФИИ

В конце 1970-х гг., в 1976–1977 гг., произошли два весьма любопытных события. На первый взгляд, они были не связаны друг с другом, однако, если присмотреться...

В 1976 г. в России выходит первый том знаменитого указателя «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», ориентированного на объективное знание, содержащееся в воспоминаниях, которое должно быть вычленено и отделено от субъективно-

²⁹ *Garin E. Il Rinascimento...* P. 86.

³⁰ См. перевод письма Фичино и статью о нем О. Ф. Кудрявцева в кн.: *Средние века*. Вып. 43. М., 1980. С. 320–327.

³¹ *Palmieri M. Vita....* P. 44–45.

го. В 1977 г. в Лондоне издана книга Л. Стоуна «Семья, пол и брак в Англии 1500–1800 гг.» Вот что он говорит в ней об автобиографии как об историческом источнике:

«Автобиографии — особенно подозрительные формы свидетельства. Частью потому, что некоторые стараются копировать стереотипные модели прошлого — Августина, Плутарха, Сенеку или Марка Аврелия; в то время как другие уже развили новые стереотипы, подобно квакерской модели. Частью потому, что автобиографии очень часто избирательны в своих сообщениях — их пишут с целью представить автора в благоприятном свете в глазах потомства и дать определенный полезный нравственный урок (совет) при уходе из этого мира. Частью потому, что в силу своей непринужденности и интимности, как «Исповедь» Руссо или «Мемуары» Казановы, они часто основаны на сознательной выдумке или на стремлении сыграть определенную роль. Они могут быть поразительно откровенны в повествовании, но только там, где изложение не противоречит внутренним мотивам рассказа. Сверх того, каждый автобиограф немного психологический чудак... Какими бы эгоистами ни были автобиографы, для историка они ценны тонкостью своего восприятия и одержимостью предоставить точные детали о себе. Они дают уникальное откровение о своем внутреннем опыте, который, как они думают (правильно или неправильно), влияет на течение (форму; формовку) их жизни»¹. Спор между критиками и ценителями автобиографий продолжается до сих пор. Равно как и спор о том, является ли автобиография историческим источником и, если является, о чем она может рассказать.

Если мы посмотрим в перспективе выводов Стоуна на последнее двадцатилетие, то увидим, что очень много говорится о постмодернистском сближении текста, выходящего из-под пера историка, с текстом, сочиняемым литератором. Проблема художественности исторического сочинения вновь оказывается на повестке дня². В связи с этим все более персонализируются как труд историка, так и те «предметы», которые он исследует. Тенденция к их персонализации ярко

¹ Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800. London, 1977. P. 12.

² White H. The Historical Text As Literary Artefact // White H. Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. Baltimore, 1982. P. 80–99.

видна и в обсуждениях соотношения микро- и макроначал в истории, и в общем интересе к индивидуальному и «частному» в ней.

На таком фоне особенно своевременным выглядит тот мировой интерес к автобиографии и автобиографическому, который налицо как в современном литературоведении, так и в социологии, как в педагогике, так и в психологии, как в этнологии, так и в культурологии. Всеми этими науками, равно как и историей, автобиография и автобиографическое (автобиографизм) рассматривается, с одной стороны, как область (предмет) репрезентации какого-то опыта или сообщения и одновременно изучения репрезентации опыта, так и, с другой стороны, как метод такой репрезентации и такого изучения. Можно изучать автобиографию как таковую, а можно изучать автобиографическую составляющую или автобиографические фрагменты источника, который было бы затруднительно назвать автобиографией. Можно изучать автобиографический дискурс, а можно — элементы автобиографизма и способ их использования в текстах иного рода и характера.

Известно, что ни один человек не может существовать как человек без наличия в нем актуальной автобиографической памяти. На ее основе он осознает себя, представляет, что он есть сейчас и чем он может быть в будущем, строя личностную перспективу с опорой на зафиксированный в сознании автобиографический опыт и вытекающее из него понимание самого себя и своих возможностей. Можно сказать, что человек всю жизнь познает только самого себя и пишет только свою собственную автобиографию. Сознание и память неразрывно связаны. В принципе любой текст, порожденный той или иной культурой, автобиографичен. Он составлен и продуман определенным человеком, который отталкивается от своей собственной персональной ситуации. И даже если текст говорит совершенно не о том человеке, который его зафиксировал, он все же обязательно говорит и о нем.

Таким образом, историк всегда оказывается перед автобиографическим текстом. Он всегда вынужден работать в сообществе с «авторами» источников, как бы он к ним ни относился. Сохраненные временем записки любого «господина Бобчинского» делают его известным императору «Петербурга истории», пусть и не по имени³.

³ Уваров П. Ю. Апокатастасис, или Основной инстинкт историка // Историк в поиске: Микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999. С. 184–206.

На мой взгляд, проблему автобиографизма исторических источников лучше рассматривать на основе более или менее ясного представления о собственно автобиографиях в узком смысле этого слова, о природе их как особого рода текстов, о сообщаемых ими возможностях и о существующих в их среде пределах познания. Оттолкнувшись от нуклеарного понятия, мы сможем наращивать на него познание близких к автобиографиям иных форм. В последнее время очень проблематизировалось отношение историков, культурологов, литературоведов, социологов к автобиографии, чьи границы как вида текста и типа представления материала сильно размыты, а в некоторых случаях и вовсе прозрачны. Поэтому свою статью я и посвящаю вопросу, который можно сформулировать традиционно — «автобиография и историк».

История термина.

Сам термин «авто-био-графия» возник на рубеже XVIII и XIX вв. Честь его изобретения оспаривают немцы и англичане. У истоков впоследствии устоявшегося термина находились такие варианты как *Selbstbiographie*, *Selbsterinnerung*, *Selbstdarstellung*, *Selbsterzeugnisse*, *self-biography*, *self-character*. Впервые термин *Selbstbiographie* появляется в 1791 г., а слово «автобиография» — в 1797 г. в журнальной рецензии, в авторской работе — снова пока в журнальной статье — термин «автобиография» появляется в 1809 г., а с 1820-х – 1830-х гг. становится очень популярен для книжных титулов.

Отсутствие термина в предшествующие эпохи не означает, однако, того, что до начала XIX в. не существовало автобиографии и автобиографического жанра. Процесс развития автобиографического сознания протянулся во времени на несколько тысячелетий. Каждая эпоха отмечена своими, нередко противоположными другим эпохам, особенностями автобиографического жанра. История развития автобиографии как «рассказа о персональном опыте»⁴ не столь легко может быть прописана даже в самых общих чертах в связи с тем, что само наполнение рассматриваемого понятия противоречиво, достаточно загадочно и проблематично. Включаем ли мы в эту историю развитие жанра исповеди? а дневники? мемуары? жития святых или

⁴ См.: *Amelang J. S. Vox populi: popular autobiographies as sources for early modern urban history // Urban History. Vol. 20. 1993. P. 30–42.*

современные интервью, записанные чужими людьми со слов рассказчика? отрывки автобиографического порядка, вкрапленные в другие тексты? романы, где действие происходит «от первого лица»? «романы воспитания», где автор выводит взрослеющего и проходящего через испытания социализации ребенка, видя в нем свое детство? Может ли быть названа автобиографией хвалебная надпись древневосточного монарха, вырубленная в скале или на стеле и повествующая о его подвигах, незабвенных в памяти благодарных потомков? Что делать с лирическими стихотворениями, рассказывающими о прошлом поэта? А с такими же стихотворениями, повествующими о его настоящем? Можно ли отнести к рассматриваемому направлению устные рассказы о себе, своей жизни в целом или ее отдельных эпизодах, рассказы, существовавшие на разных этапах истории и время от времени переходившие из устной в письменную форму? Такие и им подобные вопросы оказывают очень серьезное воздействие на каждого, кто бы ни захотел охватить взором всю историю автобиографического в человеческой культуре.

Ярким сторонником суперрасширительного толкования автобиографического жанра является Г. Миш, предпринявший гигантскую работу по составлению наиболее подробной «истории автобиографии». Результат его незавершенной работы — восьмитомное издание, охватывающее период с древнейших времен по XVIII в.⁵ Многочисленные сторонники суперограничительного подхода сводят историю автобиографии лишь к последними двумя веками. Их точка зрения связана не только с тем, что до начала XIX в. не было самого термина «автобиография», но и прежде всего с тем, что, начиная с периода сентиментализма и романтизма, кардинально изменяется сам характер рассказов о себе, появляется «истинная автобиографичность», связанная с рождением во второй половине XVIII в. «развитого личностного начала». В центр повествования как бы встает индивид как таковой, его непрерывная личность во всех ее проявлениях, а не соответствие этой личности абстрактной модели нравственного и социального идеала, как нередко бывало вполне открыто в более ранних текстах, и не дискретность полулетописного изложения отдельных происшествий, связанных с автором, что также нередко встречалось в предыду-

⁵ *Misch G. Geschichte der Autobiographie. 3. Aufl. Berlin, 1949—1969.*

щие эпохи. Несмотря на весьма относительное соответствие автобиографии начала XIX в. провозглашенному принципу целостной персонализации, сторонники ригористического подхода к истории автобиографии настаивают на ограничении ее двумя последними веками, в пределах которых и можно проводить, с их точки зрения, все исследования автобиографии как самостоятельного явления литературы, истории, культуры.

Не вдаваясь в полемику по данному поводу (что есть история автобиографии, а что — ее предыстория), кратко — для ориентации — укажем те основные тексты, каковые обычно приводятся при описании исторического развития «рассказов о себе».

От египтян и хеттов — к псевдоавтобиографиям нашего времени.

Корни автобиографии уходят в очень глубокую древность. Если считать, что автобиография напрямую связана с самосознанием человеческой личности, то своеобразие автобиографических текстов того или иного исторического периода вытекает из ответа на вопрос, какое самосознание присутствует в рассматриваемом обществе и эпохе. В ответе на слово «какое» заключается, по сути, вся история автобиографического с древнейших времен до наших дней.

В самом широком смысле можно сказать, что автобиографическое в истории культуры начинается с появления в человеческой речи понятия «Я». Именно с его помощью человек стал выражать свой персональный опыт и передавать коллективный в рассказах о себе⁶. Автобиографическое далеко не всегда выражало противостояние миру в своей уникальности. Так, например, в древности, в средние века и даже в раннее Новое время автобиография нередко составлялась не для того, чтобы выделиться, но для того, чтобы вписаться. Большинство «свидетельств о себе» в то время (и некоторые — не столь явно — и до сих пор) направлено на легитимацию социо-культурного статуса личности и ее восприятия окружением. Автор вписывает себя в определенные нормативы того или иного социума, культуры, эпохи, религии и т.д. Это *вписывание себя в нормативный контекст* для отдаленных времен было важнее в творчестве автобиографов, чем рас-

⁶ Первоначально как части вселенной или космического целого, затем как части рода или корпорации, далее как индивида, обладающего уникальным опытом.

сказ о неповторимых и неповторяемых личностных чертах. Даже еще в XVIII в. активно использовались коды библейских парадигм или характерология античного автора Феофраста (371–287 гг. до н. э.)⁷. Таким образом, автобиография — это не только ответ на призыв «пишите себя», но и самоотчет о своем «служебном соответствии» должностным обязанностям человека на том месте, на котором оказался автор «рассказа о себе». Но в любом случае автобиографизм есть способ порождения текста, центрирующегося на Я и на персональном опыте и свидетельстве. Независимо от того, выдерживается ли направление от общего (норма, идеал) к частному (персона) или, наоборот, начинается главенствовать движение от Я к миру.

Многие считают, что непосредственный источник автобиографии — исповедь. Действительно, в автобиографии много исповедального, хотя, например, и мемуарный источник тоже может претендовать на роль предшественника и прародителя автобиографии.

Среди исповедей подлинным шедевром светится «Исповедь» Св.Августина, написанная в 397–401 гг. Очень часто в общих работах именно от нее начинают историю автобиографического жанра в письменной культуре. Исповедь состоит из тринадцати книг, первые четыре повествуют о первых двадцати восьми годах жизни автора, вторые пять — об очень важных четырех годах, связанных с обращением в истинную веру, и последние четыре не имеют никакой хронологии, в них обсуждаются различные аспекты веры, к которой пришел Августин.

Сочинение Августина не было написано в конце жизни. После «Исповеди» он жил еще почти тридцать лет. В данном сочинении он собрал и интерпретировал свое прошлое с целью, прежде всего, воспитания себя и самоотчета перед вступлением в должность епископа, а, кроме того, с целью сделать из своей жизни интерпретацию личного душевного опыта в процессе трудного странствования к истинному Богу. Интерпретацию для других, таких же страждущих. На первый взгляд, при чтении «Исповеди» возникает ощущение, что главный собеседник Августина — Бог, перед которым он кается и анализирует всю свою прежнюю, во многом греховную и отброшенную теперь прочь жизнь. Однако разговор этот происходит в присутствии аудито-

⁷ Феофраст. Характеры. Л., 1974.

рии. Это своего рода публичная исповедь, и главный адресат — земной и смертный человек, сталкивающийся с аналогичными проблемами. Впервые в столь четкой форме в письменной культуре выражен феномен исповеди (фактически публичной, подобно публичным исповедям, принятым в раннехристианской церкви), исповеди, ставшей из-за своей публичности средством понимания многих общих проблем через понимание индивидуального опыта аудитории Августина (и до того самим автором, но это было возможно и без публичности «выхода в текст»).

Августин основал традицию воспитательного и терапевтического воздействия автобиографии, продолженную впоследствии в средние века⁸. Через описание Августин осуществлял самоизлечение, испытывая катарсис при вспоминании, переоценке, реинтерпретации личностных драм. Ушедшая в прошлое личная история выступила средством нахождения смысла для настоящего, средством приобретения чувства осмысленности того, к чему Августин пришел и во что он глубоко верил. Автобиография стала терапией в осмыслении реальности, в которую помещен пишущий, а также средством самосовершенствования. В таком случае необходимо достаточно аккуратное изображение того, что происходило (прежде всего, в душе). Это изображение может быть предельно выборочным — по эпизодам, но предельно искренним — по подробности описания и анализа самих отобранных эпизодов (как симптомов болезни или выздоровления). Предмет «Исповеди» — трудное путешествие души. Результат — очищение в вере. Мотив «очищения» как мотив повествования может быть очень полезен историку, поскольку, очищаясь, человек вынужден рассказывать даже самое сокровенное. От исповеди тянется одна из линий развития автобиографического жанра.

Другая линия представлена мемуарами. Перечень выдающихся мемуаристов можно было бы приводить довольно долго. Они наравне с авторами исповедей вздымаются как утесы над равнинным течением «прото-автобиографической традиции» сквозь массу иных текстов и обстоятельств. Определяющим образом на ее течении сказывается атмосфера той или иной исторической эпохи. Возьмем для примера

⁸ *Ferguson C. D. Autobiography as Therapy: Guibert, Peter Abelard, and the Making of Medieval Autobiography // Journal of Medieval and Renaissance Studies. Vol. 13. 1983. P. 187–212.*

Францию XVII в. как классическую страну мемуаров. Там уже налицо довольно большое количество текстов, которые можно назвать автобиографическими, в отличие от эпохи Средневековья и Возрождения⁹. Светская автобиография по преимуществу прячется под маской мемуаров. Воспоминания представляли в глазах современников в качестве памятной записки в некий «департамент истории» («Мемуар» в единственном числе — памятная записка о чем-либо). Цель «мемуаров» — вписать свою жизнь в историю. Автор в своих воспоминаниях изображал не свою жизнь, а то историческое пространство, которое было ему доступно. Мемуары XVII в., таким образом, личностны, но не интимны. Степень их личностности, индивидуальности сообщаемой информации зависела от того, насколько жизнь того или иного человека соприкасалась с тем, что в те времена считалось историей. Чем выше был человек на социальной лестнице, тем более личностны становились его мемуары. Самый «личностный» текст принадлежал королеве, чья жизнь не имела границ между частной не-историей и публичной историей. Чем дальше стоял человек от «истории», тем проблематичнее становилась «личностность» его воспоминаний о прошлом, тем более он был склонен умалчивать факты о браке, детях и т. п. С другой стороны, именно включение событий в воспоминания, в мемуары придавало им статус исторических. Из фактов персональной жизни они трансформировались в факты истории. Последними они могли стать только «выйдя» к публике, явившись в устной или письменной речи автора. Отбор фактов для письменного сочинения о прошедших годах жизни происходил до начала работы, нередко в процессе обсуждения с другими людьми. Иным, по сравнению с нынешним, было и отношение к самому процессу вспоминания. Между прошлым и настоящим не ощущалось качественного разрыва, поэтому не в ходу была формула «я помню». Между тем, что помнят, и тем, что забыто, — пропасть. Второго просто не существует, поскольку помнят все (естественно, что достойно такого увековечивания, а то, что не достойно, как бы не существует; человек без памяти — практи-

⁹ Выводы по Франции XVII в. основаны на устном выступлении М.С. Неклюдовой «Воспоминания и память во французской мемуарной литературе XVII в.», состоявшемся 22 декабря 1999 г. на Лотмановских чтениях в РГГУ (Москва). Приношу искреннюю благодарность автору за любезное разрешение использовать ее материал.

чески не человек). Написанные мемуары становятся опорой для памяти (а не наоборот). Память воспринималась как физическая способность тела, поэтому так гордились воспоминаниями о любовных приключениях — они свидетельствовали и о силе тела, и о силе памяти. Наряду с подробностями такого рода налицо отсутствие эмоций, объективированный стиль воспоминаний. Память чувств еще не имела своего языка, эмоциональным шагом был сам факт составления воспоминаний. Написание их являлось эмоциональным жестом, поскольку эмоциональная память выражалась в самой процедуре писания текста. Таково было отношение к воспоминаниям во французском обществе XVII в. Очень непохожее на современную культурную ситуацию и, может быть, в чем-то похожее на отношение к воспоминаниям в России в XVIII–XIX вв.

Особое место в процессе становлении автобиографических традиций занимают духовные автобиографии представителей различных протестантских движений, более активно, чем католики и православные, занимавшихся процессом вербализации самопознания и самоузнавания. Этому способствовала общая направленность протестантского рассудка на анализ своей многотрудной земной жизни как воплощения и подтверждения положительного и спасительного внимания к ней Бога. Выражение этого внимания искалось не в отвержении фактов материального земного существования, а в соответствующей интерпретации их — от периода детства и далее. В этой интерпретации был очень важен *опыт обращения* и в свете его — исповедание в грехах и обретение истинного Руководителя в строительстве новой, духовной — но в этом мире — жизни. Духовные автобиографии строились по следующей схеме: пробуждение (с помощью различного рода проявления внимания Бога на ранних этапах жизни главного героя) — обращение — служение. Эта схема создавала унифицированную версию отдельной жизни, которую становилось возможным тиражировать в образцах поведения других людей. Индивидуальная жизнь становится моделью для назидания членов общины. Развитое индивидуальное начало подчинялось религиозному движению и духу коммуны. Во внутриобщинной жизни рассказы о персональном опыте выдающихся в духовном отношении собратьев тщательно собираются и обрабатываются как образцы для поведения и образцы для организации внутренней жизни каждого из их слушателей. Духовный (авто) био-

графический опыт сплавивает. Это не просто исповедь, поскольку такая автобиография не только оценочна, но и назидательная и модельна. В духовной автобиографии индивидуальный опыт парадоксальным образом перерабатывается и перестает быть индивидуальным, становясь всеобщим и для всех желательным. Нередки бывали случаи, когда подобные тексты составлялись как бы «комиссией» духовных братьев, придающих надиктованному «товарный вид». Духовная автобиография демонстрирует попытки поместить чью-то жизнь в предписанные образцы и дать ей законченность в борьбе человека за придание авторитета своей версии самого себя. Этот вид ранних автобиографий проверил и «отработал» соединение наличного материала и идеальной его формы, показывая возможности и методы переработки первого во вторую. Процедура создания образцового прошлого в дальнейшем переходит и в мирские автобиографии.

Просвещение, сентиментализм и романтизм оказались переломным моментом в истории автобиографии, началом эпохи Нового Автобиографизма. XIX в. стал временем зарождения классических форм автобиографии. XX же век породил много причудливых форм автобиографического дискурса, которые подчас точнее было бы называть псевдо-, квази- и даже анти-автобиографиями. Современное отношение в культуре к автобиографизму сформулировано недавно таким образом: «Я могу написать все, что хочу, и назвать это автобиографией (или не автобиографией, а романом или текстом), и это и будет автобиографией (а если и нет, то это не имеет значения)»¹⁰. Есть «автобиографии», полностью выдуманные их составителями, а есть настоящие воспоминания, скрытые под совершенно неавтобиографическим названием. Есть «автобиографии в автобиографии», когда автор делает предметом рассмотрения себя, пишущего автобиографию. Есть воспоминания, представляющие собой как бы «разрезанную» и перемешанную с другими текстами автобиографию. Потеряна грань между листом и рассказом, ибо возникают целые архивы аудио- и видеозаписей, из которых время от времени извлекаются некоторые воспоминания и публикуются в книжной форме. Теряется грань между автобиографом и публикой, поскольку в отличие от «классических» времен

¹⁰ Руус Й. П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад, к основам автобиографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. СПб., 1997. С. 8.

автобиографии, когда все же не все занимались данным благородным делом и все же еще существовала некоторая грань между племенем автобиографов и остальными, теперь (и чем дальше, тем больше) никакой такой грани нет. Автобиографом становится любой человек, по своему желанию или даже не вполне по своему желанию, но по просьбе или необходимости. Можно сказать, что степень автобиографичности нынешнего времени чрезвычайно велика (что не означает, однако, столь же большой индивидуализированности текстов, поскольку на их фоне усиливается влияние культурных стереотипов)¹¹. Подобная ситуация взрыва популярности автобиографий вызывает активные методологические размышления у тех, кто так или иначе связан с изучением «рассказов о себе», равно как и расширение состава исследователей автобиографического в культуре.

Определение термина

Наиболее утвердившееся в современной гуманитарной науке определение автобиографии принадлежит французскому исследователю Ф. Лежену, который еще в 1975 г. в книге «Автобиографический пакт» охарактеризовал автобиографию как *«ретроспективный прозаический рассказ реально существующего человека о своей жизни с упором на ее индивидуальные особенности и на историю своей личности»*¹². Из этого определения полностью убраны оценочные суждения по отношению к значимости автобиографии в индивидуальной и коллективной жизни, в истории и в литературе, в социологии и в педагогике. Подобные оценочные суждения встречаются, например, в определениях Р. Паскаля, который в 1960 г. писал, что автобиография есть сообщение о той «иллюзии» о своей жизни, которая имеется у автора как часть собственного образа, часть «идеи себя», и что главное ее назначение — поиск духовной идентичности личности¹³.

В работе 1986 г. Лежен заметил, что термин «автобиография» охватывает «любой текст, подчиняющийся автобиографическому соглашению (пакту), где автор предлагает читателю рассуждение о себе; но также и особую версию этого рассуждения, в которой автор задается вопросом «Кто есть Я?» при помощи рассказа «Как Я стал таким,

¹¹ См.: Биографический метод в социологии. М., 1994.

¹² Цит. по: Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. № 1 (2). 1992. Р. 124.

¹³ Pascal R. Design and Truth in Autobiography. London, 1960.

кто Я есть». В данную категорию Лежен стал впоследствии включать даже и повседневно рассказываемые истории о жизни, в которых с помощью голоса осуществляется нечто аналогичное работе пером.

Попытка внести в определение кардинальную для историка и социолога проблему соотношения автобиографии с «реальной действительной жизнью», находящейся за пределами текстовой репрезентации, предпринята в самое последнее время. Ее авторы характеризуют автобиографии как «нарративы о практиках, ориентированные на сущностную реальность и истину, где истина рассматривается с уникальной позиции автора, который одновременно и является рассказчиком, и рассматривает себя в качестве такового»¹⁴.

Остановимся пока на этих кратких определениях.

Историография автобиографии

В переведенном на русский язык докладе В. Хубача на конгрессе историков 1970 г. охарактеризована полемика вокруг статуса автобиографии и возможностей ее применения, начавшаяся в конце XIX века. В своем изложении Хубач останавливается на 1950-х гг. В целом период с конца XIX в. по середину XX в. прошел под эгидой сначала рождения представления о важности автобиографической идеи (это рождение произведено философами и развито их последователями-историками на самом рубеже XIX и XX вв.), а затем критического «унасекомливания» автобиографии строгим научным сообществом историков и в то же время отчаянных попыток все же сохранить ее лицо, заявить о ценности содержащихся в автобиографиях материалов.

В. Дильтей (1833–1911 гг.) стоял у истоков «автобиографического импульса», данного гуманитарным наукам для зарождения в их среде интереса к исследованию автобиографий. От его наследия отталкиваются все последующие работы, начиная с многотомной «Истории автобиографии» Г. Миша и кончая самыми последними постмодернистскими публикациями. Охарактеризуем некоторые позиции в концепции Дильтея, не прописанные в тексте доклада Хубача. Пережитый каждым человеком опыт и история, «переживание» длящейся жизни и автобиография — такие категории являлись для общечеловеческой концепции Дильтея не маргинальными, но кардиналь-

¹⁴ Руус Й. П. Указ. соч. С. 10.

ными. Опыт жизни в его составных частях соединяется в сознании и воплощается в автобиографии, придавая жизни целостность, а воспоминанию — эффект присутствия. Пережитое как малое единство в автобиографии соединяет текущую жизнь и переживаемое в ней в единый поток, связанный общим смыслом. Это единство не нарушается, несмотря на непрерывное изменение содержания переживания. Автобиография выступает «непосредственным выражением осмысления жизни», «наиболее инструктивной формой, в которой нам представлено понимание жизни»¹⁵. Именно автобиография может создать особенно близкие условия для понимания человеческой жизни, поскольку тот, кто предпринимает такую попытку, идентичен тому, кто создал=прожил этот жизненный путь. Дильтей считал жизнь индивида и ее осмысление основой и условием, определяющими возможность исторического видения. Автобиография, таким образом, — первая ступень в исторической науке, в процедуре познания истории. Великий историк способен размыть границу между основанным на автобиографическом сознании (и самоанализе) образом Я и бытием чужих людей. Автобиография — высшая ступень понимания собственной жизни и первая ступень в формировании научного исторического мышления. Для историков она, таким образом, несомненный источник — как собственная (по Дильтею, прежде всего собственная), так и чужая. Автобиография есть предпосылка к пониманию другого, жизнь которого историзируется по модели историзации собственной личной истории. Ему вторит А. Златар: «История собственной жизни является моделью как для истории чьей-то чужой жизни, так и для универсальной истории мира»¹⁶. Концепция Дильтея оказала значительное влияние на историографию, но вызвала и негативное движение после постигнутого историками разочарования в возможности прямого использования автобиографии как «зеркально отражающего реальность источника».

Автобиография XIX в. развивалась столь бурно, что научная рефлексия на это понятие в следующем столетии поначалу опиралась

¹⁵ *Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. 7. Stuttgart; Tübingen, 1973. S. 191–227.* Такое понимание автобиографии сформулировано Дильтеем в 1907–1910 гг.

¹⁶ *Златар А. Автобиография глазами исследователей Средневековья // Автоинтерпретация. СПб., 1998. С. 44.*

только на сложившуюся именно в XIX в. модель автобиографического повествования, впоследствии обогащенную веком двадцатым. Для XIX в. основным назначением автобиографии было представить материал для понимания сущности человеческого характера, для использования автобиографических элементов чужих повествований в построении собственных жизненных стратегий читающего. Сложившаяся к середине XIX в. «реалистическая позиция» определила *психологизацию* автобиографии на уровне ее диалога с повседневным сознанием читателя и *романизацию* через определение автобиографа как писателя. Автобиография как связанное непротиворечивое повествование о собственном личностном, преимущественно внутреннем развитии и внутреннем же опыте, соединяющее в одном тексте автора и независимое от него историческое свидетельство, приобретает черты литературного жанра. Такая картина определяет и отношение к прошлому автобиографии, которое видится многим только как робкие, колеблющиеся в своей нерешительности и «детскости» подступы к тому, что станет обычным в конце XVIII, XIX и начале XX в., т.е. к выражению в автобиографии автономной индивидуальности.

Положение начинает меняться с середины XX в. Английские, немецкие, французские, американские исследователи, равно как и ученые некоторых других стран, начинают активно разрабатывать историю жанра авторского жизнеописания в разные исторические эпохи. Они используют самые разнообразные подходы к этим «эго-документам» или «свидетельствам о себе». Прежде всего, автобиографии рассматриваются гораздо шире, чем литературный жанр, т.е. они предстают не только фактом истории литературы и истории идей, но и психологическим документом, материалом по политической, социальной, культурной истории — как письменной, так и устной, источником для лингвистических, этнографических, социологических, педагогических и других исследований.

В этой внелитературоведческой традиции основу изучения автобиографий в широком историко-культурном аспекте заложил уже упоминавшийся нами Георг Миш. Его многотомная «История автобиографии» доведена лишь до конца XVIII в. и осталась незаконченной. Хотя Миш определил необычайно широкие хронологические рамки жанра «рассказов о себе и своей жизни», начав свою работу с автобиографических текстов Древнего Востока, однако основной объ-

ем публикаций на эту тему до сих пор все же ограничивается исследованием автобиографий последних двух столетий, поскольку, как я уже сказал, теории автобиографии как вида текстуального осмысления персональных историй были созданы именно на материалах этого времени и в основу определения автобиографии легло представление о фокусированности ее на развитие личностной индивидуальности и уникальности (т.е. личностного самосознания, характерного для позднего модерна). Даже автобиографий XVIII в. сравнительно мало исследовались, поскольку их воспринимают нередко как «предысторию», как сочинения, не удовлетворяющие традиционным критериям автобиографического жанра, выражающего независимую личность, способную к цельному и подробному самоописанию и саморефлексии.

Время, начавшееся в 1950-х гг. и продолжающееся до сих пор, явилось в гуманитарных науках периодом постепенного реванша, закончившимся текущим в настоящий момент «автобиографическим бумом», оттеснившим предшествующие методологические увлечения. Самые последние годы, утверждает Х. Розен в книге «Говорящая память: исследование автобиографического дискурса», налицо взрыв интереса к автобиографии со стороны литературоведов, психологов, культурологов, историков, антропологов, социолингвистов и феминистов, настолько же сильный, как некоторое время до того интерес к нарративу¹⁷.

Мы уже говорили, что термин «автобиография» состоит из трех корней. Исследователи развития автобиографического в истории культуры считают, что разные эпохи придавали особый акцент тому или другому элементу указанной триады. Античность и Средневековье в формуле «я описываю свою жизнь» делают упор на «жизнь», Ренессанс и Просвещение — на «я» (=автор), а современная автобиография — на «описываю», на саму процедуру выражения и организации сообщения. Соответственно и исследовательский интерес прошел те же стадии: 50–60-е гг. в центр внимания помещают понятие *bios*, жизнь как предмет описания; конец 60-х–70-х гг. в центр внимания ставят «я», субъект описания; с конца 1970-х гг. и по сегодня основное внимание уделяется процессу автобиографического описания. В 70-е

¹⁷ *Rosen H. Speaking from Memory: A guide to autobiographical acts and practices. London, 1998. P. 10.*

же годы ушла в прошлое идея о цельности автобиографического жанра, об однозначности того места в культуре, которое он занимает. Возникли различные типологии и классификации автобиографических стратегий, форм, событий, способов маркировки и фиксации событий в памяти.

1950-е гг. прошли под знаком работ Г. Гусдорфа, как раз и исследовавшего в первую очередь «трансформации опыта в литературе»¹⁸. Разнообразие жизни влияет на разнообразие форм — исповедальных или апологетических. С точки зрения Гусдорфа, именно разнообразие опыта в принципе есть причина формального отличия одной автобиографии от другой. Автобиография описывает жизнь, которая происходила до факта своего описания. Автор, будучи одновременно и героем рассказа, «хочет осветить прошлое таким образом, чтобы выявить себя во времени»¹⁹. Он живет в иллюзии «объективности» описания своей жизненной истории. Гусдорф отделяет автобиографию от историографии. Описывая себя так, как он видит предмет описания, автобиограф недалеко отошел от романиста, причем романиста, сочиняющего просветительское по своему характеру произведение.

Несмотря на популярность работы Миша, основное внимание и в 1950-е, и в 1960-е гг. уделяется автобиографиям XIX–XX вв. У. Шумейкер писал, что лишь в XIX в. начинается «вербализация своего Я», а период 1600–1800 гг. есть «время рождения автобиографии современного типа». Даже в большинстве текстов XVIII в. нет еще такой концепции Я, которая обуславливает существование автобиографии²⁰.

Р. Паскаль считает, что как жанр автобиографическая традиция рождается в самом конце XVIII в. Он определяет классический век автобиографий, золотое время заложенных в дальнейшую традицию образцов, как период от «Исповеди» Руссо и до «Поэзии и Правды» Гете. Гиббон и Франклин знаменуют, с его точки зрения, начало автобиографии потому, что они видят в себе динамические, развивающие-

¹⁸ *Gusdorf G. La découverte du soi. Paris, 1948; Idem. Mémoire et personne. Paris, 1950.*

¹⁹ *Знахар А. Указ. соч. С. 43.*

²⁰ *Shumaker W. English Autobiography: Its Emergence, Materials, and Form. Berkeley, 1954.*

ся неврожденные качества, глубиннейшую личностность, рассматривают свои жизненные истории как развертывающуюся из рассказчика реальность, поскольку центром интереса выступает уже именно сам человек, а не окружающий его мир.

Вне паскалевского определения оказываются многие произведения, которые не следуют постромантическим принципам центральности и уникальности человека, ценности любого его проявления. К из изучению в то время обращались немногие, в первую очередь Д. Морриса, который проследил связь между духовными автобиографиями XVII в., чувствительностью XVIII в., Вордсвортом, творившим на рубеже XVIII и XIX вв., и Миллем, писавшим в середине XIX в. Моррис выдвигал на первый план развитие в автобиографиях самоанализа и способности человека выносить и вербализовывать суждения о самом себе²¹.

Современные теории автобиографии так или иначе опираются на концепцию Ф. Лежена, поэтому излагая взгляды на автобиографические тексты современных исследователей я остановлюсь на ней более подробно. Начав с литературоведения, Лежен в дальнейшем перешагнул профессиональные рамки и построил междисциплинарную теорию²². Лежен начинал с того, что письменная фиксация автобиографии есть свидетельство обязательной индивидуализации и отделенности автора от окружающего его социального и культурного мира, что видно из первого определения автобиографии, данного им в 1975 г. Впоследствии он отошел от жесткости этой позиции. В науке же подобная традиция продолжалась. Д. Старрок в книге «Язык автобиографии» подчеркивает, что моментом, объединяющим все автобиографии любых времен, является маркированное отделение автором себя от других как индивида, чья собственная жизнь и чей собственный опыт осуществляют подобное отделение. Из людской анонимизированной недифференцированной массы, членам которой, как предполагается, нечего сказать, выходит (поднимается?) «автобиографиче-

²¹ *Morris J. N. Versions of the Self: Studies in English Autobiography from John Bunyan to John Stuart Mill. New York, 1966.*

²² *Lejeune Ph. L'Autobiographie en France. Paris, 1971; Idem. Le Pacte Autobiographique. Paris, 1975; Idem. Lire Leiris. Paris, 1975; Idem. Je Suis un Autre. Paris, 1980; Idem. Moi Aussi. Paris, 1986.*

ский герой», который ради этого выхода рвет то, что связывает его с массой, разрушает свою «прилепленность» к ней²³.

Лежен сумел выйти на более широкую дорогу в классификации того, что относится к автобиографиям. Он сам писал, что если около 1972 г. интересовался еще лишь исключительно шедеврами автобиографического жанра, то спустя более чем десятилетие «демократизировался»: ему стала интересна любая жизнь, пусть даже и обличенная в изложение самым простым слогом. Автобиография для Лежена стала прежде всего социальным фактом, отражающим социальную практику. Каждый автобиографический текст есть пункт на линии истории социально обусловленного дискурса, истории выражения постоянно меняющихся и отличных от эпохи к эпохе социальных практик.

Работы Лежена интересны не только тем, что он сделал очень много для систематизации знаний по французским автобиографиям, но и прежде всего его определением автобиографии и его теорией автобиографического договора (пакта). Лежен показал сложность и неоднозначность определения автобиографии, ее границ и ее сущности. Анализирувавшие его определение исследователи подчеркивают вслед за ним возможность приложения такого определения только к европейским текстам после 1770 г. Дадим еще один из имеющихся переводов определения Лежена и рассмотрим это определение для лучшего понимания такой реакции на него. «Автобиография является повествовательным текстом с ретроспективной установкой, через посредство которого реальный человек рассказывает о собственном бытии, причем основное внимание он уделяет собственной жизни, особенно истории становления своей личности»²⁴. Вот основные параметры, заложенные в данное определение:

повествовательный характер, т.е. рассказ, причем рассказ в прозе; тема — жизнь индивида, история становления его как личности; тождество автора, повествователя и главного действующего лица; ретроспекция. Такое раннее определение еще исключало мемуары, биографии, романы от первого лица, дневники, словесные автопортреты, поэтические воспоминания. Впоследствии на «автобиографическом ландшафте» будут проложены оживленные тропинки между

²³ *Sturrock J.* The Language of Autobiography. Cambridge, 1993. P. 289.

²⁴ *Медарич М.* Автобиография / Автобиографизм // Автоинтерпретация / Под ред. А. Б. Муратова и Л. А. Иезуитовой. СПб., 1998. С. 12.

перечисленными видами текстов, продолжившие некоторые предшествующие 1975 г. изыскания в этом же направлении.

Проблема дистанцирования автобиографии — прежде всего по критерию выдумки/правды — вызвала разработку концепции автобиографического пакта, невысказанного соглашения между автобиографом и его читателями об искренности намерений первого и о его попытке достичь понимания своей жизни со стороны вторых. Однако основной критерий того, как нужно воспринимать то или иное произведение, остается и в условиях соглашения автора и читателя в пределах самого текста рассматриваемого произведения, как бы ни хотел отойти от этого Лежен через теорию автобиографического пакта. Пафос же его теории как раз в выходе за границы самого текста как такового, хотя бы в коммуникативное пространство. В его теории «проблема определения жанра с учетом его "внутренних", существенных особенностей переносится на уровень контекста... вместо определения автобиографии как жанра мы получаем определение автобиографического договора»²⁵. До Руссо, доказывал Лежен, автобиографии не выполняли «функцию автобиографии». «Вместо поисков возникновения жанра нужно проследживать эволюцию системы, что в нашем случае изучения жанра автобиографии означает [обнаружение] всех признаков системы автобиографического описания»²⁶. Автобиографией это описание делает соглашение с читателем рассматривать данный текст особым образом. Мы соединяем здесь историко-литературный и информационно-коммуникативный подходы. Лежен констатировал, что лучше начинать с выделения корпуса автобиографий, нежели с выработки определения того, что есть автобиография. Он же признавал относительную по существу и по временности использования значимость своего определения 1975 г., которое ругали за недостаточность внимания к бессознательному, к классовой борьбе и к исторической конкретике и за излишнее внимание к литературному характеру автобиографий. Лежен воспринял критику, признав, что не все виды автобиографий подходят под его определение, которое он согласился переработать.

В последующей после 1975 г. деятельности Лежен сам показал возможность изучения с точки зрения автобиографичности самых

²⁵ Златар А. Указ. соч. С. 47.

²⁶ Там же. С. 48.

разных «пограничных» с автобиографиями текстов, например, автобиографий без Я, но от второго или третьего лица. Лежен также исследовал материалы устной истории и занимался разрешением различных методологических неувязок, связанных с возникновением «автобиографии посредством сотрудничества» респондента и интервьюера. Он утверждал, что в этом случае стирается грань авторства, поскольку становится не вполне ясным, кто же настоящий автор — рассказчик или тот, кто записывает его рассказ и впоследствии оформляет его, например, к изданию. Дело не столь простое, как кажется, поскольку в ситуации продуцируемых воспоминаний возникает зависимость (если не сказать, насилие) респондента от интервьюера (иногда и наоборот), когда рассказчик ставится в рамки задаваемых вопросов, стараясь путем ответных реакций оказать, в свою очередь, ответное воздействие на конкретного интервьюера, организуя свой рассказ «под него».

80-е и особенно 90-е гг. XX в. — наиболее активное время обсуждения различных аспектов автобиографического. Рассматривая связь между фактом и вымыслом, историей и автобиографией, автобиографией и романом, П. Спакс в монографии «Представляя себя: автобиография и роман в Англии XVIII в.» принимает в расчет маргинальные по отношению к канону тексты этого столетия²⁷. Удлиняет историю автобиографии до Августина У. Спенгеман в книге «Формы автобиографии: эпизоды из истории литературного жанра»²⁸. Но так же как и Спакс он видит цель автобиографии в поисках правды о личном, индивидуальном начале (self). Автобиографии он рассматривает отдельно, как модельные варианты без учета исторического контекста. Спенгеман считает, что невероятное прозрение Августина в сфере автобиографического жанра проявились в том, что Августин в своем произведении достиг конечной цели любой автобиографии: примирения главного героя и рассказчика, уникального опыта и всеобщего знания, временного действия и вечной формы. Романтики поструссоистской эпохи ищут центр в индивидуальном личном начале, Августин — в Боге.

²⁷ *Spacks P. M. Imagining A Self: Autobiography and Novel in Eighteenth-Century England. Cambridge, 1976.*

²⁸ *Spengeman W. The Forms of Autobiography: Episodes in the History of a Literary Genre. New Haven, 1980.*

Психологию и культурологию в связи с «автосамотематизированием» также интересует понятие «Я», «самости». Его историчность или внеисторичность является началом многих дискуссий. Каждый человек имеет свой взгляд на свое Я. Психологическая школа Д. Брунера видит автобиографию именно как окно во взгляд на Себя, причем такой взгляд культурно обусловлен. Психологическая антропология или «культурная психология» в качестве наивысшего примера своего применения имеет для «возделывания» «автобиографическое поле». Культура и внутренний мир, по Брунеру, равно участвуют в создании/конструировании Я, выражающего себя в автобиографии. Историческая и культурно-психологическая обусловленность Я приводит к тому, что автобиография рассматривается как основной феномен культурной психологии²⁹. Кардинальным вопросом встает соотношение уникальной индивидуальности и культуры. Подобное соотношение создает немало проблем для профессионального историка, поскольку в его инструментарии оказываются методы изучения культуры, но часто отсутствуют методы генерализации сугубо индивидуальных особенностей.

Когда Брунер рассматривает культурную обусловленность автобиографии, он делает и еще один шаг, заявляя, что нельзя говорить о том, что в автобиографии отражается жизнь, а нужно на самом деле все переворачивать, говоря о том, что жизнь *создается* автобиографией. Ибо на самом деле автобиография создает жизнь, оформляя память, элементы опыта и модельные представления о жизни в саму эту жизнь, в ее образ как один из вариантов объединения «ключевых пассажей», отмечающих поворотные моменты в судьбе с точки зрения автобиографа. Созданная автобиография совершает обратное и очень важное воздействие на сознание ее автора. Для Брунера автобиография выполняет не только важную персональную функцию (и в этой своей функции также может изучаться историком). У нее есть также роль по поддержанию социальной стабильности через культурную сплоченность. История жизни, какой бы она ни была, поддерживает в обществе мир, показывая действенность социокультурных норм и значимость человеческого единения. Она есть такое отъединение главного героя ото всех, которое показывает его как принадлежащего

²⁹ Bruner J. *Acts of Meaning*. New York, 1990.

определенному социуму, культуре, эпохе и как сохраняющего их наследие, будь оно в частной или в общественной жизни — неважно.

Каждая культура, по Брунеру, отдает предпочтение какому-то одному типу (форме) автобиографических текстов, выступающих, таким образом, специфическими именно для нее.

Если Брунер смотрит на автобиографию с точки зрения культурно-исторической психологии, то с точки зрения лингвистической текстологии популярны работы Э. Брюс³⁰. Основные понятия, применяемые Брюс, — автобиография как разговорный акт и автобиографическое событие. Брюс активно вводит исторический компонент в определения автобиографического, чего не вполне был склонен делать Лежен. Различия в моделях восприятия и описания исторического события, изменение места и значимости исторического события внутри границ текстовой системы приводят к различиям в конструкциях автобиографий. Однако во всех них продолжает сохраняться то, что Брюс называет «автобиографическим событием». Каковы условия, в которых происходят автобиографические события? Автор показывает, что он верит в то, что утверждает. События рассказываются как исключительно действительно происходившие (правдоподобные, т.е. аутентичные). От аудитории ожидается вера и возможность проверки истинности сообщаемого. Автобиограф моделирует и себя в тексте (субъекта текста) и саму структуру (организацию) текста; господствует принцип идентичности организатора текста и субъекта текста, причем существование такой персоны может быть документировано.

Подчеркивая, что идентичность автора/рассказчика/субъекта и возможность проверки сказанного подчеркивается многими исследователями автобиографий, Брюс подчеркивает историчность человеческой индивидуальности в автобиографии и возможность иного автобиографизма при смене типа индивидуальности или типов личностной идентичности. Индивидуальная идентичность новоевропейского типа — не то, чем была, например, библейская, греческая или средневековая идентичность, и не то, чем будет идентичность завтрашнего дня.

Историчностью позиции и рассмотрением моделей автобиографического сообщения работа Брюс особенно интересна историкам.

³⁰ *Bruss E. Autobiographical Acts: The Changing Situation of a Literary Genre. London, 1976.*

Среди литературоведов и историков ширится интерес к творчеству П. де Мана, выдвинувшего положение о том, что автобиография не есть особый текст, а точка зрения на любое текстуальное творчество: «Автобиография не является жанром или модусом, а фигурой чтения или понимания, которая появляется в определенной степени во всех текстах»³¹. Это своеобразный «панавтобиографизм». На таком фоне вполне органично смотрятся и работы, доказывающие, что применение рассказчиком в своей речи третьего, а не первого лица для описания поведения субъекта действия в каких-либо воспоминаниях еще не означает, что перед нами не автобиографические произведения³².

Большинство работ все же ищут единую внутреннюю парадигму автобиографии и автобиографичности, которая предстанет некоей поэтикой жанра и ключом к анализу текстов. Такой парадигмой выступает представление о личностном индивидуальном начале. Оно и типично для всех людей, и уникально для каждого. Самое лучшее отражение такого начала находят в классических «реалистических» текстах XIX в. Данная парадигма породила в 1990-е гг. тезис об авторе автобиографии как источнике и объединяющем центре значения ее текстов, о том, что целью автобиографа выступает в идеале написание эстетически удовлетворительных работ, свидетельствующих в то же время о его реальной жизни. Читатель как создатель автобиографичности воспринимаемого произведения и как адресат-декодировщик посланного сообщения в таком случае отходил в тень.

Ф. Нуссбаум, опираясь на Р. Элбаз, попыталась переосмыслить автобиографии как конфликтные дискурсы, побуждающие субъектов в лице автора и читателя признавать или не признавать друг друга³³.

При соединении психологии с историей возникает ряд направлений, также активно использующих материалы автобиографий. Наи-

³¹ Man P. de. *Autobiography as De-facement* // *Man P. de. The Rhetoric of Romanticism*. New York, 1984.

³² Verner Gunn J. *Autobiography: Toward a Poetics of Experience*. Philadelphia, 1982. P. 10.

³³ Nussbaum F. A. Op. cit.; Elbaz R. *Autobiography, Ideology, and Genre Theory* // *Orbis Literarum*. Vol. 38. 1983. P. 187–204.

более известна из них психоистория, основанная в 1970-х гг. Л. Де Мозе³⁴.

Для «традиционных» историков представляет особый, хотя пока еще несколько специфический интерес направление, связанное с изучением автобиографических устных рассказов как в рамках «устной истории», так и в рамках этнологии. В первом случае особенно выделяется фигура П. Томпсона, во втором — Р. Баумана³⁵. У обоих направлений есть ключевое понятие — устный нарратив о своей жизни. Вокруг обсуждений его характеристик и возможностей, его сходств и различий с письменными автобиографиями и строится методологическая рефлексия этнологов и устных историков. И те и другие обращают особое внимание на функционирование памяти в устном обществе, на соотношение слова и истории, на процедуру приближения истории к человеку в такой системе трансляции культурной информации как устная. П. Томпсон определяет это таким образом: «Устная история возвращает историю назад к людям в их собственных словах. И предоставляя им прошлое, она помогает им в будущем творить самих себя»³⁶. Краеугольным положением для данного направления выступает представление о памяти не как лишь о психологическом феномене внутри индивида, но как об активном социальном процессе. Так же как и в среде письменных автобиографий, в устной истории встают вопросы о сочетании в текстах исторического свидетельства и эстетического начала. К этим вопросам добавляются проблемы соотношения вербального и невербального в процессе общения респондента и интервьюера, ситуативного и внеситуационного в рассказе «информатора», влияния на нарратив фигуры интервьюера и способов фиксации рассказа. Много внимания уделяется выявлению автобиографических типов предоставления информации в устном повествовании, например, способам стабильного проникновения хронологического критерия рассказа даже в тематизированные или лейтмотивные автобиографические интервью. Постепенно происходят очень важные изменения в формулировках критериев истинности устных автобиографических рассказов (их можно приложить и к письменным текстам).

³⁴ См.: Де Мозе Л. Психоистория. Ростов-на-Дону, 1999.

³⁵ Thompson P. The Voice of the Past. L., 1988; Bauman R. Story, Performance and Event. New York, 1986.

³⁶ Thompson P. Op. cit. P. 226.

Вместо вопроса «Правда ли это?» все чаще в исследовательском дискурсе начинает звучать другой вопрос: «Какого рода правду имеет в виду рассказчик?» К этому человеку уже скорее применяют термин «рассказчик», «рассказчик историй», а не «информант», как это нередко бывало ранее. Устный нарратив создается не прошлым, а нынешним моментом, поскольку воспоминание укоренено не в моменте происходившего события, но в моменте рассказывания об этом событии. Логика сообщает истории жизни фабулу, объединяет ее в связный нарратив, имеющий все признаки автобиографии. Память не есть просто «историческая запись», а рассказ не есть простое воспроизведение этой записи.

Социологи, работающие на историческом поле, и «устные истории» относятся к автобиографии не только как к жанру или множеству текстов, но и как к методу анализа, к способу создания источников для такого анализа. «Автобиографический подход, — пишет М. Бургос, — есть методика, дающая нам особо доверительную информацию о такой стороне человеческого мира, которая недоступна другим средствам. Поэтому автобиография — ценный метод исследования, поставляющий информацию о жизненном опыте, субъективных особенностях, индивидуальном выборе, рациональных и сознательных мотивах действий и так далее, но это всего лишь повод к интерпретации, а не самодостаточное изложение истинного положения дел»³⁷.

При создании устного автобиографического текста видны многие процессы, скрытые от взора в письменной культуре, где мы часто имеем дело лишь с «отлаженным» и «причесанным» результатом долгой кабинетной работы. Полевое интервью выводит «автобиографическую процедуру» наружу. При всем отличии целей письменной и устной автобиографии мы видим схожие взаимодействия публичного и приватного при сочинении рассказа, индивидуально-душевного и культурно-обязательного, драматизацию одних эпизодов и контекстуализацию других исходя из сегодняшнего конкретного видения «той» ситуации, о которой повествуется. Налицо факты умолчания и переключения на более безопасные темы, мифологизация ушедшей реальности и реидентификация ее в связи с текущим самосознанием личности и осознанием ею конкретного момента и ее места в нем.

³⁷ Бургос М. Указ. соч. С. 123.

Игра сознательного и бессознательного в устном автобиографическом повествовании выступает более ярко и поддается уточнению посредством сопутствующих рассказу действий интервьюера. Таким образом, мы видим перед собой устного рассказчика как активного *создателя прошлого*, каковым (вкуче с редакторами, издателем и прочими причастными лицами) является на самом деле и тот, кто написал письменную автобиографию. Историк, изучающий автобиографии, имеет перед собой активные картинки прошлого, образы его, рецензии на него, но не просто «реальность». Это реальность иного рода, реальность репрезентации. Это способы реконструкции прошлого для себя и своих, лекарственные средства для собственной самоидентификации в текущем времени. Что есть прошлое, как не автобиографический его образ? А автобиография — как не мост между прошлым и настоящим?

Какое же отношение имеет все вышесказанное для историка, имеющего в руках конкретный автобиографический текст? На этот вопрос мы ответим в последней части статьи, где будет предложена инструментальная модель автобиографии для историка, с помощью которой он исследовать конкретный автобиографический материал. В этой модели будут определены основные сущностные черты автобиографии как исторического источника.

Конкретные автобиографические исследования в истории

В настоящее время трудно найти в исторических науках сферу или направление, где бы ни применялись так или иначе данные автобиографий. Среди исторических дисциплин, наиболее активно использующих автобиографии, можно назвать историческую антропологию; историю семьи; историю детства; историю повседневности; социальную историю (прежде всего, историю различных групп населения); локальную историю (городскую, сельскую, устную и др.); историю эмоций; гендерную историю; историю культуры; историю религии; историю образования и грамотности; историю частной жизни; историю ментальности; этнографию; интеллектуальную историю. По каждому из этих направлений степень возможности привлечения автобиографического материала варьируется в зависимости от той или иной исторической эпохи и от конкретного региона и социальной группы.

Представители всех перечисленных направлений склонны к расширительным определениям автобиографии и автобиографичности, поскольку такие определения позволяют им объединять в одно целое такие источники (помимо собственно автобиографий) как дневники и мемуары, фамильные книги и семейные хроникаты, письма и автобиографические романы. Расширительные определения сводятся к тому, что в самом кратком виде можно было бы назвать «персональной литературой», «эго-документом» или «свидетельством о себе». Одной из причин такого расширительного толкования выступает необходимость помещения редких для эпох до Руссо автобиографий в контекст своей собственной эпохи, поскольку в противном случае они выступают лишь провозвестниками автобиографии последних двух-трех столетий.

Основным признаком подобного «автобиографического» эго-документа выступает его главная цель — сообщение о личном опыте. Именно этот «личный опыт», помещенный в определенный контекст и, со своей стороны, этот контекст проясняющий, становится предметом изучения историка. Но что такое этот «личный опыт», насколько он действительно «опыт», а не конструкт из культурных идеалов и личностных мифов, и насколько он действительно «личный», а не воспроизводит принятые стереотипы, — на этот вопрос редко пытались ответить через анализ не только «содержания» (жизненный опыт и свидетельство очевидца), но и литературной формы (авторство, способ описания/выражения), состава аудитории/читателей и т.д.

С 1970-х гг. автобиографиями активно интересуются исследователи таких, на первый взгляд, «неавтобиографических» сфер, как социальная история и урбанистика. Возможности их использования в этих областях уже стали предметом методологической рефлексии³⁸. Урбанисты подчеркивают важность общих описаний городов, своеобразных «портретов» городских поселений, оставленных в автобиографических записках путешественников или местных жителей; сведений об экономических, социальных и политических отношениях в городе; информации о городской архитектуре, реконструкции плана, город-

³⁸ Redlich F. Autobiographies as sources for social history // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd. 62. 1975. S. 380–390; Barkin K.D. Autobiography and history // Societas. Vol. 6. 1976. P. 83–108; Amelang J. S. Op. cit. P. 30–42.

ских ритуалах и праздниках, городских школах и обычаях; сведений о социальной организации жизни в городе, о взаимоотношениях горожан друг с другом, их частной жизни, восприятию внутреннего городского пространства и внешнего мира; данных о ментальности горожанина, о частоте и рисунке его соседских и родственных связей; и т.д. Основной функцией «личных воспоминаний» в глазах многих историков является, однако, лишь уточнение данных других источников — официальных версий и документов, «чтобы сделать историю богаче в строении ее ткани и в подробностях»³⁹.

Плодотворным и новым выступает направление на реконструкцию повседневной жизни простого горожанина на основе его автобиографических текстов. По особому информативными выступают ситуации вкрапления свидетельств о себе в иные по характеру произведения. Так, например, в середине XVII в. в Барселоне жил дубильщик Мигель Парет. Он написал очень подробную хронику своего города с 1626 по 1660 г. Она чрезвычайно детальна, но исключительно суха и имперсональна — лишь политические и военные события. Однако, в двух моментах дубильщик Мигель дал слабину. Во-первых, он не мог удержаться и не рассказать не от третьего, а от первого(!) лица о чуме 1651 г., когда он потерял жену и трех из четырех своих детей. Этот фрагмент написан необычайно живо, с проявлением подлинного страдания. И, во-вторых, в конце каждого из двух томов своего труда Мигель прилагает списки изменений в его семье и его деле: рождения, браки, смерти, некрологи собратьев-дубильщиков, исполнение долга по отношению к гильдии⁴⁰. Подобные «комбинированные» произведения дают историку пространное поле для различных умозаключений.

Особая тема — социальная жизнь города, «социабельность». В это понятие входят все социальные связи горожан между собой. Для их изучения используется сетевой анализ по частоте и направленности отмеченных в источниках связей, контактов между людьми и их объединений во что-либо. Персональные связи устанавливаются посредством связывания биографических файлов в базах данных. Используются записи браков, имена членов семьи и рода, свидетелей на соглаше-

³⁹ *Amelang J. S. Op. cit. P. 34.*

⁴⁰ *A Journal of the Plague Year: The Diary of the Barcelona Tanner Miquel Parets, 1651. New York, 1991.*

ниях о приданом, на завещаниях, соглашениях о сотрудничестве и контрактах, демографической статистике и проч.⁴¹ Очень важны сведения о крестных родителях и о степени их родства по отношению к семье крещеного. И в этом плане весьма полезны данные «личностной литературы». Уже знакомый нам Мигель Парец при описании рождения своих одиннадцати детей указывает не только имена, но и занятия и/или социальный статус крестных родителей. Вместе с перечнями семейных браков его сведения бесценны для установления степени родства крестных. Это-документы чрезвычайно важны для прояснения многих базовых социальных отношений. В структуре этих отношений становится видимой сеть индивидуальных контактов и степень их воздействий на участвующих лиц. Происходит усиление субъективации прошлого, т.е. действующий в прошлом субъект становится для исследователя более реальным, если мы смотрим на него через призму «свидетельств о себе». И в данном случае даже не слишком существенна степень правдивости нарратора, поскольку то, что он «сочиняет», становится не менее важным и вполне реальным фактом истории — истории предпочтений, идеалов, способов и целей репрезентации.

От городской истории перейдем к социальной истории и исторической антропологии. Одна из показательных работ — книга М. Мэскуха «Происхождение индивидуалистической личности: автобиография и самоидентификация в Англии с 1591 по 1791 гг.»⁴². Это одна из попыток найти в отдаленном прошлом корни европейского индивидуализма, распространившегося впоследствии и на приватную и на общественную жизнь. Цель Мэскуха — раскрыть «тайну и непосредственную предысторию» развития автобиографических сочинений в последующие времена XIX–XX вв. посредством определения того, как на Западе в раннее Новое время самоидентификация стала

⁴¹ Gould R. V. Multiple networks and mobilization in the Paris Commune, 1871 // *American Sociological Review*. Vol. 56. 1991. P. 716–728; Montias J. M. Vermeer and his Milieu: A Web of Social History. Princeton, 1989; Dolan C. The artisans of Aix-en-Provence in the 16th century: a micro-analysis of social relationships // *Cities and Social Change in Early Modern France* / Ed. P. Benedict. London, 1989. P. 174–194; Rutman D. B. and Rutman A. H. A Place in Time: Middlesex County, Virginia, 1650–1750. New York, 1984.

⁴² Mascuch M. The origins of the individualist self: autobiography and self-identity in England, 1591–1791. Oxford, 1997.

предметом репрезентации в автобиографии. Индивидуалистическое личностное начало определяется как производитель историй о себе самом и потребитель историй о других личностных началах, — таких историй, в которых личностное начало помещено в центр системы отношений. Это и есть автор и читатель автобиографии новоевропейского типа. Для Мэскуха двухсотлетнее развитие автобиографических жанров с конца XVI по конец XVIII в. становится непосредственным и основным источниковым полем, что свидетельствует о признании прав автобиографии раскрывать историю изменений в тонком строении человеческого самосознания. Автор показывает путь автобиографического дискурса (и соответственно личностного начала) от духовной автобиографии до «первого современного автобиографа», каковым для Англии он считает Дж. Лэкингтона. В духовной автобиографии, по мнению Мэскуха, заключен противоположный индивидуальности и персонализму полюс⁴³. В ней подчеркивается уничтожение личностного начала, возвеличиваются, как зеркала благочестия, те герои и героини, которые преуспели на пути элиминирования себя. Настоящий, истинный автор таких текстов — Христос. На пути от духовных автобиографий одной из промежуточных стадий выступают появляющиеся в середине XVII в. в недрах духовных автобиографий прозаические очерки о хронологической канве основных событий в жизни героев повествования. Параллельно существуют регулярные записки в дневниках и памятных книжках — в известном смысле, «оживление персонального голоса и индивидуальной самоидентичности»⁴⁴. От полностью растворенной жизни человеческой в Боге через вторичность голоса человеческого постепенно, как тенденция, личность в автобиографическом рассказе оказывалась важнее благочестия (набожности). Соотношение индивидуальности и набожности становится основной темой книги. Автор продвигается от десятилетия к десятилетию, от благочестивых автобиографий к противоположным им описаниям жизней преступников как началу светской автобиографии. Его метод — метод центрации в каждом десятилетии на опреде-

⁴³ Современные исследователи уделяют проблеме духовной автобиографии большое внимание. См.: *Shea D. B. Spiritual Autobiography in Early America*. Princeton, 1968; *Nussbaum F. Op. cit.*; *Sommerville J. The Discovery of Childhood in Puritan England*. Athens, 1996.

⁴⁴ *Mascuch M. Op. cit.* P. 96.

ленном «ключевом индивиде». Автор считает, что чтение биографии открывало людям необычность/единственность их собственной самоидентичности, открывало им дотоле неведомый персональный опыт, хотя портрет аудитории и ее изменений при переходе от одного типа литературного выражения английских авторов к другому остался в исследовании Мэскуха непрописанным.

Если Мэскух восстанавливает движение традиции самовыражения от текста к тексту, то иные исследователи достигают очень интересных результатов, работая с текстами одной или нескольких эпох с точки зрения динамики отражения в них того, что непосредственно окружало человека, т.е. изучая обусловленность памяти и актуализации ее содержания определенной эпохой и ее ментальными моделями. Исследования характера памяти и его обусловленности культурно-историческими причинами, ситуацией, опытом жизни тех или иных поколений, приученных обращать внимание и запоминать одно, и не запоминать, не рассказывать, не обращать внимание, не фиксировать в памяти другое, — такие исследования ведутся в разных странах и на разном материале. Зависимость автобиографической памяти от социального опыта поколения и сословия — необычайно важная проблема. В текущей историографии она постепенно начинает находить свое место⁴⁵.

Широко привлекают автобиографические свидетельства исследователи, изучающие процесс социализации в различные исторические эпохи. Социально-психологическое воздействие индивида на среду, а среды на индивида нигде так ярко не отражается/воплощается, как в автобиографии, систематизирующей и анализирующей прошедший опыт социализации и выступающей очень важным инструментом социализации текущей. В работах М. Миттерауэра, А. Ничке и др. по социальной истории юности и молодежи активно используются эго-документы. Интерес к ним постоянно растет.

«Историческая автобиогафика» как теория.

Ныне историк не станет с такой убежденностью, как в 1976 г., утверждать, что «ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, ес-

⁴⁵ Dekker R. Childhood in Dutch autobiographies, 1600–1850. Changing memory strategies // Education and Cultural Transmission / Ed. J. Sturm. Gent, 1996. P. 65–76.

тественно, почти всегда субъективна»⁴⁶. Субъективность воспоминаний из отрицательного и отвергаемого качества переходит в разряд сущностных и важнейших по значимости качеств, раскрывающих внутренний мир человека прошлого, его отношение к миру внешнему. Теперь уже автобиографии часто рассматриваются не как дополнительные, а как основные источники в самого разного рода исследованиях.

Автобиография не есть вневременной образ изображаемого персонажа, а вполне ситуативный, укорененный в обстоятельствах конкретного момента писания текста (и далее — моментов его редактирования). Поэтому оценка автобиографического текста производится (или должна производиться), исходя из реконструкции конкретного момента его сочинения. «Автобиографическая ситуация» часто связана с тем или иным личностным кризисом, когда человек либо в самый момент кризиса, либо после его прохождения берется описать свою «докризисную» жизнь, т.е. жизнь до наступившего нового, текущего этапа. Автобиографическая литература — литература *кризисная*. Для оценки и интерпретации автобиографии требуется понимание характера того кризиса, который толкнул автора к бумаге. От природы такого кризиса зависит и определение автобиографом тех целей, которые он ставит перед собой при написании автобиографии и которые он собирается поставить перед своим текстом, «отпуская» его в публику. Нередко автобиографическую ситуацию называют зеркальной ситуацией или ситуацией зеркала, поскольку субъект автобиографии выходит «из себя» в позицию наблюдателя для того, чтобы иметь возможность описать себя как объект, создав из своей жизни ткань повествования. Многомерность автобиографии, наличие в ней текстуальности различного рода, сведений о реальных событиях прошлого, оценок их тогдашним героем и его окружением, образов этих событий в текущем состоянии памяти, формулировок современных оценок *тех* событий и современных же оценок *тех* своих оценок и оценок нынешних, присутствие лингвистических моделей норм репрезентации, принятых как в то время, так и сейчас; — перечень различных «планов выражения/отражения» можно было бы продолжать, — подобная многомерная многослойность представляет собой как благословение,

⁴⁶ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Указатель / Под ред. П. А.Зайончковского. Т. 1. М., 1976.

так и проклятие автобиографического жанра в глазах историка. Автобиографическое намерение рождается в результате или на фоне ощущения некоторой неестественности своего положения в мире, ощущения «болезни выхода» из привычной среды. Написание воспоминаний выступает средством излечения, средством возвращения в свой мир, в свою среду. Через оформление воспоминаний происходит определенное очередное примирение с миром и самим собой, человек проходит очередной этап социализации. Написание автобиографии часто выступает попыткой выйти из личностного кризиса. Осознание плодотворности такого шага может наступить и благодаря внешнему стимулу к началу работы над автобиографией. В связи с «примирительной» позицией автобиографа описание и оценка им фактов и переживаний своей жизни также приобретает примирительный, посткризисный (лечебный) характер. Сильные эмоциональные взрывы описываются как «дело прошлого», нередко скороговоркой. Конфликты и неудачи ретушируются, удаchi и достижения расцветаются. В случае самого сильного уничтожения автобиография все равно способствует самоутверждению. Может быть, поэтому авторы по преимуществу избегают писать о себе в негативном свете?

Автобиография есть результат тщательной работы человека со своей памятью, пропущенной через внутреннюю цензуру «дипломата на приеме». Дискретные воспоминания объединяются в цельное повествование, лакуны так или иначе заполняются взятой из семейных преданий или общих идеологем информацией. Возможны даже ситуации, когда персональные воспоминания подавляются общераспространенными или корпоративными сведениями, с которыми рассказчик идентифицирует себя.

Автор, фигура повествователя, герой рассказа — разные персонажи, причем два последних конструируются автором исходя из *его* понимания самого себя, места и времени происходящего, возраста автора, характера истории, мотивов написания воспоминаний и иных подобных соображений, преобразующих определенным образом полученный в процессе проживания реальной жизни опыт. Налицо особая выстроенность автобиографического мира рассказчиком как субъектом и в то же время известная независимость этого мира от мира реального, в котором живет сам рассказчик.

Письменная автобиография, в отличие от устного автобиографического повествования, не спонтанный документ. Она редко бывает написана «на одном дыхании», как правило, над ней работают немалое время. Могут сохраняться варианты, черновики, наброски. Иногда существует несколько обнародованных вариантов. Бывает, что разные периоды жизни порождают обращение к написанию воспоминаний, каждый раз показывающих жизнь и действующих в ней лиц с иной, чем прежде, стороны. В любом случае при составлении письменной автобиографии автор более связан консультациями с внутренне принимаемой и продуманной иерархией ценностей, с представлениями о значимости сообщаемого, нежели при «провоцировании» на устный рассказ о себе, когда в процесс вмешивается влияние «интервьюера», его своеобразное насилие, отраженное прежде всего в задаваемых вопросах и во внешнем характере мотивировки рассказа (и соответственно, его целей), не исходящего из глубоких внутренних побуждений. Если в письменной автобиографии происходит продуманная автотематизация, то в устной — спонтанная. В письменной автобиографии больше степень синтеза различных частей, фрагментов, чем в устной, где, в свою очередь, больше процент использования общих образцов, идеальных шаблонов, услужливо возникающих из общего ментального «багажа» общества, к которому принадлежит рассказчик. В любом случае происходит упорядочивание, «конфигурирование» достаточно беспорядочной и малосистемной жизни. Рассказу придается сюжет — через идею «моей жизни» или «моей судьбы». Из копилки поведения и опыта, памяти и мечты создается значимая для человека и для публики связная структура. Разнонаправленные переживания включаются в одну структуру и «высаживаются» на принятую в данный момент шкалу ценностей. Прерывность жизненного опыта прособразуется в непрерывность рассказа, «условная согласованность регулирует рассогласованность бурной действительности, подсказывая, что опустить, что сохранить в рассказе»⁴⁷. Возникает «иллюзия контроля» над своей жизнью — контроля своим сознанием и культурой, к которой принадлежит автобиограф, своей речью и обществом, которое слушает и мысленно поправляет *сказителя*. Человеку дается второй шанс — он вновь творит свою жизнь, творит ее на

⁴⁷ Бургос М. Указ. соч. С. 128.

бумаге или магнитофонной пленке, творит такой, какой она должна быть, показывая одновременно, какой она, увы, могла бы восприниматься, не будь сознательного творца ее — автора воспоминаний, переизывающего все реалии и выводы опыта в нужном для себя и общества ключе.

Таким образом, автобиография — не саморассказ о жизни, как следует из расшифровки грекоязычного термина, но рассказ о том образе своей жизни, который автор хочет передать аудитории. В связи с данной особенностью находится еще одна, каковую принято называть «смерть героя». В процессе начала работы над автобиографией происходит изменение экзистенциальной позиции того человека, который за такое писание берется. Он «выключает» себя (для работы и для аудитории) из непосредственно прошедшей жизни, меняя амплуа ее героя на амплуа ее автора, автора ее воссоздания текстуального образа. Умирает герой действия, рождается автор произведения. Такая ситуация определяет и характер текста как исторического источника — источника прежде всего не о герое, а об авторе и уже потом о герое и других возможных воплощениях автора в тексте (рассказчик и проч.). В едином органическом комплексе находятся прилагаемые к автобиографии вопросы: что повествуется? (содержание), кто повествует? (характеристика автора), для кого повествует? (характеристика аудитории), как повествует? (грамматика и архитектоника рассказа). Истина, форма и интенция (намерение, адресность) находятся в неслиянном и нераздельном единстве. Ни один из этих вопросов нельзя рассматривать в отрыве от других. Подобная ситуация парадоксально зеркальным образом соотносится и, возможно, дополняет высказанную деконструктивистом Ж. Дерридой мысль о смерти автора в тексте, поскольку, с точки зрения Дерриды, в процессе письма *автора пишет текст*, поскольку в тексте возникают смыслы, неожиданные для того, кто считает себя создателем этого текста. В текст проникает нечто неосознаваемое автором, нечто ментальное и подсознательное.

Типология автобиографий достаточно запутанна. Наиболее пространственным является разделение на автобиографии как 1) рассказы преимущественно о себе; 2) о семье и роде; 3) о времени, в которое жил автор. Иногда проводят грань между автобиографиями как Я-центрированным текстом (направленность вовнутрь личностного ми-

ра; «скорее о себе, чем о времени») и мемуарами как Социум-центрированным текстом (направленность вовне личностного мира; воспоминания как свидетельские показания «скорее о времени, чем о себе»).

Отношение к целям автобиографии определяет и соотношение внутри нее ее частей, роль того или иного периода жизни для воссоздания общей картины жизни того или иного героя. Если поиск сущности происходящего ведут, исходя из начала, то большое значение придается описанию детских и юношеских лет. Если нет, то и детство не акцентируется в произведении. Если целью рассказчика выступает персональная история, то вновь у периода детства есть шанс занять довольно много страниц в общем объеме текста. Если же в центре внимания оказывается корпоративная история, то начальные разделы приобретают характер генеалогии, либо семейной хроники, и рассказчик идентифицирует себя через принадлежность к роду и его культурным, конфессиональным, семейным традициям.

Автобиография как текст, находящийся между историей и литературой, ориентирована на внетекстовую среду. Ее значение и смысл не могут быть сведены к самому произведению, не могут быть найдены в самом сообщении и его текстуальной форме. Принципиальная «затекстовость» отличает автобиографию от литературы и приближает к истории. В этом она родственна истории, поскольку любой исторический источник имеет внетекстовую направленность, он направляет человеческую жизнь или свидетельствует о ней. Но в отличие от традиционного исторического документа автобиография есть такой рассказ, который непременно нуждается в слушателях или читателях, короче говоря, в аудитории. Достоверность автобиографии ищет веры, стремится к убедительности, к восприятию этой убедительности, к вере в истинность рассказа со стороны Другого, в зеркале которого автобиограф обретает себя и уверенность в правильности своего дела и в ненарасности прожитой жизни и рассказанной на ее основе истории. В данном отношении нет большой разницы между автобиографией, опирающейся на исповедь, и автобиографией, опирающейся на мемуары (дневники). И та и другая ищут *доверия к достоверности рассказа*.

Не нужно забывать о том, что автобиография — все же фикция. Правда, фикция, стремящаяся к правде, но фикция. Однако, с другой

стороны, нельзя забывать и о том, что самый правдивый человек на свете — это лжец. Хотя бы потому, что мы знаем о нем, что он лжец, и можем это учесть. И лгущий человек неизбежно самим фактом своего вранья говорит несомненную правду. Поэтому и автобиография — это необычайно правдивая ложь или невероятно лживая правда. Из этого и надо исходить.

Ложь автобиографа может быть вполне искренна. Например, тогда, когда он из разрозненных сторон и этапов развития своего Я, между которыми могут зиять глубочайшие пропасти, из этих этапов и сторон творит некое повествовательное тождество, некое единое личностное ядро, или стержень (в зависимости от композиции текста), вокруг (или вдоль) которого объединяются — в значительной степени фиктивно — различные исторические этапы жизни описываемого субъекта. В автобиографии господствует единая точка зрения *из сегод-ня* на все события, сменявшие друг друга. Как писал еще Р. Паскаль, автобиография — своего рода духовное путешествие, странствие по своей собственной жизни⁴⁸.

Как мы уже сказали, автобиограф почти всегда испытывает потребность постоянно на протяжении всего своего текста доказывать его достоверность. Для этого он использует различные приемы, пытается систематизировать свою память, ибо она самый главный источник его материала. Он расставляет в пространстве воспоминаний различные вешки, привязывая события личного порядка к каким-либо общеизвестным происшествиям, персонажам и т. п. Содержание автобиографической памяти перерабатывается, маркируется, из нее извлекаются подготовленные к демонстрации фрагменты. Происходит как припоминание, так и интроспекция, исследование себя и своей памяти в данный момент. Результаты могут быть предъявлены публике, а могут быть и скрыты. И мастерство историка часто состоит как раз в возможности под (и внутри) официальным пластом повествования увидеть нечто невысказанное, характеризующее и автора и происходившие в прошлом (и настоящем) процессы. Что касается изображения не самого себя, а того, что историк обычно называет «действительностью», то здесь в последнее время выработан следующий критерий подхода к оценке степени исторической достоверности сооб-

⁴⁸ *Pascal R. Op. cit.*

щаемого: «Мемуары достоверны тогда, когда передают действительность такой, какой ее воспринимал автор источника»⁴⁹.

Еще одна особенность автобиографии — ее модельность для исследователей определенного слоя, эпохи и т. д. Уже сам автор представляет себя в качестве некоего образца. В этом — возможность долгожительского текста. Личная жизнь и личный опыт становится модельным, парадигмальным, а внешние обстоятельства жизни другого человека — лично значимыми, примеряемыми «потребителем» на себя. Модельность автобиографии, может быть, менее дидактична, чем биографии, где кто-то другой делает выводы и суждения, с которыми можно соглашаться или не соглашаться. В автобиографии помещены размышления как бы самого участника, его собственные выводы из собственных ошибок или достижений. Автобиография выполняет очень важную функцию достижения взаимопонимания между людьми, демонстрации многообразия человеческой природы, в любом варианте входящей в сосуществование с культурой и духом эпохи. Человек раскрывающийся делает не только себя более близким и понятным другим, но и делает более понятными друг другу и иных людей, поскольку предоставляет для них материал о широчайшем разнообразии и глубине человеческих чувств. В жизнеописаниях откладывается грамматика чувств и образы мыслей.

Факты сознания и внутренних состояний автора становятся доступными другим, вызывая своеобразный «эффект заражения», причем и в том случае, если автор жил задолго до своего читателя. Вечно актуальное воздействие «Исповеди» Августина может быть тому наилучшим примером. Квинтэссенция его духовного опыта до сих пор оказывает активное влияние на культуру мыслей и чувств.

Автобиографическое повествование строится, исходя из уже случившегося. Поэтому рассказ о жизни, о мотивах поступков, о реакциях на поступки других людей производится как бы с позиции пророка, знающего уже об исполнении своего пророчества. Оценки, идеи, предположения, ситуации, выводы на тех или иных этапах жизни, поступки свои и чужие — все это описывается с позиции того, кто уже знает, что получится из той или другой ситуации, какова будет (свое-

⁴⁹ Румянцева М. Ф. Для чего люди пишут мемуары? (мемуаротворчество как способ социализации индивидуума) // Мир психологии. № 1. 1998. С. 142.

образное «будущее в прошедшем») стратегия поведения действующих лиц. Автобиография приобретает неизбежно целенаправленный, телеологический характер. Иногда он явен: как я стал тем-то (все изложение выстраивается в одном ключе), иногда существует в неявной форме (автор изображает действующего себя как бы независимо от того, что сам рассказчик знает продолжение). Ретроспективность автобиографии при включении в нее элементов реальных прошлых чувств — важная особенность данного исторического источника. Причем человек может рассказывать о своем прошлом и о себе в этом прошлом (и о своих оценках) то, что не обязательно соотносится с тем, во что он верит сейчас и во что он хочет, чтобы поверили мы. В связи с известной цельностью автобиографии, определяемой единым взглядом из «далека», анализ каждого из ее элементов или частей лишь сепаратно, отдельно от целого, невозможен. Репрезентация в автобиографии каждого фрагмента опыта происходит, как в романе Оруэлла «1984», в зависимости от взгляда из авторского «сегодня». Поэтому и оценка этой репрезентации следует такой же схеме: анализ части текста в свете анализа всего текста. Смысловое единство зависит как от законов жанра, так и от самосознания повествователя, от способа его видения себя и аудитории, которой предназначен его рассказ. Отсюда большое количество типов автобиографических произведений, как и типов автобиографических стратегий организации и представления материала. Некоторые из подобного рода типологий можно выстроить исторически, в зависимости от первообразца, другие — в зависимости от наличия в них признаков автобиографического жанра.

Самую общую типологию можно выстроить по критериям условий создания и дальнейшего существования «автобиографического свидетельства»:

- самопроизвольная полная автобиография (написанное в тиши кабинета повествование о всей жизни от первых воспоминаний до момента написания);

- самопроизвольная неполная автобиография (когда автор выбирает один период жизни или одну проблему/тему и пишет свое произведение только об этом);

- самопроизвольный автобиографический фрагмент (когда внутри другого текста встроены личные воспоминания);

— продуцируемые полные или частичные воспоминания (составлены не по собственному почину, а как результат согласия на внешнюю просьбу; однако, также положены на бумагу самим действовавшим лицом своих рассказов);

— интервью (ненаправленное, лейтмотивное, фиксированное; отличие — в «степени свободы» рассказа от воздействия интервьюера, записывающего разговор);

— автобиографический тест (определенные программы общения интервьюера с респондентом, в результате которых в процессе диалога респондент проходит через некоторые процедуры, позволяющие ему осмыслить свою прежнюю жизнь так глубоко, как ему раньше не удавалось; один из наиболее распространенных тестов — рисуночный, когда респондент в процессе разговора рисует линию своей жизни и отмечает на ней различные события различным образом).

Историк обычно работает с письменными автобиографиями, поэтому примерный перечень целей и задач автобиографа в XIX–XX вв. мы построим на основе именно этого типа автобиографий (и параллельно сравним с их характеристиками устные автобиографии). Заметим в скобках, что в структуре этих целей информационные, повествовательные стоят, во-первых, не в одиночестве, а во-вторых, не первыми в иерархии значимости. При перемещении в другие столетия рисунок целей автора рассказов о себе будет изменяться в зависимости от века и региона, а также от сословия, профессии, пола, возраста и пр.

Итак, некоторые общие цели и задачи автобиографа последних двух веков, которые он ставит

1) перед собой:

— автобиографии XIX–XX вв. — это вызов непрерывному течению времени, отрицание личной смерти, создание из жизни истории;

— ответ на смысложизненные вопросы, усиление чувства осмысленности существования, изживание неудобной и противоречивой жизненной ситуации, поиск мира с самим собой;

— переоценка своей жизненной стратегии (стратегий; их сопоставительный анализ);

— систематизация и согласование фактов своей жизни, преодоление их дискретности и противоречивости, т.е. самоинтеграция;

- самоидентификация;
- самопознание (на грани субъекта и объекта);
- автобиография как терапия, т.е. само- (и с помощью аудитории) излечение;
- способ самосовершенствования;
- социализация;
- укрепление связи себя с обществом (группой), улучшение своего статуса;
- подведение итогов жизни, самоотчет;
- оценка своей жизни в свете определенного идеала и нормативной модели, стандартной для данного круга (профессии) жизненной стратегии и следуемых результатов.

и 2) перед аудиторией (некоторые цели и задачи из первой группы относятся и к слушателям/читателям):

- соединение мира реального и мира рассказанного, активное воздействие второго на первый;
- достижение взаимопонимания с аудиторией; через рассказы о себе можно расположить к себе других;
- объяснение себя (как я стал таким, каков я есть);
- репрезентация себя (с тем, чтобы стало всем понятно, каков я);
- придание своему индивидуальному опыту надындивидуального характера (и оправдание себя этим, как бы само-исповедь и самоотпущение грехов);
- апология;
- назидание;
- передача опыта и материалов для познания людей;
- создание или осуществление связей с социумом или группой, формулировка этих связей — их образ на протяжении различных этапов рассказываемой жизни;
- сообщение о своем времени, об истории практической повседневной жизни.

Отождествляя и смешивая «реальный» мир и мир, порожденный рассказом, человек надеется, что, благодаря магическому процессу повествования, можно подавить и преодолеть (или закрепить и развить) реальные последствия той или иной его личностной ситуации, в которой он оказался сейчас (возможно, благодаря всему прошлому

жизненному опыту). Самоопределение, элиминирование или изживание неприятностей, восстановление или усиление внутреннего равновесия, поднятие своего престижа в глазах других, подгонка себя под идеальный тип или раскрытие себя — эти и многие другие стимулы управляют решением писать воспоминания и самим процессом писания (рассказывания). Автобиограф, пишет он или рассказывает устно, пробует «овладеть тем, к чему каждый вынужден стремиться в повседневной жизни, чтобы обрести чувство осмысленности существования. ... Все те истории, что мы рассказываем друг другу, помогают нам жить, преодолевать случающиеся расстройства в непрерывном течении жизни, постоянно угрожающие нашему самосознанию в мире многообразных напряжений, где вдобавок особенностью новейшего ("постмодерного") развития оказывается расхождение (или даже отсутствие) ценностных систем»⁵⁰. Таким образом, воспоминания могут быть столь же ориентированы на самого автора и на его интересы, как и на общество и внешнюю аудиторию. Автобиография есть и сообщение, и лекарство, и инструкция, и консультация у самого себя.

Автобиография — и замкнутый (композиционно) документ, и разомкнутый (хронологически и содержательно), поскольку не может представлять заверченный жизненный путь. Автору ясно, что окончательные оценки его еще впереди, он же как собственный адвокат предоставляет пока лишь материалы для суда.

В автобиографии обычно пробуют найти «объективность» изображения «фактов исторической жизни», отбрасывая все остальное. Мы же видим теперь, что столь разнообразный спектр целей и задач, стоящих перед автобиографией как человеческим «персональным документом» и «персональным нарративом» в одно и то же время, этот спектр целей и задач порождает фантастическую сложность источника и его фантастическую интересность. Жизнь человеческая наблюдается и «итожится» самим действующим лицом спустя некоторое время. Мы имеем и «материалы дела», и «речи прокурора и адвоката», и «приговор суда», сами оказываясь или зрителями, или присяжными.

Автобиография — невероятно емкий и информативный источник, особенно если научиться задавать ей не только традиционные

⁵⁰ Бургос М. Указ. соч. С. 129.

вопросы историка-профессионала, но и нетрадиционные вопросы исторического антрополога и гендерного историка, исследователя интеллектуальной истории и и специалиста по частной жизни, историка детства и историка эмоционального мира. Это не только дополнительный источник о повседневной жизни и событиях личного и общественного опыта, но и текст, который может быть сам по себе источником по изучению историчности в изменениях памяти, развитию личностного начала и индивидуализма, материальной культуры и ментальности, исторического сознания, представлении о строении человеческой жизни и многого другого. Известный историк биографического жанра А. Момильяно писал, что автобиография — наиболее субъективный (исповедальный) способ самовыражения человека в источнике, но тем не менее она более исторична, чем биография. Мы очень нуждаемся, подчеркивал он, в таких «персональных документах», раскрывающих индивидуальное прошлое во взаимодействии с окружающим миром⁵¹. Через подобные документы историк сохраняет или воспитывает в себе, или даже с удивлением получает «заряд добросердечия» по отношению к тем людям, которыми он занимается, жизнь которых он исследует. Он вступает в диалог с таким же историком, но только с историком собственной жизни. Два профессионала ведут неспешный разговор, и неизвестно, кто из них может глубже проникнуть во внутренний мир конкретной личности.

Каковы основные принципы работы историка с автобиографией?

1. Принцип контекста, поскольку создание автобиографии и ее характеристики зависят от контекста и ситуации, в которые помещен автор.

2. Принцип признания аутентичности (стремления автора к правдоподобию).

3. Принцип двойной референциальности и тройного отражения (референциальность — нахождение чего-то за текстом; двойная референциальность — Я и мир сейчас и Я и мир «тогда», на момент того или иного рассказываемого события или периода; тройное отражение:

⁵¹ Momigliano A. The Development of Greek Biography. Cambridge, 1971; *Idem*. Ancient Biography and the Study of Religion in the Roman Empire // *Idem*. On Pagans, Jews, and Christians. Middletown, 1987.

«реальность» — «главный герой» — «рассказчик» — «автор» — «история (читатель)»).

4. Принцип релятивизации аутентичности (неразрывное единство «истины» и «выдумки» с перетеканием одного в другое).

5. Принцип ретроспекции (учет взгляда на всю историю жизни из одной временной и социально-ролевой точки).

6. Принцип уникальности и стереотипности (стереотипизация уникального и уникальность стереотипного).

Многие считают, что самая точная и достоверная история — это собственная история. Именно эта история помогает разрешить запутанные загадки человеческой жизни. Автобиографии часто так и рассматривают — как документальные памятники соответствующей эпохи, ее живые свидетельства, ценные тем, что они индивидуальны, что они открывают путь от одного сердца и ума к другому сердцу и уму. Но помимо информационной и эмфатической составляющих у автобиографии есть и литературная составляющая. Автобиография является литературным произведением и таким образом подчиняется законам литературного жанра. Следует изобразить личную историю как связанное целое, более логичное и целенаправленное, чем реально прожитая жизнь, со своей особой завязкой в детские и юношеские годы, кульминацией и развязкой в старости, когда чаще всего и пишутся воспоминания. Автор создает в произведении свое собственное время и пространство, сотканное из прошлого и настоящего. Поэтому автобиография иногда представляет собой переписанную и дописанную жизнь, приближающуюся к роману, в котором реальное перемешано с вымышленным. В целом можно сказать, что автобиография представляет собой одновременно и литературный и исторический текст, нечто, стоящее между литературным произведением и документом, между вымыслом и историей, между нарративом и опытом жизни.

Раздел II:

ТЕКСТЫ

ИЗВЛЕЧЕНИЯ*

Дошедшее до нас в одиннадцати рукописных списках анонимное сочинение, известное как «Извлечения Анонима Вalezия» и опубликованное Генрихом Вalezием в 1636 г., не представляет собой единого текста. Первая часть рукописи, традиционно называемая «*Origō Constantīni imperatoris*», представляет собой краткое изложение царствования Константина Великого (ум. 337), составленное, вероятно, языческим автором, жившим, как считается, не позднее Аммиана Марцеллина. Однако это произведение имеет интерполяции, представляющие собой отрывки из «Истории против язычников» Павла Орозия. Вторая часть, «*Theodericiana*», является христианской хроникой правления остготского короля Теодориха (ум. 526 г.), составленной вскоре после смерти Теодориха, предположительно в 30-е годы VI века. Так же, как и первая часть, она имеет вставки из «Жития святого Северина», сделанные на этот раз самим автором.

Перевод «Извлечений» выполнен В.М.Тюленевым по изданию: *Excerpta Valesiana / Rec. J. Moreau. Leipzig, 1968.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА

I (1) Диоклетиан в течение двадцати лет правил вместе с Максимианом Геркулием. Констанций, внучатый племянник славного императора Божественного Клавдия, был сначала протектором, затем трибуном, после чего стал президом Далмации. Диоклетиан провозгласил его, как и Галерия, цезарем. Тогда Констанций оставил первую жену Елену и взял в супруги дочь Максимиана Феодору, от которой обрел впоследствии шестерых детей, братьев [и сестер] Константина. Ведь еще от первой жены Елены он имел сына Константина, который позже стал могущественнейшим императором.

* Перевод выполнен при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (Проект № 00-06-80215).

II (2) Этот Константин, рожденный матерью-простолюдинкой Еленой в крепости Наиссе¹ и там выросший (позже по этой причине он был весьма щедр в отношении этого городка), не слишком сведущий в науках, был заложником у Диоклетиана и Галерия и под их началом храбро сражался в Азии. После отречения от власти Диоклетиана и Геркулия Констанций потребовал от Галерия возвращения [сына]. Однако Галерий подверг того прежде многочисленным испытаниям.

(3) Однажды во время войны с сарматами [Константин], будучи молодым всадником, привел к ногам императора Галерия захваченного [в бою] дикого варвара, держа того за волосы. Позже, отправленный Галерием, он, продвигаясь на своем коне через болото, проложил остальным [воинам] дорогу на сарматов; когда же многие из тех [варваров] были повержены, он принес победу Галерию.

(4) Тогда Галерий отпустил его к отцу. Константин, чтобы избежать встречи с Севером, держа путь через Италию, со всей поспешностью, убивая следом почтовых лошадей, прибыл, перейдя Альпы, к отцу Констанцию в Бононию², которую галлы прежде называли Гезориаком. После же победы над пиктами отец Констанций принял смерть в Эбораке³, а Константин с общего согласия воинов был провозглашен цезарем.

III (5) Между тем [уже] были провозглашены два цезаря, Север и Максимин; Максимину была отдана власть над Востоком, Галерий взял себе Иллирик, Фракию и Вифинию. Север принял Италию и все, чем прежде владел Геркулий.

(6) Вскоре после того как в Бриттании⁴ скончался Констанций, и ему наследовал сын Константин, преторианские воины провозгласили в Риме императором Максенция, сына Геркулия. Но на Максенция, по приказу Галерия, вел войско Север. Неожиданно он [Север] был оставлен всеми своими [солдатами] и бежал в Равенну. Тогда к Риму, угрожая городу уничтожением, с огромным войском подошел Галерий и разбил в Интерамне на Тибре лагерь.

¹ Совр. Ниш.

² Совр. Болонья.

³ Совр. Йорк.

⁴ Сохраняется принятое в рукописи написание Британии через двойное «т».

(7) После этого он отправил к городу посланников Лициния и Проба, требуя на переговорах, чтобы зять у тестя, то есть Максенций у Галерия, добивался желаемого скорее мольбами, нежели силой оружия. [Вскоре] этот презренный [Галерий] узнал, что многие [воины], соблазненные обещаниями Максенция, оставили его сторону. Ошеломленный их поступком, он повернул прочь [от города], и чтобы дать своим войнам хоть какую-то добычу, приказал им опустошить все вдоль Фламиниевой [дороги].

(8) Когда тот [Максимиан] бежал к Константину, Галерий провозгласил в Иллирике цезарем Лициния. Затем, оставив того в Паннонии, он, возвратившись в Сердику⁵, настолько был испелен тяжким недугом, что, когда обнажились и истлели его внутренности, он умер в наказание за ужаснейшее гонение, тогда справедливейшая кара обрушилась на автора злодейского предписания. Правил он девятнадцать лет.

IV (9) Цезарь Север был прост как нравами, так и происхождением, он был пьяницей и через это [приходился] другом Галерию. И вот его, а также Максимиана, Галерий провозгласил цезарями, хотя Константин ничего подобного не признавал. Этому Северу отошли города Паннонии, Италии и Африки. После его падения императором стал Максенций: в самом деле, покинутый своими [воинами] Север бежал в Равенну.

(10) По призыву сына, Максенция, туда подступил Геркулий, который, обманув через клятвопреступление Севера, заключил его под стражу; на положении пленника он привез его в город, и держал под арестом на государственной вилле в тридцати милях по Аппиевой дороге. Когда же на Италию двинулся Галерий, [Севера] зарезали и, перенеся затем на восьмую милю [той дороги], похоронили в склепе Галлиена.

(11) Что касается Галерия, то был он таким пьяницей, что, бывало, нетрезвым он приказывал делать то, чего совершать не следовало бы, потому, по совету префекта, он определил, чтобы никто не выполнял его приказаний, [отданных] после трапезы.

(12) Между тем Константин, одержав под Вероной верх над полководцами тирана [Максенция], устремился на Рим. И вот, когда

⁵ Совр. София.

Константин подошел к городу, вышедший за стены Рима Максенций выбрал для сражения поле за Тибром. Там, потерпев поражение, когда все его [воины] обратились в бегство, он, сдавленный бегущей толпой, погиб и был низверженный в реку вместе с конем. На следующий день тело его вытащили из реки, а отрезанную от него голову доставили в город. Насколько известно о его происхождении, мать его была, очевидно, сирийкой. Правил он <шесть> лет.

V (13) Итак, Галерий провозгласил императором Лициния, [выходца] из новой Дакии, [человека] весьма скромного происхождения, в надежде, что тот будет вести войну против Максенция. Когда же Константин, одержав верх над Максением, захватил Италию, он заключил с этим Лицинием договор о союзе, при этом Лициний в Медиолане⁶ взял в жены сестру Константина Констанцию. После того как свадьба была справлена, Константин вернулся в Галлию, а Лициний отправился в Иллирик.

(14) Минуло достаточно много времени, когда Константин отправил к Лицинию Констанция, побуждая провозгласить цезарем Бассиана, чьей женой была Анастасия, другая сестра Константина, чтобы, по примеру Диоклетиана и Максимиана [Геркулия], Бассиан получил в обладание в центре, между Константином и Лицинием, Италию.

(15) Когда же Лициний расстроил это с помощью брата Бассиана Сенициона, который был предан Лицинию, Бассиан ополчился на Константина. Однако, схваченный при попытке покушения, он был изобличен и, по приказу Константина, убит. Когда Константин стал требовать выдачи Сенициона, автора козней, для наказания, а Лициний отказал [в этом], согласие их было надломлено; когда же к этому прибавились еще и другие события (так, в Эмоне⁷ были разрушены изображения и статуи Константина), оба [императора] перешли к [открытой] войне.

(16) Оба привели войска на Кибаленское поле⁸. У Лициния было тридцать тысяч пехоты и конницы, Константин вел за собой двадцать тысяч пехоты и конницы. По завершении жестокого сражения, в котором у Лициния было убито двадцать тысяч пехотинцев и конных вои-

⁶ Совр. Милан.

⁷ Совр. Любляны в Словении.

⁸ Кибал — город в Нижней Паннонии.

нов, частью закованных в железо, с большим отрядом всадников под покровом ночи Лициний бежал в Сирмий⁹.

(17) Забрав оттуда жену, сына и сокровищницу, он устремился в Дакию. Валента, дукса лимитанов¹⁰, он провозгласил цезарем. И вот когда близ Адрианополя, города Фракии, с помощью Валента было собрано внушительное войско, [Лициний] отправил к Константину, находившемуся в Филиппах¹¹, послов для переговоров о мире. Когда они возвратились ни с чем, война возобновилась; обе армии сошлись на поле Ардиенс; после тяжелого и продолжительного сражения, когда части Лициния были сломлены, лишь ночная мгла укрыла его.

(18) Лициний и Валент, полагая, и совершенно справедливо, что Константин, преследуя их, дойдет до Византии¹², ушли, изменив путь в область Берея¹³. Константин же, устремившийся в другом направлении, [вдруг] обнаружил, что Лициний остался за спиной. Когда армии были истомлены сражениями и маршами, отправленный, наконец, в качестве посла Местриан начал искать мира, о котором просил Лициний, обещавший выполнить любые условия. Вновь, как и прежде, было решено, что Валент станет частным человеком: этим был закреплен обоюдный мир; в то время Лициний занимал Восток, Азию, Фракию, Мезию и Малую Скифию.

(19) Затем Константин, вернувшись в Сердику, без участия Лициния решил, что его [Константина] сыновья Крисп и Константин, а также сын Лициния Лициниан станут цезарями, чтобы царствовать в обоюдном согласии. Тогда же Константин и Лициний оба стали консулами.

(20) В консульство Константина и Лициния в областях Востока охваченный внезапным бешенством Лициний приказал изгнать из дворца всех христиан. И в скором времени между Константином и Лицинием разгорелась война.

(21) И в то же время, пока Константин пребывал в Фессалонике¹⁴, готы, презрев границы, вторглись в [Империю] и, опустошив

⁹ Совр. Сремска-Митровица

¹⁰ Начальник пограничных войск.

¹¹ Город в Македонии на границе с Македонией.

¹² Совр. Стамбул.

¹³ Город к северо-востоку от совр. Пловдива.

¹⁴ Совр. Салоники в Греции на берегу Эгейского моря.

Фракию и Мезию, принялись стяжать добычу. После этого, уstraшенные Константином и остановленные его силой, они, выпросив мира, возвратили назад пленников. Однако Лициний роптал на то, что это сделано вопреки справедливости, ибо области его были присвоены другим.

(22) Впоследствии [Лициний], то изъявляя покорность, то выражая надменность, возбудил гнев Константина. В течение же того времени, когда еще не велась гражданская война, но шла ее подготовка, Лициний явил ужасную алчность и жажду насилия, в результате чего многие поплатились жизнью из-за своего богатства, а жены их испытали бесчестье.

(23) И вот, когда мир, как с той, так и с другой стороны, был разорван, Константин на захват Азии направил с огромным флотом цезаря Криспа, которому со стороны Лициния противостоял с кораблями Аманд.

(24) Лициний же наполнил огромной армией крутые склоны горы вблизи Адрианополя. Туда направился со всем [своим] войском Константин. И вот, когда сражение развернулось и на земле и на море, сколь бы ни изоблиловали войска [Лициния] по всему склону, все же Константин благодаря военному искусству и удаче привел в беспорядок [армию] Лициния и одержал победу над беспорядочно бегущим войском, получив [при этом] незначительную рану в бедро.

(25) Пустившийся в бегство Лициний устремился к Византию; туда же стягивались и его рассеянные [после битвы] войска; заперев Византий и обрета покой, Лициний блокировал землю с моря. Однако Константин собрал во Фракии флот. В то время Лициний, с присущей ему кичливостью, провозгласил цезарем Мартиниана.

(26) Когда в Каллиполь¹⁵ с флотом прибыл Крисп, в морском сражении он такую там одержал победу над Амандом, что лишь благодаря тем, кто оставался на берегу, Аманд смог избежать смерти. Флот же Лициния частью был потоплен, частью захвачен [победителем].

(27) Лициний, утратив надежду [взять верх] на море, где мнил себя властелином, бежал с сокровищницей в Халкедон¹⁶. Константин тем временем вступил в Византий, где узнал от прибывшего Криспа о

¹⁵ Город на европейском берегу Дарданелл, совр. Гелиболу в Турции.

¹⁶ Город на азиатском берегу Босфора Фракийского.

морской победе. Затем Лициний сражался при Хрисополе¹⁷, в основном с помощью готов, которых привел царственный Алика. Одержавшая там верх партия Константина уничтожила двадцать пять тысяч воинов неприятельской партии, в то время как остальные обратились в бегство.

(28) Затем, увидев, что на либурнах приближаются легионы Константина, они, побросав оружие, сдались. На следующий день в лагерь брата прибыла Констанция, сестра Константина и жена Лициния, она вымаливала жизнь супругу и выпросила [ее]. В итоге, Лициний стал частным [человеком] и был приглашен на пир Константина, так же была сохранена жизнь Мартиниану.

(29) Лициний был отправлен в Фессалонику; однако наученный примером своего тестя Геркулия Максимиана [Константин], боясь, как бы [Лициний], не принял вновь на погибель государства сорванный [с него] пурпур, когда воины намеревались поднять смуту, приказал убить его в Фессалонике, Мартиниана же [убили] в Каппадокии. Лициний правил девятнадцать лет [и умер], оставив [после себя] сына и жену. И вот, когда все пособники нечестивого гонения были уже повержены, достойное, насколько это было возможным, наказание достигло и этого преследователя.

VI (30) Константин же в память о замечательной победе нарек в свою честь Византий Константинополем. Его он украсил, словно родину, с великой заботой и хотел сделать равным Риму: он одарил его многими богатствами, нажитыми подданными, так что истратил на него почти все запасы императорской казны. Там же он учредил сенат из [мужей] второго сословия: он называл их сиятельными.

(31) Затем [Константин] начал войну против готов и оказал помощь слезно молившим [об этом] сарматам. И вот, в результате действий цезаря Константина от голода и холода погибло около ста тысяч [готов]. Тогда же он захватил заложников, среди которых — сына короля Ариариха.

(32) Далее, заключив с готами мир, он обратился [взоры свои] к сарматам, которые показали себя незаслуживающими веры. Но [в это время] все рабы сарматов восстали на господ, и Константин охотно

¹⁷ Совр. Скутари на азиатском берегу Босфора.

принял изгнанных [сарматов] и более трехсот тысяч их разного пола и возраста расселил во Фракии, Скифии, Македонии и Италии.

(33) Этот Константин был первым христианским императором, за исключением Филиппа, который еще до Константина был настолько, как мне представляется, расположен к христианству, что тысячный год Рима посвятил более Христу, нежели идолам. После Константина же все императоры вплоть до нынешнего времени были христианами, за исключением Юлиана, которого, как говорят, пагубная и нечестивая жизнь оставила в тот момент, когда он замышлял [что-то нечистое].

(34) Этот Константин обратил [сарматов] к справедливому и благочестивому порядку. И если даже он эдиктом определил закрывать храмы язычников, то без какого-либо убийства людей. Затем он уничтожил могущественнейшее и богатейшее племя готов в самом лоне варварской земли, то есть в области сарматов.

(35) На Кипре он захватил некоего Калокера, замыслившего переворот. Далмация, сына своего брата Далмата, он сделал цезарем. Его брата Аннибалиана, отдав ему [в жены] Констанцию, дочь свою, он провозгласил царем царей и [правителем] понтийских областей. В Галлиях же правил Константин Младший, на Востоке — цезарь Констанций, в Иллирике и Италии — Констант, готский берег оберегал Далмаций. Константин, когда готовил военный поход в Персию, передав прекрасно устроенное государство сыновьям, завершил дни свои в константинопольском предместье на государственной вилле неподалеку от Никомедии. Правил он тридцать один год. Погребен был в Константинополе.

ЧАСТЬ ПОСЛЕДНЯЯ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ТЕОДЕРИХА

VII. (36) В то время, когда в Константинополе правил Зенон, патрикий Непот, прибывший в Порт города Рима¹⁸, лишил власти Глицерия, который стал епископом, а Непот стал императором Рима. Потом он прибыл в Равенну: его преследовал с войском патрикий Орест; опасаясь нападения Ореста, Непот, поднявшись на корабль,

¹⁸ Город в устье Тибра.

бежал в Салону¹⁹ и оставался там пять лет, позже он был убит своими [людьми]. Вскоре после его бегства императором стал Августул. Августул правил десять лет.

(37) Августул, который до получения власти именовался родителями Ромулом, был провозглашен императором, [собственным] отцом, патриkiem Орестом. Пришедший же с родом скиров Одоакр убил патрикия Ореста в Плакенции²⁰, а брата его Павла [убил] близ Пинеты²¹ за пределами Классиса Равенны²².

(38) Вступив в Равенну, [Одоакр] лишил власти Августула; но, пожалев его из-за малого возраста и, тронутый его красотой, сохранил ему жизнь, и, дав ему содержание в шесть тысяч солидов, отправил в Кампанию свободно жить со своими родственниками. Отцом же его был Орест Паннонийский, который в свое время, когда Аттила вторгся в Италию, сблизился с ним и стал его нотарием. После этого он также преуспевал и достиг, наконец, звания патрикия.

IX (39) И вот после того, как Зенон сыном своим Львом [Младшим], рожденным [им] от дочери [императора] Льва по имени Ариагна²³, был провозглашен императором, он правил со своим сыном один год, а после смерти Льва Зенон остался единственным правителем. Итак, Зенон, процарствовав с сыном лишь год, правил потом еще четырнадцать лет. Был он высокороднейшим среди исавров, достойным получить [в жены] императорскую дочь, и [мужем], закаленным в войнах.

(40) Рассказывают о нем, что, не имея чашечек в коленях, в беге он был настолько стремителен, что передвигался быстрее, чем это свойственно человеку, в делах же государственных был крайне предусмотрителен и всегда покровительствовал народу своему.

(41) Против него стал строить козни Василиск, первый из сенаторов. Узнав об этом, Зенон, захватив с собой некоторые драгоценности, бежал в Исаврию. И как только он удалился, Василиск, который, как было сказано, стал строить козни, захватил власть.

¹⁹ Совр. Сплит в Югославии.

²⁰ Совр. Пьяченца.

²¹ Сосновый бор в трех милях от Равенны.

²² Часть Равенны.

²³ Ариадна.

(42) Василиск правил два года. Зенон, вооружив жителей провинции Исаурия, направил [посланцев] к городу Нова²⁴, где пребывал Теодерих, вождь готов, сын Валамериха, и призвал его на помощь против Василиска. Двинув войско, [Зенон] через два года [после своего бегства] подступил к Константинополю и осадил город.

(43) Поскольку же сенат и народ боялись, как бы Зенон не причинил городу какого-либо вреда, они, покинув Василиска, все сдались [Зенону], отворив [ворота] города. Василиск бежал в церковь и укрылся вместе с женой и детьми внутри баптистерия. Но когда Зенон поклялся ему, что не прольет его крови, тот вышел и был заключен вместе с женой и детьми в пустой резервуар [для воды], где они и погибли от холода.

(44) Зенон вновь обрел любовь сената и народа и проявил себя по отношению ко всем настолько щедрым, что каждый был ему благодарен. Он заботился и о римском сенате и народе, так что в различных местах города Рима ему воздвигли статуи. Времена его были мирными.

X (45) И вот Одоакр, о котором мы упомянули выше, лишив Августула императорской власти, провозгласил себя королем и оставался у власти тринадцать лет. Его отец носил имя Эдикон, об [Одоакре] известно по книгам «Жития блаженного монаха Северина из Паннонии», этот [монах] увещевал его и предсказал ему будущее царствование.

(46) Обратись же к отрывку: «Когда некие варвары, отправлялись на Италию, они, ища благословения, взором своим обратились к [Северину]. В числе их пришел и Одоакр, который впоследствии царствовал в Италии, юноша скромного облика и высокого роста, который, пока не коснулся макушкой своей головы потолка его невысокой хижины, не наклонился; от мужа божьего он узнал, что достигнет славы. На его приветствие [Северин] ответил: “Иди на Италию, иди, покрытый ныне наискромнейшей шкурой, но впоследствии многим многое давший”».

(47) И вот, как и предсказывал ему прислужник божий, он вскорее вторгся в Италию и обрел королевскую власть. В то же время король Одоакр, вспомнив, какое предсказание услышал от мужа святого,

²⁴ Город при впадении Олта в Дунай.

направил к нему письмо, исполненное дружеского расположения, [обещая], если у того есть какое-либо желание, смиренно исполнить его. Муж же божий, побуждаемый такими словами его письма, попросил освободить некоего Амвросия, жившего в изгнании. Одоакр с радостью повиновался его повелению.

(48) Итак, король Одоакр вел войну против ругов, которых дважды победил и полностью уничтожил. Он был [исполнен] доброй воли и питал благоволение к арианской секте; однажды, когда многие высокородные [варвары] восхваляли упомянутого короля перед святым мужем, исполненные, как это бывает, угодливости, тот [муж] спросил, какого короля наградили они такой хвалой. Когда те ответили: «Одоакра», — он сказал: «Невредим Одоакр между тринадцатым и четырнадцатым», — ясно указывая годы его незыблемого царствования.

XI (49) Зенон воздал благодарность Теодериху, сделав его патриkiem и консулом, богато одарил его и отправил в Италию. Теодерих договорился с ним, что, если Одоакр будет побежден, то, как только это произойдет, в награду за труды свои он [Теодерих] станет царствовать вместо Одоакра. И вот, когда патрикий Теодерих пришел вместе с племенем готов из города Нова, он был послан императором Зеноном из областей Востока на завоевание для себя Италии.

(50) Навстречу ему к реке Сонций²⁵ спешил Одоакр, который сразившись там с Теодерихом, был побежден, бежал, отступил к Вероне, и в пятые календы октября²⁶ разбил лагерь на малом веронском поле. Но там настиг его Теодерих, и в состоявшейся битве многие пали и с той и с другой стороны; Одоакр был повержен и бежал в Равенну в канун октябрьских календ²⁷.

(51) А патрикий Теодерих направился в Медиолан, и [там] сдалось ему множество воинов Одоакра, в том числе и Туфа, которого Одоакр назначил военным магистром. В апрельские календы²⁸ того же года военный магистр Туфа вместе со своими лучшими [людьми] был послан Теодерихом против Одоакра, укрепившегося в Равенне.

²⁵ Совр. Изонцо.

²⁶ 27 сентября 489 г.

²⁷ 30 сентября 489 г.

²⁸ 1 апреля 490 г.

(52) Прибыв в Фавенцию²⁹, Туфа со своим войском осадил [там] Одоакра; ведь Одоакр вышел из Равенны и прибыл в Фавенцию; и Туфа передал Одоакру комитов патрикия Теодериха, которых заковали в железо и отправили в Равенну.

(53) [Консульство] Фауста и Лонгина.

В их консульство король Одоакр покинул Кремону и направился в Медиолан. Тогда на помощь Теодериху пришли визиготы, и произошла битва на реке Аддуге³⁰ в третьи иды августа³¹, и с той и другой стороны там пало множество [воинов], в том числе и комит доместиков³² Пиерий; Одоакр бежал в Равенну, а патрикий Теодерих, преследуя его, достиг Пинеты, разбил там лагерь, и осаждал Одоакра, запертого в Равенне, в течение трех лет; модий пшеницы стал [стоять там] шесть солидов. [В это время] Теодерих отправил к императору Зенону легата Феста, главу сената, надеясь получить для себя царское облачение.

(54) [Консульство] Оливрия.

Случилось, что в [год] его консульства король Одоакр покинул ночью Равенну, напав с герулами на Пинету, на лагерь патрикия Теодериха, и пали воины и с той и с другой стороны, тогда же в реке Бедент, спасаясь бегством, погиб военный магистр Одоакра Левила; побежденный же Одоакр бежал в июльские иды³³ в Равенну.

(55) Одоакр вынужден был отдать Теодериху в качестве заложника своего сына Телана в обмен на обещание сохранить свою жизнь. Теодерих поступил так: спустя несколько дней, в течение которых Одоакр замыслил против него заговор, Теодерих изобличил его сначала перед собравшимися во дворце, а затем, когда тот пришел в лавровую рощу, собственноручно убил его мечом.

(56) В тот же день, по приказу Теодериха, все из его войска были перебиты, был уничтожен всякий, где бы его ни схватили.

XII (57) Когда в Константинополе умер император Зенон, императором стал Анастасий. Теодерих же, который отправил Фауста Нигера к с посольством Зенону, как только стало известно о смерти им-

²⁹ Совр. Фавенца к юго-западу от Равенны.

³⁰ Или Адда, левый приток По, к востоку от Милана.

³¹ 11 августа 490 г.

³² Начальник гвардии.

³³ 15 июля 491 г.

ператора, но еще не возвратилось посольство, прибыл в Равенну и убил Одоакра; [тогда] готы объявили своим королем Теодериха, не дожидаясь предписания нового императора.

(58) Ведь он был мужем весьма воинственным и храбрым: все же его родным отцом был король готов, звавшийся Валамиром, а мать его была католичкой, по-готски ее звали Эрериливой, а в крещении она звалась Евсевией.

(59) Итак он был замечательным [правителем] и ко всем он был исполнен доброй воли, и правил тридцать три года. В его времена на тридцать лет в Италии установилось такое благополучие, что мир продолжался и после.

(60) Он не совершал ничего превратного. Так он правил двумя народами, римлянами и готами, как одним; несмотря на то, что сам он принадлежал к аррианской секте, он ничего не помышлял против католической религии, так что римляне именовали его [вторым] Траян-ном или Валентинианом, временам которых он неуклонно следовал, а готы после [издания им] эдикта, по которому определялось право, считали его самым деятельным королем. Он предписал, чтобы у римлян было оружие как во времена принципсов. Щедро раздавая дары и съестные припасы, устраивая зрелища в цирках и амфитеатрах, он доводил казну до полного разорения, но усердием своим восстанавливал ее и наполнял богатством.

(61) Несмотря на то, что он был неграмотен, был он настолько мудр, что некоторые из его изречений, до сих пор ходят в народе как пословицы: потому нам не трудно будет некоторые из его изречений привести здесь по памяти. Он говорил: «Кто завел дружбу с золотом или бесом, не сможет от них избавиться». А так же: «Жалкий римлянин подобен готу, разумный же гот подобен римлянину».

(62) Однажды умер некий человек и оставил после себя жену и малолетнего сына, который не различал еще своей матери. Сын его малолетний был принят каким-то незнакомцем, увезен в другую провинцию и там вырос. Достигнув юношеского возраста, он возвратился к матери. Мать же в то время была помолвлена с неким мужем. Когда мать увидела [сына], она обняла его, возблагодарив Бога за то, что сын ее вернулся. И провел он с ней тридцать дней. Когда же пришел жених матери, он, увидев юношу, спросил, кто он. Та ответила, что это сын ее. Когда же он узнал, что это сын ее, начал требовать назад [сва-

дебный] залог и говорить: «Или признай, что это не твой сын, или я уйду отсюда». Женщина, движимая обетом, принялась отрекаться от сына, которого недавно сама признала, и стала говорить: «Ступай, юноша, из дома моего, так как приняла я тебя как странника». Тот же сказал, что он возвратился к матери в дом отца своего. Что дальше? Когда это все произошло, сын обратился к королю [с жалобой] на мать, которую король приказал привести к себе. И сказал он ей: «Женщина, сын твой на тебя жалуется. Что скажешь? Твой это сын или нет?» Она сказала: «Не мой это сын, но приняла его как странника». Когда сын, следуя общему порядку, изложил все королю, тот вновь спросил женщину: «Твой это сын или нет?» Она сказала: «Это не мой сын». И говорит ей король: «А каково состояние твое, женщина?» Та ответила: «Почти тысяча солидов». Тогда король решил, что женщина должна поклясться не принимать никакого другого мужа, кроме как этого [юноши], тогда женщина смутилась и признала, что это ее сын. Были и другие многие истории, связанные с этим [королем].

(63) Впоследствии [Теодерих] получил от франков жену по имени Аугофлада. До воцарения он имел уже жену, от которой получил дочерей: одну, по имени Ареагна, он отдал [в жены] Алариху, королю визиготов в Галлии, а вторую свою дочь Теодеготу отдал Сигизмунду, сыну короля Гундебада.

(64) Когда Теодерих с помощью Феста заключил с императором Анастасием мир относительно получения власти, он возвратил все дворцовые украшения, которые Одоакр переправил в Константинополь.

XIII (74) В то самое время император Анастасий имел трех племянников, а именно Помпея, Проба и Ипатия. Размышляя, кого из них оставить после себя императором, он приказал однажды, чтобы они отведали вместе с ним пищу, а затем предались бы послеобеденному сну, и для того распорядился приготовить для каждого во дворце отдельное ложе. В изголовье одного ложа он повелел положить царский знак, и по тому, кто из них выберет это ложе для отдыха, он сможет определить, кому отдать впоследствии власть. Один из них возлег на одно ложе, двое же других из братской любви легли вместе на втором ложе. И получилось так, что то ложе, где был спрятан царский знак, оказалось не занятым.

(75) Когда он увидел это, поразмыслив, он решил, что никто из них не будет править и начал молить Бога, чтобы Он послал ему откровение: каким образом он может узнать, пока еще жив, кто после кончины его примет власть. Он размышлял об этом, воздерживался от пищи и молился; и однажды ночью увидел он во сне человека, который сказал ему следующее: «Первый, о ком тебе будет сообщено завтра в покоях, и примет после тебя власть твою».

(76) Так случилось, что Юстин, комит экскувитов³⁴, сразу по прибытии, направился к императору, о приходе его сообщил препозит [священной] опочивальни³⁵. Когда [император] узнал об этом, он вознес благодарность Богу за то, что указал ему достойного наследника.

(77) И хотя [император] держал это в тайне, однажды, когда он вышел [к собравшимся], Юстин, спеша выразить почтение, хотел обойти императора сбоку и невольно наступил на его хламиду.

(78) На это император лишь сказал ему: «Куда ты спешишь?» В конце же правления и жизни [Анастасий] был искушен дьяволом и возжелал следовать евномианской секте; благоверный народ удерживал его, крича в его адрес: «В Троицу копий не бросай!» Спустя некоторое время на ложе своем, охваченный недугом, он завершил последние дни свои в городе Константинополе.

XIV (79) Так вот, Теодерих был неграмотен и настолько груб умом, что за десять лет своего правления так и не смог научиться писать четыре буквы, чтобы подписывать свои эдикты. Поэтому он приказал изготовить золотую пластину с вырезанными в ней четырьмя буквами LEGI³⁶, и когда он хотел что-то подписать, то, положив таблицу на лист, водил по ней, в результате чего на листе оставалась его подпись.

(80) И вот Теодерих, когда консульство получил Евтарих, провел триумфы в Риме и Равенне. Этот Евтарих был весьма суров и враждебен к католической вере.

(81) В то время, как Теодерих пребывал в Вероне, из-за неприязни народов произошла распря между христианами и иудеями Равенны, поскольку иудеи, не желая креститься, неоднократно, насмехаясь, выплевывали облатки в воду реки. Это возмутило народ, который,

³⁴ Начальник императорской гвардии.

³⁵ Евнух, ведавший личными покоями императора.

³⁶ LEGI (лат.) — рассмотрел, прочитал.

забыв уважение и к королю, и к Евтариху, и к Петру, бывшему тогда епископом, восстал на синагоги и сжег их. Подобные события произошли и в Риме.

(82) Иудеи бежали в Верону, где пребывал король, и обратились к Тривану, препозиту [священной] опочивальни, и этот еретик, благоволивший иудеям, представил все случившееся не в пользу христиан. Король тут же ради предотвращения пожаров приказал, чтобы все жители Рима и Равенны, собрав деньги, восстановили сожженные синагоги; те же, кто ничего не могли дать, должны были подвергнуться, по слову глашатаых, публичному позору. Предписание было дано Евтариху, который довел его до Киллиги и епископа Петра; так и было все исполнено.

(83) Именно тогда дьявол нашел путь, чтобы захватить в сети человека, без вреда управлявшего государством. Так, [Теодерих] приказал разрушить [в местечке, называемом] «У Источников», неподалеку от Вероны, молельню, то есть алтарь, святого Стефана. Кроме того, чтобы никто из римлян не использовал оружия, он запретил [его ношение], это касалось даже небольших ножей.

(84) Тогда же одна неимущая женщина из народа готского, лежа под колоннадой неподалеку от равеннского дворца, произвела на свет четырех драконов. Люди видели, как двое из них пролетели среди облаков с запада на восток и низверглись в море, двое же передвигались, имея одну голову. Так же появилась звезда с факелом, называемая кометой, висевшая [в небе] на протяжении пятнадцати дней. И часты были землетрясения.

(85) После этого король то и дело воспламенялся против римлян, обретя лишь к этому повод. Киприан, бывший тогда референдарием, кроме того комитом священных щедрот и магистром, движимый честолюбием, обвинил патрикия Альбина в том, что тот послал, якобы, письмо императору Юстину, направленное против власти короля. Будучи вызван [во дворец], он отказался от содеянного, тогда патрикий Боэций, бывший тогда магистром официий, в присутствии короля сказал: «Заявление Киприана — ложь, но если Альбин сделал [подобное], то и я и весь сенат подобное замыслили; это ложь, господин король».

(86) Тогда Киприан, придя в смятение, привел ложные свидетельства не только против Альбина, но и против Боэция, защитника

его. Король же, внимая коварству римлянина, расспросил его, и на основании его [ответов] приказал тех убить, больше поверив ложным свидетельствам, нежели сенаторам.

(87) Тогда Альбин и Боэций были отправлены под стражу в церковный баптистерий. Король же вызвал к себе Евсевия, префекта города Тицина³⁷, и, не выслушав Боэция, сообщил [префекту] о своем решении [в отношении арестованного]. Вскоре в местечке Кальвенциане, где [Боэций] находился в заточении, он был убит самым жестоким образом. Когда ему в течение долгого времени затягивали на лбу струну, он настолько мучился, что глаза его лопнули, окончательно же он был убит палкой во время пытки.

XV (88) И вот король возвратился в Равенну и правил не как ревнитель Бога, но как противник закона Его, забыв все Его милости и благодеяния, которые Он оказал ему. Полагаясь на силу свою и думая, что император Юстин боится его, вызвал в Равенну настоятеля апостольского престола Иоанна и сказал ему: «Поезжай в Константинополь к императору Юстину и скажи ему среди прочего, чтобы он ни в коем случае не принимал в католическую веру примирившихся [с нею] еретиков».

(89) Папа Иоанн ответил ему: «Делай, король, то, что намеревался скорее: я пред тобой стою. Но я не обещаю тебе того, что исполню последнее, и Юстину этого не скажу. Другое же, что ты поручишь мне, я смогу, коль позволит Бог, добиться от него».

(90) И вот король, полный гнева, приказывает снарядить корабль и посадить на него [Иоанна] с несколькими епископами, а именно с епископом церкви равеннской, Евсевием Фенестрийским, Сабинном Кампанийским и двумя другими, а также присоединить к ним сенаторов Теодора, Импортунa, Агапита и другого Агапита. Бог же, не покидающий верных своих почитателей, благополучно довел [корабль до места].

(91) Император Юстин так спешил навстречу прибывшему [в Константинополь] Иоанну, как если бы это был сам блаженный Петр. Когда [императору] было передано содержание посольских поручений, он обещал все исполнить, но никоим образом не мог он прими-

³⁷ Совр. Павия.

рившихся [еретиков], которые предали себя вере католической, вернуть арианам.

(92) Пока же все это происходило, Симмах, глава сената, чья дочь была женой Бозция, перебрался из Рима в Равенну. Король же, испугавшись, что тот, скорбя по зятю, затеял нечто против его власти, приказал его убить, [предварительно] выдвинув против него обвинение.

(93) И вот, папа Иоанн вернулся от Юстина. Теодерих принял его без радости и сообщил ему, что тот у него в немилости. Через несколько дней Иоанн умер. [Во время похорон] люди шествовали впереди его [тела]. И вдруг один [человек] из толпы, будучи одержим демоном, упал [замертво], но как только погребальное ложе, на котором несли [тело Иоанна], приблизился к нему, тот человек встал в полном здравии и пошел с похоронной процессией. Увидев это, народ и сенаторы принялись освобождать мощи [Иоанна] от одежд его. И исполненные радости люди вынесли тело его за город.

XVI (94) Симмах же схоластик-иудей, по приказу не короля, но тирана, в четвертый день недели, в седьмые календы сентября³⁸, в четвертый индиктион³⁹, в консульство Оливрия составил предписание, чтобы в предстоящий день господень⁴⁰ ариане присвоили себе католические базилики.

(95) Но Тот, кто не допускал, чтобы притеснялись верные почитатели Его, вскоре вынес этому [Теодериху] приговор, подобный Арию, основоположнику религии его: случилось с ним недержание стула, и на протяжении трех дней он [без конца] опоражнивался, и в тот же самый день, когда он радовался, что захватил церкви, утратил он и власть и душу.

(96) Но прежде чем испустить дух, он предоставил власть своему внуку Аталариху. Он соорудил себе, пока был жив, усыпальницу из отделанного камня, сооружение удивительной величины, и отыскал [для него] огромную глыбу, которую положил сверху.

³⁸ 25 августа.

³⁹ 526 г.

⁴⁰ Воскресенье.

ХРОНОГРАФИЯ*

Иоанн Малала, автор эпохи Юстиниана Великого (527–565 гг.), выходец из Антиохии Великой в Сирии, написал всемирную хронику от Адама до императора Юстиниана, получившую название «Хронографии». Сочинение Иоанна Малалы послужило основой для последующих византийских, а затем и славянских хроник. Содержание восемнадцати книг «Хронографии» распадается на две части. Первая дохристианская часть всемирной истории Малалы является повествованием о распространении идеи Бога среди народов античной ойкумены. Вторая часть—это история распространения христианской религии в античном и византийском мире. Семнадцатая книга, посвященная императору Юстину Старшему (годы правления — 518–527 гг.), как сообщает Иоанн Малала во Вступлении, написана на основе устных свидетельств современников. Перевод выполнен Л. А. Самуткиной по изданию: *Joannis Malalae Chronographia* / Rec. L. Dindorf. Bonn, 1831.

Книга XVII

518 г.¹ [Р. 410] После царствования Анастасия воцарился божественнейший Юстин, фракиец из Ведерианы, в консульство Магна, девятого [числа] июля месяца одиннадцатого индиктиона; войско охранявших дворец экскувитов вместе с народом по велению Бога, короновав его, сделало царем, ибо он был комитом экскувитов. Царствовал же [он] девять лет и двадцать два дня. Он был невысокого роста, широкогрудый, с седыми кудрявыми волосами, с красивым носом, румяный, благообразный, опытный в военных делах, честолюбивый, но безграмотный. Как только он воцарился, он убил своего препозита Амантия, своего кувикулярия Андрея Лавсиака и комита Феокрита,

* Перевод осуществлен при поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований (Проект № 00-06-80215).

¹ Даты взяты из кн.: *The Chronicle of John Malalas* / Trans. by E. Jeffreys, M. Jeffreys and R. Scott. Melbourne, 1986. P. 230–244.

доместика Амантия; именно его [Феокрита] Амантий решил сделать царем, дав Юстину деньги [с поручением] раздать их [для подкупа], чтобы Феокрит стал царем; и [Юстин] раздал. [Р. 411] И вот войско и народ, взяв [деньги], не пожелали сделать царем Феокрита, но по воле Бога сделали царем Юстина. После же своего воцарения [Юстин] убил во дворце [людей], решивших выступить против его царской власти.

Царь вернул из ссылки патрикия Аппиона, сенаторов Диогениана и Филоксена, сосланных прежним царем, и сделал Аппиона префектом претория, Диогениана военным магистром Востока, а спустя некоторое время он сделал Филоксена консулом.

В начале его царствования на востоке возшла огромная звезда под названием комета, которая испускала вниз лучи; говорили, что она бородастая, и все были напуганы [ею].

Царь же тотчас склонил на свою сторону Виталиана, поднявшего восстание против царя Анастасия и государства, и сделал его военным магистром с резиденцией в Константинополе.

В первый год его царствования патриарх Антиохии Север бежал в Египет, устранившись Виталиана, и вместо него патриархом стал Павел, бывший смотритель странноприимного дома в [константинопольском] квартале Еввул. Он внес в диптики церквей всех городов [упоминание] о шестистах тридцати епископах Халкедонского собора, из-за чего возник великий раскол, и многие [Р. 412] с ним не соглашались, говоря, что последователи собора придерживаются мнений Нестория.

В его царствование были разрешены конные состязания жителям Селевкии и исаврам. В то же время появилась в области Киликии некая женщина из рода гигантов, [огромного] роста, выше и толще [обычного] человека на один пехий²; прося подаяния, она обошла всю римскую империю; оказалась она и в Антиохии Великой; она получала в каждой эргастерии один фоллис³.

520 г. Царь Юстин сделал консулом Виталиана, военного магистра с резиденцией в Константинополе; Виталиан вступил в должность консула римлян и во время своего консульства был убит во дворце за то, что [некогда] поднял восстание против римлян и ограбил

² Пехий — мера длины, равная примерно 46 см.

³ Фоллис — мелкая монета в 0,25 унции.

многие города и области римского государства; это произошло после того, как он дал первый сигнал [к конным гонкам].

В его царствование царь лазов Цатий разгневался и удалился из персидских пределов, когда над персами царствовал Ковад, друг Цатия, царя лазов, некогда подчинившихся царской власти Ковада; поэтому, если кто-нибудь из царей лазов умирал, то царь персов назначал и короновал [нового] царя, [Р. 413] но из рода лазов. Этот царь лазов [Цатий] отказался от языческой веры, от совершения жертвоприношений и всех прочих персидских обычаев, потому что царь персов Ковад не назначил его [царем], после того как скончался его отец Дамназ; [после смерти отца] он тотчас отправился к царю Юстину в Византий, сдался [на милость] царя и просил провозгласить его царем лазов. Он был принят царем, крещен, а, став христианином, он женился на римлянке, внучке патрикия Номы по имени Валериана. Он забрал ее с собой в свою страну, коронованный царем римлян Юстином, надев царский римский венец, шелковую узорчатую хламиду с золотым царским тавлионом [в виде ромба] вместо пурпурного, в центре которого находилось пурпурное изображение человека с чертами царя Юстина; узорчатый обшитый каймой стихарион, который имел вышитые золотом изображения царя, также похожего на Юстина; обувь же, которую он носил, он привез из своей страны, на ней были жемчуга по персидскому обычаю, равным образом и пояс его был украшен жемчугом. Он сам и жена его Валериана получили от царя Юстина много других подарков.

Узнав об этом, царь персов Ковад отправил [Р. 414] царю Юстину через посла следующее послание: «Хотя мы провозглашаем и живем в мире и дружбе между нами, ты совершаешь то, что свойственно врагам. Вот и подчиненного мне царя лазов ты сам назначил [царем], хотя он не находится под управлением римлян и издавна был под властью персов». Царь Юстин в ответ на это отправил через посла следующее послание: «Мы не принимали и не склоняли [на свою сторону] никого из подчиненных вашей царской власти, а пришедший к нам в наше царство некто по имени Цатий, пав перед нами на колени, просил избавить его от языческой веры, нечестивых жертвоприношений и заблуждений, внушаемых демонами, и [изъявил желание] стать христианином, который удостоивается милости вечного Бога и Творца всего. Мы не склонны препятствовать желающему обратиться

к лучшему образу жизни и познать истинного Бога, так что он стал христианином, удостоившимся небесных тайн, и [потом] мы отпустили его в собственную страну». И от этого наступила вражда между римлянами и персами.

В то время царь персов склонил на свою сторону короля гуннов по имени Цилгивис; царь Юстин услышал об этом, а так как еще раньше он сам привлек его на помощь римлян: он послал ему много даров и заключил с ним соглашение, [скрепленное] клятвой; [то] услышав, что он перебежал к царю персов, очень огорчился. Гунн же, [Р. 415] привлеченный царем персов Ковадом, пошел против римлян с двадцатью тысячами, намереваясь сразиться с римлянами. Божественнейший Юстин царю Коваду через посла отправил послание с дружескими словами о мире, словно между прочим, говорят, написав о преступлении и даже клятвопреступлении короля Цилгивиса и что он получил у римлян деньги [за действия] против персов, собираясь их предать и в подходящий момент схватки перейти на сторону римлян, и что «должно нам братьям договориться о дружбе и не [позволять] смеяться над нами этим собакам». Узнав об этом, царь персов спросил у Цилгивиса, сказав: «Ты получил от римлян дары, склонившись [к действиям] против персов?» Цилгивис сказал правду и признался. Царь персов Ковад разгневался и убил его, решив, что он из военной хитрости пришел к нему; ночью он уничтожил многих из войска [гуннов], послав против них большое войско, причем [гунны] не знали, что царь персов послал против них войска, но [считали], что они пришли против гуннов и их короля из другой страны; те из гуннов, кто спасся, бежали. И затем царь Ковад решил вести переговоры о мире, сообщив [об этом] царю римлян Юстину через посла Лавроя.

В это время умирает патриарх Антиохии Павел, и [Р. 416] вместо него стал Евфрасий Иерусалимский, который устроил великое гонение против так называемых ортодоксов, многих погубив.

В те времена партия венетов устроила беспорядки во всех городах и потрясала города убийствами, драками и бросанием камней [в прохожих]; они пошли даже против правителей городов, начав с Византия. Они совершали это, пока в Константинополе не был назначен на должность префекта города экс-комит Востока Феодот; он был назначен в первый индиктион. (522/3 г.) Он употребил свою власть против восстания византийцев, многих, кто устраивал беспорядки,

казнив по приказу царя Юстина. Среди них оказался некий Феодосий по кличке Циккас, который был очень богат и имел титул «сиятельного»; Феодот, схватив его, убил, не сообщив царю. Этим он вызвал негодование у царя, был отстранен от должности, лишился титула и получил приказ отправиться на Восток. После того как он добрался до Востока, он в страхе бежал, [это случилось] в третий индиктион (524/5 г.); он бежал в Иерусалим и там скрывался. Вместо него префектом города был назначен экс-консул Феодор по кличке Теганист. В Антиохии был назначен Ефраимий из Амиды; он боролся против восстания венетов; наконец восстание [Р. 417] партии венетов прекратилось до полного исчезновения беспорядков в городах; общественные зрелища были запрещены, танцоры были изгнаны со всего Востока, кроме Александрии Великой в Египте.

520/1 г. Царь запретил проведение в Антиохии Олимпийских игр с четырнадцатого индиктиона. Со времен Афрания до пятьсот шестидесят восьмого года [антиохийской эры], когда были запрещены Олимпийские игры, было 77 алитархов⁴.

В то же самое время, когда Анатолий, сын Карина, был комитом Востока, в Антиохии случился великий пожар от Божеского гнева, этот пожар предсказал Божие Негодование, которому предстояло случиться. Ибо горело от мартирия Св. Стефана до резиденции военного магистра. После этого произошли многие пожары в различных окрестных селениях города, сгорели многие дома, погибли многие души, но никто не знал, откуда занялся огонь. Благодаря посольству патриарха Антиохии Ефремия⁵, царь пожертвовал [для восстановления] пострадавших от огня мест двести фунтов золота.

В то же самое время выпало пострадать от Божьего гнева так называемому Диррахию, городу в провинции Новый Эпир, из которого происходил царь Анастасий; он там многое построил, [Р. 418] пожаловав [жителям] даже ипподром. Царь Юстин предоставил много [средств] для восстановления [зданий] в городе диррахийцев, который первоначально назывался Эпидамн; столь же [щедрым] он был к оставшимся в живых [жителям]. В то же самое время пострадал Коринф в Элладе, и там царь пожаловал много [средств]. Тем временем пре-

⁴ Алитарх — главный блюститель общественного порядка на Олимпийских играх.

⁵ Другие источники дают имя Евфрасий.

терпел четвертое бедствие от Божьего гнева Аназарб, город в Киликии; царь и его поднял из руин. В то же самое время Эдеса⁶, крупный город в провинции Осроена, вечером был поглощен Божьим гневом, [орудием которого стали] воды реки, протекающей посреди города, называемой Скирт; люди погибли вместе с домами. Оставшиеся в живых из населявших тот город [людей] говорили: «И в прежнюю пору река затопила город, но он не так [сильно] пострадал; впрочем, мы узнали, что и в другие времена происходило то же самое событие, а после того как прекратился гнев, у домов близ реки, фундаменты которых оголились⁷, была найдена большая каменная плита, на которой было вырезано следующее: “Река Скирт⁸ будет прыгать прыжками, злокозненными для горожан”». Селевк Никатор основал город Эдесу и окружил его стеной; тот самый Селевк Македонянин назвал его Антиохией Полуварварской, а когда город претерпел первое свое бедствие [Р. 419] [от стихии], он был переименован в Эдесу. Царь предоставил каждому городу много [средств], украшая их многими новыми постройками, и много пожертвовал оставшимся в живых; Эдесу же переименовал в Юстинополь.

На седьмой год его царствования Антиохия Великая претерпела от Божьего гнева пятое ее бедствие в мае месяце в консульство Оливрия; в то время был такой великий страх Божий, что [люди], оказавшиеся погребенными в земле под домами, стали гореть, и искры огня появились из воздуха; они жгли, словно молнии, [всякого], кого находили; разверзлось основание земли, горели фундаменты, сотрясаемые колебаниями земли, и превращались в пепел, так что огонь был под ногами у бегущих. И можно было видеть страшное и необычайное зрелище: огонь, извергающий ливень, [словно] ливень из страшных печей, пламя, льющееся дождем, — и этот дождь, вспыхнувший, как пламя, истреблял кричащих из-под земли [людей]. Из-за этого Антиохия стала пустынной; ибо не осталось домов, кроме тех, что у горы. Не сохранилось ни святого храма для молитвы, ни монастыря, ни какого другого не разрушенного святого места, ибо все полностью обрушилось, а Великая церковь Антиохии, построенная царем Констан-

⁶ Эдесса. Здесь и далее рукопись дает название города с одной сигмой.

⁷ Место испорченное, перевод по смыслу.

⁸ Название реки переводится как «Прыгун».

тином Великим, [Р. 420] когда возник Божий гнев и все рухнуло до основания, стояла два дня, после того как наступил страшный Божий удар; [потом] и она, охваченная огнем, обрушилась до основания. И другие дома, не упавшие от Божьего бедствия, были разрушены огнем до фундамента. Погибло в этом ужасе до двухсот пятидесяти тысяч [человек], ибо [тогда] был великий праздник Воскресения Христа Бога нашего и пришла большая толпа чужеземцев; после Божьего гнева выяснилось, сколь велико было население [Антиохии]. Многие из засыпанных [землей] оказались живыми, но после того как их живыми подняли из земли, они скончались. Некоторые из спасшихся горожан хватали, что могли, [из имущества] и бежали, а им навстречу выходили крестьяне, грабили и убивали их. Проявилось и в этом Божье человеколюбие, ибо все, кто грабил, умерли насильственной смертью: одни, заживо сгнив; другие, ослепнув; третьи, зарезанные хирургами; [они] отдали душу [Богу], признав свои прегрешения. Среди тех, кто промышлял в то время грабежом, был некий силенциарий Фома, который, убегая, скрылся от Божьего гнева, поселился за городом на расстоянии трех миль у так называемых Ворот Св.Юлиана и посылал своих домашних рабов отнимать все у бегущих. Он совершал это в течение четырех дней и, так как нарушал [Божьи заповеди], внезапно, хотя был здоров, скончался; [Р. 421] и все славилы Бога. Его награбленное богатство погибло, и он был похоронен на том месте, где скончался. Были явлены и некоторые другие чудеса человеколюбивого Бога: беременные женщины через двадцать и даже тридцать дней были подняты из руин здоровыми, а многие, родив под землей, невредимыми вышли с младенцами [на поверхность] и выжили вместе со своими детьми; другие дети таким же [чудесным] образом были спасены через тридцать дней; и случились многие еще более грандиозные события. На третий день после этого бедствия явился на небе среди облаков честной крест над северной частью города, и все заметившие его в течение целого часа оставались [недвижными], плача и молясь. После разрушения города многие другие землетрясения происходили в течение года и шести месяцев. Разрушения были в Селевкии и Дифне на расстоянии двадцати миль [от Антиохии]. Царь предоставил пострадавшим городам много [средств]; услышав о явленном Богом

человеколюбии, он, охваченный немалой печалью, запретил проведение в Византии публичных зрелищ, а когда справлялся Духов День⁹, вошел со слезами в церковь без диадемы в пурпурной мантии; вместе с ним облачились в порфиру все сенаторы.

[Р. 422] В то же самое время царь послал [в город Антиохию] комита Карина с пятьюстами фунтами [золота]; вместе с ним он также послал патрикия Фоку и Астерия, мудрых мужей, дав им много денег для восстановления [зданий] города, [его] водопроводов и мостов через реку, так как он знал город, ведь он останавливался там на некоторое время, когда возвращался с военными магистрами с персидской войны. Он часто писал этим патрикиям, чтобы они пеклись о городе.

527 г. После восьми лет и девяти месяцев царствования Юстина вместе с ним стал царствовать божественнейший Юстиниан с августой Феодорой, коронованный божественнейшим его дядей в консульство Мавортia. Этот царь Юстиниан пожаловал городу антиохийцев много [средств]; для каждого города римского государства он установил великий правопорядок, и в каждый город разослал божественные указы с тем, чтобы наказывались [люди], совершающие беспорядки и убийства, к какой бы [цирковой] партии они не относились, с тем, чтобы¹⁰ впредь никто не осмелился устраивать какие-либо беспорядки, и [таким образом] внушил страх во всех провинциях. В Антиохии Великой думы находились в дружественных отношениях непродолжительное время.

[Р. 423] В Антиохии [царь] построил храм Св.Богородицы и Вечной Девы Марии напротив так называемой базилики Руфина, воздвиг рядом [церковь] Св.Косьмы и Дамиана. Равным образом он построил странноприимный дом, бани и цистерны [для воды]. Так же сама благочестивейшая Феодора предоставила городу много [средств]; она построила церковь Михаила Архангела, весьма изукрашенную; возвела так называемую базилику Анатолия, послав колонны [для нее] из Константинополя. Августа Феодора, сделав драгоценный крест из жемчуга, отправила его в Иерусалим. А Юстиниан разослал дары всем подданным римского государства.

⁹ Святой пятидесятый день после Пасхи.

¹⁰ Другой перевод: «Так что никто впредь не осмеливался устраивать какие-либо беспорядки, так как он внушил страх». (Союз *ωστε* вводит придаточные следствия и цели).

Цари назначили патрикия Ипатия военным магистром Востока для защиты восточных областей от набегов сарацинов.

В то же время в городах многие манихеи подверглись наказанию, в том числе понесла наказание жена сенатора Еритрия, а вместе с ней и другие женщины.

Когда обрушился Божий гнев, комитом Востока был Ефремий, который спустя немного времени по необходимости взял в свои руки патриархию Антиохии, ибо бывший до него Евфрасий сгорел по причине Божьего гнева. Благочестивые цари, узнав, [Р. 424] что комит Востока был рукоположен в патриархи клиром канонически, вместо него назначили комитом Востока Захарию, который был из Тира. Захария, видя бедственное положение города, просил у благочестивых царей в донесении [разрешения] прийти в Византий и быть ходатаем за город Антиохию. Он взял вместе с собой епископа Амиды, богобоязненного мужа, и других клириков; они пришли в Константинополь, и, многое прояснив, вернулись в Антиохию Великую с царскими дарами, получив три тысячи фунтов золота и декреты по различным существенным вопросам, позволявшие вести в городе жизнь по отеческим обычаям. Спустя немного времени цари пожаловали тому городу еще тысячу фунтов [золота].

Между тем случилось заболеть божественнейшему Юстину из-за язвы, которую он имел на ноге (ведь на войне он был ранен в то место стрелой), и из-за этого возникла опасность для жизни; он скончался в первый день августа месяца пятого индиктиона в возрасте семидесяти пяти лет. Итак, все время его царствования составляет девять лет и двадцать два дня вместе с четырьмя месяцами [его совместного правления] со своим родственником.

ИСТОРИЯ ГОТОВ, ВАНДАЛОВ И СВЕВОВ*

За Исидором, епископом Севильским (ок. 570–636 гг.), давно закрепилось звание «первого энциклопедиста средневековья». Известный благодаря своей «Этимологии» Исидор-просветитель затмил собой Исидора-историка, автора «Хроники от сотворения мира», а также «История готов, вандалов и свевов». «История» дошла до нас в большом количестве рукописных списков, содержащих две редакции, краткую и пространную, и охватывает значительный период с 176 по 628 г. Часто отвергаемая в качестве труда, заслуживающего внимания исследователей из-за своей компилятивности (Исидор активно использовал труды Иеронима, Орозия, Идация, Проспера Аквитанского, Иоанна Бикларского и др.), «История» является, тем не менее, важнейшим памятником исторической мысли латинского христианского Запада, испытавшим на себе влияние хроникальной традиции (Иероним, Орозий, Проспер) и принципов изложения «варварских историй» (Иордан, Кассиодор). Ниже мы публикуем перевод отрывка пространной редакции «Истории готов», опуская риторическое вступление «*De laude Spaniae*» и финальное краткое изложение «*Recapitulatio*». Перевод выполнен А. М. Поповой под руководством В. М. Тюленева с издания: *Isidorus Hispalensis. Historia Gothorum, Wandalorum, Sveborum* / Ed. Th. Mommsen // *MGH. Auct. antiquiss.*, XI, 1894. P. 267 – 295.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОТОВ

Id. [Известно, что] племя готов самое древнее. Некоторые полагают, что готы произошли от сына Яфета — Магога, обращая внимание на сходство последних слогов, более же вероятным [видится] то, что они узнали об этом от пророка Езекиеля¹. Прежде ученые мужи именовали их чаще гетами, нежели готами и магогами.

* Перевод выполнен при поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований (Проект № 00-06-80215).

¹ Иезекииль.

2. В переводе же на наш язык имя их звучит как «защищающие», что говорит об их храбрости: и это правда. Ибо не было в круге земном ни одного племени, которое бы до такой степени беспокоило Римскую империю. Именно они были теми, кого Александр советовал сторониться, кого боялся Пирр и перед кем трепетал Цезарь. И вот, раньше, в течение многих лет, они жили с вождями, затем при королях, чьи времена мне надлежит расположить по порядку и указать, под каким именем каждый из них правил и что совершил, почерпнув это из историй.

3. В 12 году до начала [нашей] эры, когда консул Помпей и Гай Цезарь разожгли гражданскую войну за обретение власти в государстве, готы, для оказания помощи Помпею, вторглись в Фессалию, чтобы [там] сражаться против Цезаря. Несмотря на то, что в войне там участвовали эфиопы, индийцы, персы, мидяне, греки, скифы и другие племена Востока, призванные против Юлия, готы, все же, в отваге превосходили всех остальных: говорят, будто Цезарь, пораженный их силой и доблестью, помышлял-было о бегстве, [и отступил бы], если бы в скором времени не положил битве конец.

4. В 294 году [нашей] эры, в первый год правления Валериана и Галлиена, готы, спустившись с Альп, где они обитали, опустошили Грецию, Македонию, Понт, Азию, а также Иллирик. Из них Иллирик и Македонию они удерживали почти пятнадцать лет. Позднее, побежденные императором Клавдием, они возвратились на прежнее место обитания. Римляне же, удостоившие небывалой славой Клавдия Августа за то, что тот отвел от границ государства столь могущественнейшее племя, вручили ему на форуме золотой щит и воздвигли на Капитолии золотую статую.

5. В 369 году [нашей] эры, в двадцать шестой год правления Константина, готы, вторгшись огромными полчищами в область сарматов, окрыленные успехом, устремились на [земли] римлян, подвергая все грабежу и [наполняя] убийствами. Против них Константин снарядил войско и, с большим трудом превзойдя их в решающем сражении, прогнал за Данувий². [Константин] озарен славой ярких побед над другими народами, но победа над готами — наиболее славная. По

² Дунай.

решению сената римляне удостоили его всенародной хвалы за то, что победил он такой народ, и за то, что преобразил родное государство.

6. В 407 году [нашей] эры, в пятый год правления Валента, первым управление над племенем готов принял на себя Атанарих, царствовавший тринадцать лет. Он замыслил организовать жесточайшее преследование против горячей веры тех готов, что в племени его являлись христианами. Многих из них, поскольку они отказывались приносить жертву идолам, он сделал мучениками, остальным же, истерзанным бесчисленными гонениями, когда из-за множества их побоялся применять убийства, он даровал волю [в исповедании], вернее же, заставил многих покинуть свое царство и переселиться в провинцию римлян.

7. В 415 году [нашей] эры, в тринадцатый год правления императора Валента, готы разделились по Истру³ между Атанарихом и Фридигерном, обескровливая себя в ходе войн друг с другом. Когда же Атанарих одолел Фридигерна при поддержке императора Валента, он отправил по этому случаю к тому императору послов с дарами и попросил ученых мужей для усвоения основ христианской веры. Валент же, отошедший от истинной католической веры и увлеченный обманом аррианской⁴ ереси, отправив [к варварам] священников-еретиков, приобщил готов через нечестивые убеждения к догмату своего заблуждения и с помощью губительного семени перенес смертоносную заразу на столь прекрасное племя, и, в результате, яд заблуждения, вкушенный по легковерию, был впущен [в души готов] и сохранился [там] долгое время.

8. Тогда же Гульфила, их епископ, придумал готский алфавит и перевел на этот самый язык Писания Нового и Ветхого Заветов. Готы, как только получили алфавит и Закон, стали сооружать себе церкви своего учения, придерживаясь, в согласии с тем самым Аррием, таких оснований по поводу самой божественной сути, что верили, будто Сын менее велик, чем Отец, не совечен ему, Дух же Святой не Богом является и из субстанции Отца не происходит, но был рожден через Сына и отдан во служение обоим, находясь в подчинении и того, и другого. Признавая одну природу и личность за Отцом, другую — за Сыном, наконец, третью — за Святым Духом, они, уже не вслед за

³ Дунай в нижнем течении.

⁴ Мы сохраняем написание через два «р», используемое в рукописи.

текстом Священного Писания, где почитается один Бог и Господь, а вслед за культом идолопоклонничества почитали трех богов. В потоке уходящих времен и сменяющих друг друга правителей недуг этого злословия удерживался в течение двухсот тринадцати лет. Наконец, размышляя о своем спасении, [готы] отказались от растущего неверия и благодаря Христу пришли к единомыслию католической веры.

9. В 416 году [нашей] эры, в четырнадцатый год правления Валента, готы, которые еще недавно изгоняли христиан из мест своего обитания, скоро сами были согнаны вместе с королем своим Атанарихом гуннами, и, перейдя Данувий, отдали себя, не сложив оружия, во власть императора Валента. Они получили Фракию на поселение. Но, когда они увидели, что римляне, вопреки обещаниям полной свободы, притесняют их, они вынуждены были поднять мятеж. Огнем и мечом опустошили они Фракию, и, когда было разбито римское войско, они сожгли [в хижине] раненого ударом копья и бежавшего в какую-то деревню Валента. Так что тот, кто столь прекрасные души предал вечному пламени, сам был заслуженно сожжен ими живой в преходящем огне.

10. Встретили же готы в той битве первых готов-исповедников, которых они совсем недавно изгнали из своих земель из-за их веры, и захотели присоединить их себе к общей добыче. Когда те стали выражать недовольство, некоторых из них [победители] предали смерти; прочие христиане-католики, удалившись в горные районы, и, соорудив себе какие было возможно убежища, не только продолжали сопротивляться, но и остались в союзе с римлянами, от которых недавно оказались оторваны.

11. В 419 году [нашей] эры, в третий год Феодосия Испанского, Атанарих вскоре после заключения союза и дружбы с Феодосием отправился в Константинополь и, достойно принятый Феодосием, пробыв там пятнадцать дней, скончался. Готы же после смерти своего короля, заметив расположенность к ним императора Феодосия, заключив договор, предали себя Римской империи.

12. В 420 году [нашей] эры, в четвертый год правления Феодосия, готы, отвергнув покровительство римского союза, избрали себе королем Алариха, полагая недостойным подчиняться власти римлян и повиноваться тем, чьи законы и власть они уже давно презирают, и отвратили себя от союза с ними к войне, одержав [в ней] победу.

13. В 437 году [нашей] эры, в четвертый год правления Гонория и Аркадия, готы, разделившись между Аларихом и Рагадайсом, после того как раздирали себя [какое-то время] в расприх по двум частям королевства, придя ради разорения римлян к согласию, создали совет и с равным участием распределили между собой области Италии для грабежа.

14. В 443 году [нашей] эры, в десятый год правления Гонория и Аркадия, король готов Рагадайс, родом из Скифии, преданный культу идолопоклонства, свирепствующий с лютостью варварской дикости, приведя с собой тысячи воинов, начал беспощадное опустошение областей Италии, клятвенно обещая, если победит, дабы ославить Христа, посвятить кровь римлян своим богам. Войско его, запертое римским полководцем Стилихоном в гористых областях Тусции⁵, ослабело скорее от голода, нежели от вражеского оружия; в конце концов, сам король был захвачен в плен и убит.

15. В 447 году [нашей] эры, в пятнадцатый год правления Гонория и Аркадия, когда Рагадайс погиб, его соправитель Аларих, хотя и христианин именем, но еретик по сути, скорбя о таком множестве готов, убитых римлянами, в отместку за кровь своих [соплеменников] начал сражение против Рима и, осадив его, взял всеуничтожающим натиском. В результате, город, победитель всех народов, поверженный торжествующими победою готами, пал, и подчинился им, захваченный и покоренный. Однако же готы вели себя там сдержанно, так как до этого они дали обет, что если войдут в город, то всякого римлянина, которого найдут в местах Христа, не предадут они там, вопреки праву войны, смерти. И вот после этого они вступили в город. Смерть и плен пощадили всех, кто искал защиты у врат святых [мест]. Даже те, кто находились за пределами мест мучеников, но называли имя Христа или святых, заслужили такое же милосердие.

16. Что же касается остальных, то, хотя и было очевидным завоевание врагов, все же жестокость убийств сдерживалась. Когда готы пробирались по городу среди этого опустошения, один могущественный человек [их племени] встретил почитаемую преклонных лет женщину и с уважением попросил ее, чтобы, если есть у нее что-либо из золота или серебра, то вынесла ему. Та, послушная просьбе, выне-

⁵ Совр. Тоскана в центральной Италии.

сла, что имела, и пока тот [варвар] любовался формой и красотой ваз из древнего богатства римлян, женщина сказала: «Эти вазы были даны мне на хранение из храма апостола Петра. Возьми сам, если осмелишься, я же не смею отдать священное врагу». Тот, придя в великий ужас при [произнесении] имени апостола Петра, передал через посланника этот [разговор] королю, который тотчас же приказал все это [богатство] с наивысшим благоговением вернуть храму блаженного Петра, сказав [при этом], что он ведет войну с римлянами, а не с апостолами.

17. И тогда вернулась уважаемая женщина к почтеннейшим обязанностям, и с ней вернулись все те, кто был с ней, с громкими гимнами и песнями унося отовсюду, по приказу короля, на головах своих те золотые и серебряные вазы в сопровождении солдат, приставленных для защиты. Отовсюду из убежищ сбегались на голоса поющих толпы христиан. Бежали также и язычники и, смешавшись с шествующими, на время притворились, что они христиане, и тем самым избегали угрозы насилия.

18. В то время готы захватили дочь императора Феодосия, сестру Аркадия и Гонория, Платидию с огромным количеством золота Рима и, овладев великим богатством римлян, после того как в течение трех дней они все вокруг предавали огню и грабили, удалились из города. Затем они, когда, поднявшись на корабли, собирались переправиться на Сицилию, отделенную от Италии небольшим проливом, потеряли огромное войско, испытав на себе суровость моря. Для них столь велика была слава завоевания Римского города, что по сравнению с ней они не посчитали себя тогда пострадавшими от несчастья, покрывая потери от кораблекрушения успехом победы. Тогда же произошла смерть Алариха, который умер в Италии на двадцать восьмом году правления.

19. В 448 году [нашей] эры, в шестнадцатый год правления Гонория и Аркадия, когда после захвата Города умер Аларих, в Италии во главе королевства готами был поставлен Атаульф, [который правил] шесть лет. Он в пятый год [своего] правления, покинув Италию, удалился в Галлии. Платидию, дочь императора Феодосия, которую готы захватили в Риме, он взял себе в супруги. Некоторые полагают, что в этом исполнилось пророчество Даниила, которое гласит: «дочь короля юга будет выдана за короля севера, то не спасется ни одного

потомка из рода ее»⁶. Как и добавил в заключении тот самый пророк: «и не устоит род ее», ни один из рожденных ею [сыновей] не достиг того возраста, чтобы наследовать отцу во власти. Атаульф же, когда, покинув Галлии, отправился в Испанию, во время приятельской беседы близ Баркиноны⁷ был зарезан кем-то из своих.

20. В 454 году [нашей] эры, в двадцать второй год правления Гонория и Аркадия, после Атаульфа готы избрали правителем Сигериха. Он, поскольку был склонен к миру с римлянами, скоро был убит своими.

21. В тот год [нашей] эры, когда Валлия сменил Сигериха, он удерживал власть в течение трех лет, избранный готами правителем для ведения войн, но божественным провидением расположенный к миру. Действительно, едва начав царствовать, он заключил мир с императором Гонорием. Сестру его Плацидию, которая была захвачена готами в Риме, с почетом возвратил обратно, обещая императору всякую битву вести во благо [Римского] государства. Итак, призванный через патриция Констанция в Испанию, 22. во славу римского имени он устроил варварам жестокую резню: уничтожил в ходе войны всех вандалов силингов в Бетике⁸; аланов, над которыми властвовали вандалы и свевы, он разбил до такой степени, что после того, как был убит их король Атах, немногие из тех, что уцелели, предав забвению имя Гундериха, короля [тех] вандалов, которые пребывали в Галликии⁹, подчинились власти [готов]. Когда же Валлия, завершив войну в Испании, намеревался, собрав флот, переправиться в Африку, удары страшной бури разметали корабли в проливе Гадитанского моря¹⁰. Помнивший еще кораблекрушение времен Алариха, Валлия, отказавшись от рискованного плана, возвратился в Галлии, где император даровал ему в награду за победу [в Испании] Аквитанию Вторую¹¹ с некоторыми городами сопредельных провинций вплоть до океана.

⁶ Дан. 11:6.

⁷ Совр. Барселона.

⁸ Римская провинция на юге Пиренейского полуострова.

⁹ Римская провинция на северо-западе Пиренейского полуострова.

¹⁰ Гибралтарский пролив, точнее, часть Атлантического океана у г. Кадис.

¹¹ Римская провинция на западе совр. Франции.

23. В 457 году [нашей] эры, в двадцать пятый год правления Гонория и Аркадия, когда скончался король Валлия, власть принял Теодерид, и [правил] тридцать три года. Он, не удовлетворенный Аквитанским королевством, отказался от мирного договора с римлянами и захватил многие лежавшие по соседству города римлян для поселения своих [соплеменников] и силой пытался взять осажденную крупными силами Аркилу¹², знаменитейшую крепость Галлии. Когда же проявилась доблесть полководца римской армии Аэция, [Теодорид] не без ущерба для себя отказался от осады крепости.

24. А когда Аэций, по приказу императора Валентиниана, был отстранен от руководства армией, Теудерид подверг Нарбонский город¹³ длительной осаде и [испытанию] голодом, но снова был прогнан с помощью гуннов полководцем римской армии Литорием. Хотя Литорий поначалу обрел успех в борьбе с готами, в другой раз, обманутый указаниями демонов и советами гаруспиков, он беспечно вступил в войну с готами и, жалким образом потеряв римское войско, поверженный, погиб и ясно показал, насколько полезно могло быть то множество, которое пало вместе с ними, если бы предпочел он следовать вере, а не лживым указаниям демонов.

25. Затем Теудерид, заключив мир с римлянами, вновь вступил в сражение с гуннами, обескровившими в ходе страшного опустошения провинции Галлий и разорившими многие города, [соединившись] на Каталаунских полях¹⁴ с пришедшим на помощь римским полководцем Аэцием, и, начав там битву, пал в бою победителем. Готы же, сражаясь под предводительством сына короля Теудерида Туризмунда, бились с такой храбростью, что в ходе всей битвы было убито чуть ли не триста тысяч человек.

26. В это время на небе и на земле обнаружилось много знаков, чьими чудесными появлениями предвещалась столь жестокая война. Действительно, между тем как [на земле] происходили непрерывные землетрясения, Луна на востоке становилась темной. В той стороне, где заходит солнце, появилась комета и довольно долго сияла удивительным светом. На севере небо было столько багряным, будто превратилось в огонь или кровь, а из-за сверкающих линий стало являть

¹² В ряде рукописей Арелат — совр. Арль.

¹³ Совр. Нарбон.

¹⁴ Равнина в Шампани, к западу от Труа.

окровавленные мечи, которые пронзали огненный багрянец. И не удивительно, что столь многочисленные знамения стали предвестием такого великого множества убитых.

27. А гунны, разбитые наголову, оставив Галлии, вторглись вместе со своим королем Атиллой в Италию и захватили там некоторые города. И там многие из них, отчасти [истерзанные] голодом, отчасти пораженные ударами небес, погибли. Когда же, помимо этого, император Маркиан отправил [против них] войско, гунны были сокрушены ударом [римлян] и, весьма ослабленные, возвратились в места своего обитания, где их король Атила вскоре после возвращения умер.

28. И сразу же между сыновьями его разгорелся великий спор за наследование власти. И вот, гунны, которых и так было немного после того знаменитого поражения, теперь стали уничтожать себя взаимными распрями. Удивительным в тех [гуннах] было то, что, в то время как всякая битва несет с собой людские потери, они, наоборот, в результате усобиц преуспели, однако, главным образом, потому что были обращены в учение верных, как народ из рода персов.

29. Ибо были они [гунны] бичом Божиим, и как только проявлялось Его негодование в отношении верующих, Он наказывал через них, чтобы исцеленные от уныния [верующие] сами сдерживали себя от алчности мира и греха и достигли наследства царства небесного. Но этот народ был настолько диким, что когда [гунн] испытывал во время похода жажду, он вскрывал вены своей лошади и таким образом кровью утолял жажду.

30. В 490 году [нашей] эры, в первый год правления Маркиана, сын Теудереда Туризмунд достиг власти и [правил] один год. Когда он, исполненный лютости и уже с самого начала своего правления заслуживавший наказания, разжег пламя вражды и совершил, полный надменности, много недозволенного, он был убит братьями Теудерихом и Фригдарихом.

31. В 491 году [нашей] эры, во второй год правления Маркиана, Теудерих, наследовав после убийства брата королевство, правил тринадцать лет. Он после того, как вместе с галлами оказал помощь императору Авиту в захвате императорского престола, с разрешения того самого императора Авита вторгся из Аквитании с огромным войском в Испанию. Король свевов Реккиарий, вставший на его пути с огром-

ным, в двенадцать тысяч, войском у Астурийского города¹⁵, на реке, что зовется Урбик¹⁶, как начал бой, был скоро побежден, когда войско его пало, некоторые попали в плен, многие же бежали. Наконец, сам король, раненый ударом копья, бежал, и, лишенный поддержки своих, был пленен в местечке Портукале и живым доставлен к королю Теудериху.

32. Когда [Реккиарий] был убит, когда многие из тех, которые уцелели в минувшей битве, отдали себя [в распоряжение Теудериха], когда некоторые [из свевов] были убиты, королевство свевов, казалось, было полностью разрушено и прекратило существование. Остальные же свевы, что оставались в отдаленной части Галликии, избрали себе королем сына Массилы по имени Маздра, и королевство свевов восстановилось. После убийства Реккиария Теудерих, вступив как победитель из Галликии в Лузитанию¹⁷, когда уже собирался обречь город Эмериту¹⁸ на опустошение, был устрешен явлениями святого мученика Эвлялия: тотчас же он отступил со всем своим войском и вернулся в Галлии.

33. Вскоре после этого он отправил одну часть войска во главе с полководцем Кеурилой в провинцию Бетика, другую часть с полководцами Сумерихом и Непотианом послал в Галликию: они разбили свевов при Луке¹⁹, подвергнув [город] страшному разграблению. В Галлиях же Агриппин, комит и гражданин, соперничавший с римским комитом Эгидием, чтобы обрести поддержку готов, передал Теудериху Нарбону. Спустя некоторое время послы, отправленные Ремизмундом, сыном короля свевов Маздры, прибыли к Теудериху, ища мир и дружбу. Теудерих также отправил к Ремизмунду [посольство] в сопровождении воинов и с дарами, отправив даже супругу, которую он имел. В другой раз Теудерих отправил также посла Саллана к Ремизмунду; тот, когда вернулся в Галлии, обнаружил, что Теудерих убит собственным братом Эврихом.

¹⁵ Астурика Августа, совр. Асторга в северной Испании.

¹⁶ Совр. р. Орбиго в северной Испании.

¹⁷ Римская провинция, соответствующая, в целом, территории совр. Португалии.

¹⁸ Совр. Мерида на западе Испании, на р. Гвадиана.

¹⁹ Совр. Луга на северо-западе Испании на р. Миньо.

34. В 504 году [нашей] эры, в восьмой год правления Льва, Эврих с помощью такого же злодеяния, что и брат, получает власть и [правит] семнадцать лет. Возвысившийся через такую жертву и преступление, он тотчас же отправил послов к императору Льву и, не медля, со страшной яростью опустошил земли Лузитании. Затем, отправив войско, он захватил Пампилону²⁰ и Цезарею-Августу²¹ и поставил под власть свою Верхнюю Испанию. Высокородных мужей Тарраконской провинции²², которые оказали ему сопротивление, он подавил с помощью войска. Возвратившись же в Галлии, в ходе войны он овладел Арелатом и Массилией²³ и присоединил к своему королевству оба эти города.

35. В один из дней, собрав готов на смотр с оружием, которое все они держали в руках, он долго не мог узнать некоторые мечи или клинки: так изменился естественный вид железа, которое стало либо зеленого, либо розового, либо желтого, либо черного цвета. При этом короле готы получили установления писанных законов, ибо раньше силу имели лишь традиция и обычай. Смерть свою Эврих встретил в Арелате.

36. В 521 году, в десятый год правления Зенона, после смерти Эвриха правителем готов у города Толозы²⁴ был избран его сын Аларих, правивший двадцать три года. Против него для обретения власти над Галлией при поддержке бургундионов [выступил] Флудвих²⁵, правитель франков. Он начал войну и, разбив войско готов, захватил, в конце концов, самого короля и убил его, побежденного, близ Пиктавы²⁶. Теудерих же, король Италии, когда получил известие о гибели зятя, тотчас же выступил из Италии, подавил франков, ту часть королевства, которая оказалось в руках врагов, захватил и вновь вернул под власть готов.

37. В 544 году [нашей] эры, в семнадцатый год правления Анастасия, Гизалейх, сын прежнего короля, рожденный от наложницы,

²⁰ Совр. Памплона на северо-востоке Испании.

²¹ Совр. Сарагоса.

²² Римская провинция в центре Пиренейского полуострова.

²³ Совр. Марсель.

²⁴ Совр. Тулуза.

²⁵ Хлодвиг.

²⁶ Совр. Пуатье.

был избран правителем в Нарбоне; он, управлявший королевством в течение четырех лет, был столь же низок происхождением, сколь велик в неудачах и трусости. Даже когда тот самый город был разграблен королем бургундионов Гундебадом, он к великому стыду для себя и огромному несчастью для своих отправился в Баркинону и оставался здесь, пока Теудерих за позорное бегство не лишил его верховной власти в королевстве.

38. Затем, бежав в Африку, он просил поддержки у вандалов, чтобы получить возможность вернуться к власти. Когда ему было отказано в помощи, он, вскоре возвратившись из Африки, из-за страха перед Теудерихом бросился в Аквитанию и, после того как скрывался там в течение года, возвратился в Испанию. Когда в двенадцати милях от города Баркиноны завязалось сражение, он был обращен в бегство полководцем короля Теудериха Эббаном и, плененный за галльской рекой Друентий²⁷, был убит. Вот так потерял он сначала честь, затем и жизнь.

39. В 549 году [нашей] эры, в двадцать первый год правления Анастасия, юный Теудерих, который еще прежде был утвержден императором Зеноном консулом и королем Рима, убив короля остроготов Одоакра, а также одолев его брата Оноульфа и прогнав его за Данувий, как победитель, правил в Италии восемнадцать лет. Затем, когда был убит король готов Гизалейх, он захватил на пятнадцать лет власть в Испании, которую оставил пережившему его внуку Амалариху. После этого он, вернувшись в Италию, в полном благополучии царствовал там в течение всего долгого времени, благодаря ему во многом было возвращено великолепие городу Риму. Так, он заново отстроил его стены и за это получил позолоченную статую от сената.

40. В 564 году [нашей] эры, в первый год правления Юстиниана, после того как Теудерих удалился в Италию, его внук Амаларих правил [в Испании] пять лет. Он, когда потерпел поражение в битве под Нарбоной от короля франков Хильдеберта, в страхе бежал в Баркинону, и, вызвавший тем самым всеобщее презрение, он погиб, заколотый воинами.

41. В 569 году [нашей] эры, в шестой год правления Юстиниана, после Амалариха во власти в Испании был утвержден Теуд и [правил]

²⁷ Левый приток Роны, совр. Дюранж.

семнадцать лет. Он, несмотря на то, что был еретиком, все же даровал мир церкви, так, что даже позволил католическим епископам собраться на собор в городе Толете²⁸ и свободно и без помех устанавливать все то, что они посчитают необходимым для учения церкви. Во времена его царствования, когда короли франков с несметной ратью вторглись в Испанию и в ходе войны опустошили Тарраконскую провинцию, готы во главе с полководцем Теудиском, заперев границы Испании и одержав удивительную победу, уничтожили огромное войско франков. Этот полководец, после того как [враги] стали умолять его [о пощаде] и предоставили ему богатый выкуп, дал уцелевшим возможность бежать в течение одного дня и одной ночи. Остальные, замешкавшиеся несчастливцы, которым не хватило срока, чтобы уйти, попав под мечи готов, погибли.

42. После столь успешной победы, готы необдуманно пересекли пролив. И как только они переправились через пролив океана [для борьбы] с воинами, что, изгнав готов, овладели крепостью Септемом²⁹, они в ходе тяжелейшего боя захватили тот лагерь; с наступлением же дня господня³⁰ сложили оружие и не осквернили убийством священный день. Тогда воины, узнав об этом, внезапно напали [на готский лагерь] и, заперев войско со всех сторон — с моря и с суши — нанесли ему такое поражение, что не было ни одного, кто избежал бы гибели в такой страшной резне.

43. И тут же заслуженная смерть настигла короля. Ибо он был ранен во дворце неким человеком, который уже давно, чтобы обмануть короля, притворялся безумным. И вот, он притворился, будто охвачен безумием, и пронзил правителя, который, поверженный тем ударом, пал и испустил негодующий дух. Говорят еще, что, истекая кровью, он просил, чтобы не наказывали убийцу, сказав при этом, что он получил должную кару, и что сам он погибает из-за того, что будучи частным лицом, убил своего полководца.

44. В 586 году [нашей] эры, в двадцать третий год правления Юстиниана, после убийства Теуда, готами [на трон] был посажен Теудискл, правивший один год. Он после того как через публичные осквернения обрек на бесчестье брачные узы многих могущественных

²⁸ Совр. Толедо.

²⁹ Совр. Сеута в Марокко.

³⁰ Воскресенье.

людей и вследствие этого направил душу к убийству многих [подданных], был упрежден: во время пиршества получил удар от заговорщика Спала и, истекая кровью, скончался.

45. В 587 году [нашей] эры, в двадцать четвертый год правления Юстиниана, после убийства Теудискла королем был избран Агила, правивший пять лет. Он, пойдя войной на город Кордуба³¹, в ненависти к католической религии совершил осквернение [могилы] блаженного мученика Акискла; с грубостью врагов и ослов, как осквернитель, он обесчестил святое место его захоронения и, вступив в сражение с жителями Кордубы, получил причитающееся ему наказание за причиненную святому несправедливость. Ибо, потерпев в состоявшейся битве поражение, он потерял сына, павшего вместе с множеством воинов, а также лишился всей сокровищницы с несметными богатствами.

46. Сам он, побежденный и в жалком страхе бежавший, отступил в Эмериту. Спустя некоторое время против него [выступил] Атанагильд, с жадностью тирана захвативший бразды правления, после того как с доблестью воина он разбил войско Спала, посланное против него, и когда готы, увидевшие, что гибнут из-за междоусобицы, а более опасаясь, как бы [вражеские] воины, пользуясь случаем, не напали на Испанию, убили в Эмерите Агилу и отдались во власть Атанагильду.

47. В 592 году [нашей] эры, в двадцать восьмой год правления Юстиниана, после убийства Агилы Атанагильд, что захватил власть, удерживал ее четырнадцать лет. Он, когда еще только намеревался установить тиранию и лишиться власти Агилу, просил себе у императора Юстиниана помощи воинов, которых позже при всем старании он не мог вытеснить за пределы [своего] королевства. Он беспрестанно боролся с ними: сначала разбил их в многочисленных сражениях, а затем жестокими убийствами довел до бессилия и гибели. Все же Атанагильд удалился в незанятый Толет и правил вплоть до своей смерти пять месяцев.

48. В 605 году [нашей] эры, во второй год правления Юстина Младшего, после Атанагильда готы избрали в Нарбоне [королем] Ливву, который правил три года. На второй год, как получил власть,

³¹ Совр. Кордова.

он назначил брата Леввигильда не только наследником престола, но и своим соправителем. Сам он, оставив за собой власть в Галлии, поставил его [Леввигильда] во главе Испании. Так утвердилось двоевластие, хотя ни один правитель не терпит соучастия. Этому [Ливве] отводят в порядке времен лишь один год [правления], остальные же отдают его брату Леввигильду.

49. В 606 году [нашей] эры, в третий год правления Юстина Младшего, Леввигильд, получив власть над Галлией и Испанией, решил с помощью войны раздвинуть границы королевства и приумножить свое богатство. Он одержал множество побед, ибо поощрял усердие войска одобрением грабежа. Именно так он овладел Кантабром³², занял Арегию, и покорилась ему вся Сабария. Силе его оружия подчинились многие мятежные города Испании. Также в ходе битвы он обратил в бегство [вражеских] воинов и освободил некий лагерь, прежде занятый ими. Затем он одержал верх над своим сыном Герменегильдом, устремившимся в его королевстве к тирании. Наконец, он развязал войну со свевами и удивительно быстро отдал их королевство под власть своего народа, завладев большей частью Испании: ведь до этого народ готов был ограничен тесными пределами. Однако грех вероломства умаляло в нем славу вящей доблести.

50. Ведь он, преисполненный безумием аррианского обмана, после страстных преследований отправил многих католических епископов в изгнание, лишил церкви привилегий и доходов, многих через устрашения сверг в аррианскую чуму, а многих совратил и без насилия, подкупив золотом и выгодами. Задумав распространить влияние своей ереси также среди прочих, он принялся заново крестить католиков и не только из [простого] народа, но даже из сословия духовенства, также как Винсента из Цезареи-Августы обратили из епископа в отступника и словно с небес низвергли в ад.

51. Этот [Леввигильд] оказался также опасным и для некоторых своих, ибо кого бы не нашел высокороднейшим и могущественнейшим, либо рубил ему голову, либо, объявив вне закона, отправлял в ссылку. Он был первым, кто обогатил фиск, и первым, кто пополнил казну путем грабежа своих граждан и разорения врагов. Он, кроме

³² В некоторых рукописях: «захватил кантабров» (племена, обитавшие на севере Испании, на берегу Бискайского залива и в Кантабрийских горах).

этого, основал город в Кельтиберии³³, которой назвал в честь своего сына Рекополем. Он исправил те законы, которые, как казалось, были неумело сформулированы Эврихом, добавив ряд недостающих законов и устранив множество лишних. Правил же он восемнадцать лет и умер собственной смертью в Толете.

52. В 624 году [нашей] эры, в третий год правления Маврикия, после смерти Леввигильда править стал его сын Реккаред, который сильно отличался от отца нравами и был проникнут уважением к религии. Ведь тот был нечестив и неумомим в войнах, этот — благочестив, прославился верой и миролюбием. Тот расширял власть над народами силой оружия, этот же прославился тем, что тот же самый народ возвысил через торжество веры. Он, приняв в самом начале своего царствования католическую веру и очистив народ всего племени готов от позора внушенного заблуждения, возвратил его к почитанию праведной веры.

53. Позже для осуждения аррианской ереси собрался синод епископов из обеих провинций — Испании и Галлии — и на собрании присутствовал сам святейший правитель и утвердил через свое присутствие и предписание его деяния, осудив вместе со всеми своими [сторонниками] ложь, которую до тех пор, следуя учению Аррия, исповедовал народ готов, и провозгласив единство трех лиц в Боге: Сын, рожденный от Отца, единосущен. Дух Святой неотделимо исходит и от Отца, и от Сына, и есть один Дух того и другого, отсюда и единства суть.

54. С помощью принятой веры он весьма славно вел войну против враждебных народов. Так, когда франки вторглись в Галлии почти с шестидесятитысячным войском, он, после того как отправил против них полководца Клавдия, торжествовал славный исход. Никогда еще готы не одерживали в Испаниях подобной столь великой победы, ведь были уничтожены и взяты в плен многие тысячи врагов: уцелевшая часть [франкского] войска, вопреки ожиданиям, обращенная в бегство и неумомимо преследуемая сзади готами, была разбита у границ королевства [франков]. Также часто он наносил удары по римской заносчивости и [отражал] вторжения васконов, когда казалось, будто народ

³³ Страна кельтиберов, населявших центральную и северную Испанию.

не столько вел войны, сколько упражнялся, словно в гимнастическом зале, для обретения пользы.

55. Провинции же, которые отец присоединил в борьбе, он сохранял в мире, поддерживал в них благополучие и правил с умеренностью. Был же он миролюбив, кроток, славен великими подвигами и справедливостью, был привлекателен внешне и в душе нес столько доброты, что, проникая в умы всех, даже злых [людей], притягивал своей любовью. Он был настолько благороден, что богатства частных лиц и земли церквей, которые к стыду отца были присоединены к [королевскому] фиску, он возвратил их собственным владельцам; был столь снисходителен, что часто щедрыми льготами облегчал подати народа.

56. Также многих одарил он богатством, многих возвысил почестями. Сохраняя свое состояние в нищете и свою сокровищницу в скудности, он думал, что на этом выросло королевство, и что, распоряжаясь им разумно, он благими начинаниями достигнет благополучного конца. Верность же доброй славе, которую он воспринял, начав царствовать, в итоге он дополнил публичным покаянием. Мирную кончину он встретил в Толете. Правил он пятнадцать лет.

57. В 639 году [нашей] эры, в семнадцатый год правления Маврикия, после короля Реккареда два года правил его сын Ливва, хотя и рожденный от незнатной происхождения матери, однако же одаренный доблестью. В расцвете его молодых лет Виттерих, установив тиранию, лишил его, невинного, власти, и, после того как отрубил ему десницу, убил его собственноручно на двадцатом году жизни и на втором [году] правления.

58. С 641 года [нашей] эры, двадцатого года правления Маврикия, после убийства Ливвы Виттерих в течение семи лет удерживал власть, которую он присвоил, пока тот был еще жив. Он был муж хотя и деятельный в военном деле, но так и не познавший победы. Ибо, часто вступая в сражения с римскими войсками, он не обрел никакой достойной славы, помимо того, что благодаря полководцу захватил нескольких солдат в Сагунтии³⁴. Он совершил в жизни много недозволенного, в [момент] же смерти, поскольку он убивал с помощью меча, он и сам изведal меч. Разумеется, смерть невинного [Ливвы] не оста-

³⁴ Точнее, в Сагунте, совр. Сагунто, к северу от Валенсии.

лась для него безнаказанной, ибо во время пиршества он в результате заговора был убит кем-то из сотрапезников. Тело его с пренебрежением вынесли и схоронили.

59. С 648 года [нашей] эры, с шестого года правления Фоки, после Виттериха в течение двух лет правил Гундемар. Он в ходе одного похода разорил васконов, в ходе другого осадил войско римлян. Умер собственной смертью в Толете.

60. В 650 году [нашей] эры, во второй год правления Ираклия, после Гундемара на королевский престол был приглашен Сисебут, правивший восемь лет и шесть месяцев. Он, склонявшийся в начале своего царствования к христианской вере иудеев, хотя и обнаружил [в этом] рвение, однако не слишком разумное: ведь он принуждал их силой, хотя следовало бы привлекать их осознанием веры. Но, как пишут, то ли случайно, то ли искренне [иудеями] был восславлен Христос. Был же [Сисебут] красноречив, недюж умом и отчасти обучен грамоте.

61. Он славен также военными подвигами и победами. Так, отправив войско против восставших астурийцев, он вновь вернул их под свою власть. Через полководцев он одержал верх над рокконами, окружив их со всех сторон в высоких горах. Неустрашимый, он также дважды торжествовал над римлянами и в сражениях подчинил себе некоторые из их городов: после победы он настолько был снисходителен, что, получив выкуп, отпустил многих, захваченных его войском в качестве добычи в плен, а сокровища эти использовал для выкупа пленных. Одни говорят, что он умер собственной смертью, другие, что от чрезмерного потребления лекарственных препаратов, оставив малолетнего сына Реккареда, который после кончины отца, спустя несколько дней после случившейся смерти, оказался [в королевстве] правителем.

62. В 659 году [нашей] эры, в десятый год правления Ираклия, королевскую власть божьей милостью получил наиславнейший Свинтила. Еще при короле Сисебуте, получив должность полководца, он покорил римские лагеря и одержал победу над рукконами. А когда достиг высот королевского престола, он, развязав войну, захватил остальные города, которые еще находились в Испаниях под властью римлян и удивительной победой стяжал величайшую, по сравнению с другими королями, славу триумфа. И стал он первым, кто распростра-

нил власть во всей Испании вплоть до океанского пролива, чего прежде не достигал ни один правитель. В результате той доблестной для него битвы он дважды заслужил титул патрикия, один из которых получил за свое благоразумие, а другой завоевал себе доблестью.

63. В начале своего царствования он также организовал поход против васконов, терзавших набегами Тарраконскую провинцию. Тогда горные народы настолько были обескуражены его нападением, что тотчас же, словно принимая заслуженный суд, сложив оружие и освободив для мольбы руки, склонили в покорности головы; они дали ему заложников, на свои средства и собственным трудом воздвигли город готов Ологик, обещая повиноваться его власти и господству и выполнять все, что бы ни было приказано.

64. Помимо этой славы воинского успеха было в нем великое множество добродетелей королевского величия: вера, благоразумие, трудолюбие, взвешенность в судебных спорах, усердие в государственных делах, щедрость ко всем, готовность к жертвованиям в пользу нищих и убогих, склонность к милосердию, так что он оказался достойным не только звания правителя народов, но и отца бедных.

65. Сын его Риккимир, участвующий в управлении [королевством], вместе с отцом делит престол; уже в детские годы его так сияет великолепие священного дарования, что и во внешности его и в существе открываются признаки отцовской доблести. Поэтому следует молить небеса и правителя рода человеческого, чтобы подобно тому, как [Риккимир] прославился в качестве соправителя отца, после многолетней власти родителя, он оказался достойным наследовать королевство.

Таким образом, подсчитывая времена королевства готов от вступления [на престол] короля Атанариха вплоть до пятого года [владычества] наиславнейшего правителя Свинтилы королевство готов, пребывая под покровительством Бога, просуществовало двести пятьдесят шесть лет.

ИСТОРИЯ БРИТТОНОВ*

«История бриттонов» — одна из удивительных загадок раннего средневековья. У исследователей практически нет сведений о ее авторе, к тому же имя Ненния, которому традиционно приписывается авторство, встречается далеко не во всех рукописях «Истории». Но даже признание Ненния в качестве автора «Истории бриттонов» не делает ситуацию более ясной. Мы ничего не знаем о национальной принадлежности Ненния, о роде его занятий, общественном положении. Известно лишь о времени его жизни, которую обычно датируют 796–830 гг. Несмотря на некоторую неопределенность в вопросе авторства, «История бриттонов» не перестает быть любопытнейшим памятником раннесредневековой историографии. Одно из наиболее древних исторических латинских сочинений, рожденных британской культурой, произведение Ненния содержит в себе уникальную информацию о раннесредневековой Британии и легендарном короле Артуре. В рожденной на стыке варварской и христианской культур «Истории» Ненния сквозь слой христианской историографической традиции и пришедшую с юга латынь проглядывает сознание более древнее, более загадочное, а потому более интересное для исследователя. Мы публикуем перевод первых глав «Истории бриттонов», в которых повествуется о происхождении бриттов и поселении их на Британских островах, а также содержится рассказ о римском владычестве в Британии. Перевод выполнен Ю. Б. Першиной под руководством В. М. Тюленева с издания: *Lot F. Nennius et l'Historia Brittonum*. Paris, 1934.

* Перевод осуществлен при поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований (Проект № 00-06-80215).

ВЕСЬМА КРАТКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ ОБ ОСТРОВЕ БРИТТАНИИ, КОТОРОЕ СЛОЖИЛ НЕННИЙ, УЧЕНИК ЭЛЬВОДУГА

Я, Ненний, ученик Эльводуга, позаботился записать краткие сведения, которые были обойдены молчанием вследствие невежества народа Бриттании¹, ибо ученые мужи этого острова Бриттании были неопытны [в подобных делах] и не смогли оставить в книгах никакого воспоминания о минувшем. Я же, напротив, собрал все, что нашел, как в анналах римлян, так и в хрониках святых отцов, а именно Иеронима, Евсевия, Исидора, Проспера, а также в анналах скоттов и саксонов и в преданиях наших предков, которые прельщались записать многие ученые мужи и писатели, но я не знаю, почему они оставили это: то ли из-за нескончаемых эпидемий, то ли из-за беспрерывных войн. Я прошу, чтобы всякий читатель, что возьмет в руки эту книгу, простил меня, за то, что, словно крикливая птица или неважный свидетель, я дерзнул после таких ученых мужей написать подобное. Я готов уступить тому, кто преуспеет в этом деле больше, чем я.

<...>

1. От начала мира до потопа [прошло] 2242 года.

От потопа до Авраама — 942 года.

От Авраама до Моисея — 640 лет.

От Моисея до Давида — 500 лет.

2. От Давида до Навуходоносора — 569 лет.

От Адама до переселения из Вавилонии — 4879 лет.

3. От переселения из Вавилона до Христа — 566 лет.

От Адама до Страстей Христа — 5228 лет.

4. От Страстей же Христа прошло 796 лет. От Воплощения же его минуло 831 год.

5. Итак, первый век [длился] от Адама до Ноя, второй — от Ноя до Авраама, третий — от Авраама до Давида, четвертый — от Давида до Даниила, пятый — от Даниила до Иоанна Крестителя, 6. шестой от Иоанна [продлится] до суда, во время которого придет Господь наш Иисус Христос, чтобы судить огнем живых и мертвых и самое мироздание.

¹ Мы сохраняем используемое в рукописях написание Британии через два «Т» и «Н».

7. Я попытаюсь, следуя преданию предков, открыть, что известно о Бриттаннском острове. Остров Бриттанния был назван именем Бриттона, сына Исиокона, который был сыном Алана из рода Яфета, или, как говорят другие, именем некоего римского консула Брута. Этот остров протянулся от северной Африки в западном направлении и имеет восемьсот миль в длину и двести миль в ширину. На нем расположено двадцать восемь городов и бесчисленные возвышенности с бесчисленными замками, сооруженными из камня и обожженного кирпича; на острове обитают четыре племени: скотты, пикты, саксоны, а также бриттоны.

8. [Неподалеку от Бриттаннии] есть еще три больших острова; один из них лежит напротив Арморики² и называется инис Гвейт³; второй расположен посреди моря между Ибернией⁴ и Бриттаннией, и имя его Эвбония⁵ или Манау; третий лежит в далеких пределах Бриттаннского мира, за пиктами, и зовется Орк⁶. Так, когда идет речь о судьях и королях, обычно говорят, следуя древней пословице: «Он рассудил Бриттаннию с тремя островами».

9. В Бриттаннии много рек, которые текут во всех направлениях: на восток, на запад, на юг и на север, однако две реки известны более других, это Тамесис⁷ и Сабрина⁸; они словно два рукава Бриттаннии, по которым издавна приплывали корабли, привозя на продажу богатые товары. Истари бриттоны полагали, что они занимают Бриттаннию от моря до моря.

10. Если кто захочет узнать, в какое время после потопа был заселен этот остров, я укажу две версии.

Так, в анналах римлян записано: после Троянской войны в Италию вместе с сыном своим Асканием прибыл Эней и, одержав верх над Турном, взял в жены Лавинию, дочь Латина, сына Фавна, сына Пика, сына Сатурна; и после смерти Латина получил царство римлян.

² П-ов Бретань.

³ О-в Уайт.

⁴ Ирландия.

⁵ О-в Мэн.

⁶ Оркадские острова.

⁷ Темза.

⁸ Северн.

Асканий же основал Альбу. Потом [Эней] познал жену и дал ей сына по имени Сильвий. Сильвий также познал жену, и она зачала. Когда Энею было сообщено, что невестка его беременна, послал он к Асканию, своему сыну, [гонца], прося, чтобы отправил тот своего мага для осмотра жены [Сильвия], чтоб определил, кого она носит в утробе: мальчика или девочку. Маг осмотрел [Сильвиеву жену] и вернулся назад. За пророчество свое маг был убит Асканием, ибо открыл он, что в утробе женщины мальчик, и станет он сыном смерти, поскольку убьет отца своего и мать и станет ненавистен всем людям. Так и случилось: женщина умерла во время родов; а сын был возвращен и назван Бриттом.

Вот генеалогия этого без причин ненавидимого Бритта, от которого мы, то есть бриттоны, происходим, сколько бы скотты, не знающие своего происхождения, не считали себя его потомками. Так вот, Бритт был сыном Сильвия, сына Аскания, сына Энея, сына Анхиса, сына Капена, сына Асарака, сына Троса, сына Эректония, сына Дардана, сына Юпитера из рода Хама, проклятого сына, увидевшего и осмеявшего своего отца. У Троса же было двое сыновей, Илий и Асарак. Илий построил город Илион, то есть Трою, а перед тем он родил Ламедона; сам он [Ламедон] — отец Приама. Асарак же родил Капена, а сам [Капен] — отец Анхиса. Анхис родил Энея, а сам Эней — отец Аскания.

На этой странице я изложил для тебя, Самуил, дитя моего учителя, пресвитера Беулана, то, что обнаружил я. Но эта родословная не была записана ни в одной книге Бриттаннии, зато находилась в голове писателя.

Спустя много времени после пророчества мага Бритт, когда играл с другими [детьми], стрелой поразил своего отца, но не по [злому] умыслу, а случайно, и был изгнан из Италии и возмужал [на чужбине]. Он достиг островов Тирренского моря, но был изгнан греками из-за убийства Турна, которое совершил Эней. После этого он прибыл к галлам и построил там город туронов, который называют Турном⁹. Позже он достиг того острова, который получил название от его имени, то есть Бриттаннии, остался там и заселил его всем своим родом.

⁹ Совр. Тур.

11. Эней правил над латинами в течение трех лет. Асканий правил тридцать семь лет. После него двенадцать лет правил сын Энея, Сильвий. Тридцать девять лет царствовал Постум, от которого цари альбанов получили имя Сильвиев. Его братом был Бритт.

Когда Бритт правил в Бриттании, в Израиле был судьей первосвященник Илий, тогда же ковчег завета [Господа] был захвачен иноземцами, и над латинами правил Постум.

12. Спустя много лет, не менее девятисот, пришли пикты и захватили острова, которые именуются Оркадами, и затем, [отправляясь в походы] с островов, они опустошили многие области на левой стороне Бриттании и захватили их. И обитают там, владея третьей частью Бриттании, вплоть до сегодняшнего дня.

13. Наконец, из областей Испании в Ибернию стали переселяться скотты. Первым с тысячей мужчин и женщин прибыл Партолом. Вскоре число их возросло до четырех тысяч человек. Но случился среди них мор, и за одну неделю болезнь сразила всех, и никто из них не выжил. Вторым достиг Ибернии Нимет, сын некоего Агномина, который, как рассказывают, плыл по морю полтора года, после чего, поскольку корабли его потерпели крушение, он обрел спасение в Ибернии и оставался там долгие годы. Однажды он снова вышел со своими в море и вернулся в Испанию. Позже прибыли три сына испанского воина, [приплыв] на тридцати кораблях с тридцатью женами на каждом корабле, и оставались тут в течение года. Как то раз они увидели посреди моря стеклянную башню и, заметив на башне людей, попытались заговорить с ними, но те были безмолвны. В одно лето они отправились на захват башни вместе с женами, спустив на воду все корабли, кроме одного, разбитого бурей; на нем было тридцать мужей и столько же жен. Прочие корабли отправились на завоевание башни, и в тот момент, когда все ступили на сушу, окружавшую башню, нахлынула волна, и никто из них не спасся. Потомками же тех [скоттов], чей корабль, будучи поврежден, остался [на берегу], и ныне полна вся Иберния. Позже скотты все прибывали из областей Испании и заселили тут многие земли.

14. Наконец, прибыл Дамхоктор и поселился тут со всем своим родом, [живущим здесь] и ныне. Исторет, сын Историны, вместе со

своими занял в Бриттаннии Дальриету¹⁰. Буилк со своими овладел островом Эвбонией, а также другими островами, лежащими поблизости. Сыновья Лиетана захватили земли в стране деметов и в других областях, а именно в Гухире и в Кетгвели, и владели ими до тех пор, пока не были изгнаны Кунедой и его сыновьями из всех бриттаннских земель.

15. Если кто захочет узнать, когда и до какого времени Иберния оставалась необитаемой и пустынной, то самые сведущие из скоттов мне сообщили следующее. Когда сыны Израиля проходили через Красное море, как передается в Законе, египтяне стали преследовать их и были поглощены морем. Жил среди египтян знатный муж родом из Скифии с большой семьей, изгнанный из своего царства; и вот, он оставался [в Египте] и не отправился на преследование народа Бога, в то время как египтяне были поглощены морем. Те же [из египтян], кто остался в живых, решили изгнать его, чтобы не захватил он власть над ними, ибо знать их погибла в Красном море; и он был изгнан. В течение сорока двух лет шел он со своими через Африку, и подошли они к алтарям Филистинов¹¹, оставив позади Соляное озеро¹², далее они прошли между Русикадой¹³ и Азарскими горами¹⁴ и переправились через реку Мальву¹⁵ и достигли, пройдя Мавританию, Геркулесовых Столбов¹⁶. Далее они вышли в Тирренское море и достигли Испании, и там оставались долгие годы; и там они разрослись и приумножались и стали весьма многочисленными. Затем они достигли Ибернии — спустя тысячу два года после того, как египтяне погибли в Красном море; областей Дальриеты они достигли в то время, когда римлянами руководил Брут, от которого пошли консулы, а потом [появились] народные трибуны и диктаторы. Консулы в течение четырехсот сорока семи лет управляли государством, которое прежде находилось под царским величием.

¹⁰ Область на северо-западе современной Шотландии.

¹¹ Точнее, алтари Филенов, граница между областями Кирены и Карфагена.

¹² Впадина Шотт-Джерид в Тунисе.

¹³ Совр. город Скикда в Алжире.

¹⁴ Горный массив в Алжире, часть Большого Атласа.

¹⁵ Река Мулуя в Марокко.

¹⁶ Гибралтар.

Бриттоны прибыли в Бриттанию в третьем веке от [сотворения] мира, скотты же завладели Ибернией в четвертом. Скотты, которые живут на западе, и пикты, [обитающие] на севере, в союзе друг с другом беспрерывно нападали на бриттонов, ибо бриттоны не пользовались оружием. Спустя много лет владычество над всем миром получили римляне.

16. От того года, когда саксы прибыли на Бриттанию, и до четвертого года правления короля Мермина насчитывают четыреста двадцать девять лет; от Рождества Господня до прихода к скоттам [святого] Патрикия¹⁷ прошло четыреста пять лет; со смерти Патрикия до кончины святой Бригиды минуло шестьдесят лет; от рождения святого Колумбия до смерти Бригиды — сорок лет.

Основание исчисления: двадцать три девятнадцатилетних цикла от Воплощения Господа до прибытия Патрикия в Ибернию составляют четыреста тридцать восемь лет. А от кончины Патрикия до девятнадцатилетия, в котором живем мы, минуло двадцать два цикла, то есть четыреста двадцать один год, в новом же цикле до того года, в котором живем мы, прошло два года.

17. Другие сведения об этом Бритте я обнаружил в древних книгах наших предков. Три сына Ноя после потопа разделили круг земной на три части. Сим расположил пределы свои в Азии, Хам — в Африке, Яфет — в Европе. Первый человек из рода Яфета, который пришел в Европу, был Алан со своими тремя сыновьями, которых звали Хесситион, Арменон и Ногве. У Хесситиона было четыре сына: Франк, Роман¹⁸, Бриттон и Аламанн. У Арменона было пять сыновей: Гот, Валагот, Гебид, Бургунд и Лонгобард. Негве же имел трех сыновей: Ванда, Саксон, Богуар. От Хесситиона произошло четыре племена: франки, латины, аламанны и бритты. От Арменона же пять: готы, валаготы, гебиды, бургунды и лонгобарды. От Негве еще четыре: богуарии, вандалы, саксоны и туринги. Эти народы расселились по всей Европе. Алан же, как говорят, был сыном Фетебира, сына Оугумуна, сына Троя, сына Боиба, сына Симеона, сына Маира, сына Этах, сына Ауртах, сына Эктета, сына Ота, сына Абира, сына Ра, сына Эзры, сына Израу, сына Баата, сына Иобаата, сына Иована, сына Яфета, сына Ноя, сына Ламеха, сына Матусалы, сына Енох, сына Ярета, сына

¹⁷ Св. Патрик.

¹⁸ Romanus — Римлянин.

Малалеела, сына Каина, сына Еноса, сына Сета, сына Адама, сына живого Бога. Это я узнал из преданий предков, которые среди первых оказались на острове Бриттании.

18. Бриттоны пошли от Бритта. Бритт был сыном Хесситиона, Хесситион — сыном Аланея, Аланей — сыном Реи Сильвии, Рея Сильвия — дочерью Нумы Помпилия¹⁹, сына Аскания; Асканий был сыном Энея, сына Анхиса, сына Троса, сына Дардана, сына Флиса, сына Иувана, сына Яфета. У Яфета же было семь сыновей. Первым был Гомер, от которого пошли галлы. Вторым — Магог, от которого пошли скифы и готы. Третьим — Мадай, от которого произошли мидяне. Четвертых был Иуван, от которого пошли греки. Пятым был Тубал, от которого происходят иберы, испанцы и итальянцы. Шестым был Мосох, от которого пошли каппадокийцы. Седьмым — Тирас, от которого произошли фракийцы. Таковы сыновья Яфета, сына Ноя, сына Ламеха.

Теперь же я возвращаюсь назад к тому, с чего отклонился в сторону.

19. Римляне, когда стали владеть всем миром, послали к бриттонам своих легатов, чтобы получить от них заложников и дань, точно также, как получали они их со всех земель и островов. Бриттоны, так как были они своенравны и напыщенны, презрели посольство римлян. Тогда Юлий Цезарь, который первым стал править единолично, разгневался и направился в Бриттанию на шестидесяти кораблях; он вошел в устье реки Тамезис, где корабли его потерпели крушение, пока сам он сражался с Долобеллом, который был проконсулом у бриттонского короля. Сам же король звался Беллином и приходился сыном Миноканну, который [в свое время] захватил все острова Тирренского моря. Юлий, когда были повержены его воины и корабли разбиты [стихией], без победы возвратился [в Рим].

20. По прошествии трех лет [Цезарь] вновь прибыл [в Бриттанию] с огромным, на трехстах кораблях, войском и вошел в устье реки, которая зовется Тамезис. Там они начали сражение, в котором [у римлян] пало большое количество коней и погибли многие воины, потому что упомянутый выше проконсул вбил на мелководе железные колья и [разбросал] семена войны [semen bellicosum], то есть ке-

¹⁹ Нума Помпилий.

тилоу; потери среди римских воинов от этих невидимых ловушек были столь велики, что они, не получив мира, ушли [восвояси]. В третий раз сражение состоялось близ места, которое называется Триновант, и Юлий получил власть над бриттонским племенем в сорок седьмом году до рождества Христова, в пять тысяч двести пятнадцатом году от начала мира.

Итак, Юлий первым пришел в Бриттанию и покорил [здесь] и королевство, и народ. А римляне постановили, что в честь его месяц Квинтилий должен называться Июлем. В мартовские же иды Гай Юлий Цезарь был убит в курии, после чего властью над всем миром овладел Октавиан Август. Лишь один он стал получать дань с Бриттании, как говорит о том Вергилий:

*Пурпурный занавес вверх британнами ткаными вздернут*²⁰.

21. Вторым после Цезаря прибыл [на остров] император Клавдий и правил в Бриттании с сорок восьмого года по воплощении Христа, после того как учинил там огромную резню и [провел] войну не без урона для [своего] войска; однако же он одержал в Бриттании победу. После он отправился на кораблях к Оркадским островам, подчинил их себе и сделал данниками. В его время дань из Бриттании перестала поступать к римлянам, но возвращена была бриттонским правителям. Клавдий правил тринадцать лет и восемь месяцев. Его памятник можно увидеть в Могантии²¹ у лонгобардов: он скончался там, когда направлялся в Рим.

22. После сто шестьдесят седьмого года по воплощении Христа бриттонский король Луций со всеми правителями всего бриттонского народа принял крещение, после того как от римского императора и от римского папы Эвариста к нему было отправлено посольство.

23. Третьим, кто переправился к бриттонам, был Север; там, чтобы обезопасить завоеванные провинции от варварского вторжения, он воздвиг стены и [насыпал] вал от моря до моря по всей ширине Бриттании длиной в сто тридцать две римских миль; на бриттонском языке оно называлось Гуаул. А приказал он возвести укрепления между бриттонами, пиктами и скоттами по той причине, что скотты постоянно нападали на бриттонов с запада, а пикты с севера, в то время

²⁰ Verg. Georg. III. 25. Пер. С. Шервинского.

²¹ Совр. Майнц.

как между собой сохраняли мир. Несколько позже, продвигаясь вглубь Бриттании, Север был убит близ Эборака²² вместе со своими полководцами.

24. Четвертым был Каритий, император и тиран, который и в Бриттанию прибыл как тиран. Он в том оказался тираном, что в ответ на убийство Севера и всех полководцев римского народа, которые были [с Севером] в Бриттании, перебил всех царьков бриттонов, жестоко покарал их за Севера и захватил пурпур Бриттании.

25. Пятым был Константин, сын Константина Великого. Он тут и скончался. Могила его, которую можно узнать по надписи на могильном камне, находится близ города, который называется Каир Сегейнт²³. В землю названного выше города он зарыл, словно три семени, золото, серебро и медь, чтобы не осталось там ни одного нищего; иначе город называется Минмантон.

26. Шестым в Бриттании правил император Максим. Со времен его появились консулы, и никогда позже цезарями они не именовались. Во времена его прославился добродетелями своими и чудесами святой Мартин, который говорил с ним.

27. Седьмым правил в Бриттании император Максимиан. Сам он вместе с воинами бриттонов ушел из Бриттании, убил Грациана, царя римлян, и обрел власть над всей Европой. Тех воинов, что ушли с ним, он не захотел отпускать в Бриттанию к их женам, детям и владениям, но дал им многие земли от озера, которое находится на вершине горы Юпитера, до города, который зовется Кант Гуик²⁴ и до западного мыса, который зовется Крук Окидиент. Они стали арморикскими бриттонами и до сего дня не вернулись сюда. Вследствие этого Бриттания была захвачена чужеземцами, жители ее изгнаны, [и ожидают], когда Бог поможет тем.

Согласно преданию наших пращуров у римлян в Бриттании было семь императоров, римляне же называют девять. Восьмым был другой Север, который то пребывал в Бриттании, то отправлялся в Рим, где он и умер. Девятым был Констанций. В Бриттании он правил шестнадцать лет, и на семнадцатом году своей власти, как они сами говорят, он умер в Бриттании, в Эбораке.

²² Совр. Йорк.

²³ Римский Сегонциум.

²⁴ Совр. Эталь на берегу Ла-Манша.

28. К тому времени римляне правили над бриттонами уже четыреста девять лет. И вот бриттоны свергли власть римлян, перестали платить им дань и принимать их правителей, которые бы властвовали над ними, и римляне не отважились приходить более в Бриттанию, чтобы укрепить свою власть, ибо бриттоны убили их полководцев.

29. Нужно еще раз сказать о тиране Максими<а>не. Грациан правил с братом Валентинианом в течение шести лет. [Тогда] медиоланский епископ Амвросий прославился в [толковании] учения католиков. Валентиниан с Феодосием правил восемь лет. [Тогда] триста восемнадцать отцов составили Константинопольский синод, на котором были осуждены все ереси. Тогда по всему свету прославился вифлеемский пресвитер Иероним. В то время, когда над всем миром властвовал Грациан, в Бриттании в ходе мятежа воинов императором был провозглашен Максим, который в скором времени переселился в Галлию. Грациан в результате измены военного магистра Мероблауда был разбит в земле парассиев²⁵ и, бежавший в Лугдун²⁶, был схвачен и умерщвлен. Максим назначил соправителем своего сына Виктора. Мартин, епископ Туронский²⁷, прославился великими добродетелями. Прошло достаточного времени, когда консулами Валентинианом и Феодосем Максим был схвачен у третьего милевого камня от Аввилей²⁸ и, лишенный царских одежд, предан казни. Его сын Виктор в том же году, когда к концу подходило пять тысяч шестьсот девяностое лето от начала мира, был убит в Галлии комитом Аргабастом.

31. Трижды правители римлян принимали смерть от бриттонов. Бриттоны же, когда их начинали беспокоить племена варваров, а именно скоттов и пиктов, испрашивали у римлян помощь, отправляли к ним послов, и когда те представляли перед римлянами в великой скорби, посыпая головы свои пеплом, и приносили с собой для римских консулов великие дары во искупление убийств [поставленных ими] правителей, консулы принимали от них дорогие подношения. И под присягой бриттоны обещали пойти под ярмо римского закона, сколь бы не было оно тяжелым.

²⁵ Точнее, в земле париссиев, живших на территории Парижского бассейна.

²⁶ Совр. Лион.

²⁷ Св. Мартин Турский.

²⁸ Аквилей, город на северном побережье Адриатического моря.

Римляне приходили к ним на помощь с великим воинством и назначали в Бриттании повелителя; когда же повелитель и [другие] правители [в Бриттании] были назначены, войско возвращалось в Рим, и так случалось из раза в раз на протяжении трехсот сорока восьми лет. Бриттоны же, не вынося тяжести [принятой на себя] власти, убивали римских правителей, а потом, как и прежде, испрашивали помощь. Римляне же, чтобы оказать помощь [бриттонам] и восстановить свою власть, покарав [виновных], приходили вновь, после чего, разграбив Бриттанию, с великим триумфом отправлялись в обратный путь, [увозя с собой] золото, серебро, медь, дорогие одежды и мед.

АНГЛОСАКСОНСКАЯ ХРОНИКА*

«Англосаксонская хроника» — это превосходный образец древнеанглийской прозаической литературы и единственный весьма ценный письменный источник по истории этого периода. Свое начало она берет в пасхальных таблицах, которыми пользовались священники, чтобы вычислить ежегодную дату празднования Пасхи. Эти таблицы включали несколько вертикальных колонок, где слева на отдельной строке обозначалась дата, а справа оставлялись широкие поля. Напротив каждой даты, на полях, делались короткие записи о событиях года — не для того, чтобы оставить историческое свидетельство, но просто для опознания года. Полный набор таких погодных записей содержит одна из рукописей (Cotton Caligula A. xiv); остатки подобной системы обнаруживает Паркеровская рукопись, где писец вначале внес обозначения годов, по одному на строку, сплошной колонкой на несколько страниц, в результате чего некоторые более длинные записи занимают несколько строк, что вызывает путаницу в хронологии.

«Англосаксонская хроника» — в том виде, в каком она существует сейчас, развившись из первоначально примитивных анналов — сохранилась в семи основных рукописях. Важнейшей является Паркеровская рукопись (Corpus Christi College, Cambridge, MS 173), потому

* Перевод осуществлен при поддержке Российского Фонда Фундаментальных исследований (Проект № 00-06-80111).

что она самая ранняя (вторая половина IX–XI вв.) и ближе всего к оригиналу, отчего и проливает свет на материалы, из которых были составлены другие варианты текста. Сохранившиеся рукописи весьма близко согласуются друг с другом вплоть до 890 года и расходятся после этой даты; Паркеровская рукопись написана одной рукой почти до конца 891 г., которым заканчиваются и публикуемые ниже отрывки. Указанные факты заставили исследователей предположить, что все эти варианты происходят от утерянных копий более ранней компиляции, которая была составлена около этой даты.

Обыкновенно полагают, что король Альфред (871–900 гг.) был вдохновителем, если не непосредственным составителем «Англосаксонской хроники», и принимал активное участие в ее распространении. Это мнение вполне соответствует культурной политике и образовательной программе этого выдающегося деятеля англосаксонской Британии и подтверждается некоторыми особенностями повествования (в частности, отдельными дословными совпадениями с древнеанглийским переводом Альфреда «Всемирной истории» Павла Орозия; упоминаниями Винчестера, «столицы» Англии в эпоху Альфреда; акцентом на его борьбе со скандинавами).

Неудивительно, что эту хронику называют подчас «альфредовой» или «уэссекской»: стимулом к ее написанию вполне могли послужить указания самого Альфреда, хотя трудно установить точное место и обстоятельства ее составления. Публикуемые ниже пять отрывков включают те из записей, которые позволяют современному читателю познакомиться с событиями, считавшимися достойными увековечивания в истории; этическими и социальными установлениями англосаксонского общества; тактикой ведения военных действий; наконец, особенностями построения и стиля летописного рассказа. Здесь есть всё, что вызывало живой интерес у современников Альфреда и, надеемся, вызовет таковой и у нынешнего читателя, более тысячи лет спустя: политический конфликт англосаксонских правителей, изложение которого сопровождается интересными бытовыми подробностями; контакты королевского дома с континентом; родословная, которая возводит потомков уэссекских королей к самому Адаму (имея основанием восстановление падшего человечества в Иисусе Христе), но не обходит и Водена, верховного бога германского языческого пантеона; перипетии сражений Альфреда с викингами; чудесные палом-

ничества кельтских христианских подвижников; и даже небесные знамения, предвещавшие бедствия глобального масштаба..

Особого внимания заслуживает первый отрывок, один из наиболее ранних, на котором остановимся отдельно.

Трагический рассказ о гибели Кюневульфа и Кюнехеарда резко выделяется среди прочих кратких и нередко сухих заметок, из которых складывается летопись до правления Альфреда: столь живого и подробного изложения исторического эпизода не встретишь ранее, чем сотню лет спустя. Несомненно, оно было описано очевидцами и является тем самым древнейшим образцом исторической прозы на германских языках. Стиль его сохраняет следы безыскусного устного рассказа, замечательным образом контрастируя с отточенным языком более поздних частей хроники.

Рассказ, описывающий жестокие обычаи мести в англосаксонском обществе VIII в., обнаруживает недюжинные литературные способности летописца и ясное осознание им причинно-следственных связей в истории. Цепь событий начинается с политической акции, низложения Сигебрюхта, но далее повествователь сосредотачивается на веренице личных актов мщения, которым оказываются причастными и люди более низкого звания. Этапы борьбы напоминают родовые распри в исландских сагах.

Эпизод этот часто рассматривается как источник сведений по социальной истории англосаксов, а именно как свидетельство значимости для англосаксонского общества идеалов древнегерманского института *comitatus*, то есть взаимной поддержки вождя и дружины (как это подтверждается и сюжетом древнеанглийской поэмы X века «Битва при Мэлдоне»). Этот идеал предполагал личную преданность дружинника своему господину, обязанность мстить за господина или идти на смерть, отказ от выкупа и предпочтение верности вождю верности своему роду. Как и «Битва при Мэлдоне», рассказ о Кюневульфе и Кюнехеарде дает яркую иллюстрацию действия института *comitatus* в позднем германском героическом мире, и как таковой имеет ценность для историка.

Особый интерес представляет детальная разработка мотивов поведения участников конфликта. Рассказчика явно интересуют реакции людей на события, мотивация присутствует почти на каждой стадии конфликта: убийство Сигебрюхта подано не просто как некое проис-

шествие, но как намеренный акт мести; в финальной стычке в полной мере раскрыто отношение противников друг к другу; в конце отмечены даже причины, по которым был оставлен в живых один из участников сражения. Столь полная разработка мотивов отличает данный отрывок от других частей Альфредовой хроники; он выделяется также законченностью и ясностью повествования, основные стадии конфликта изложены внятно и связно. Нарративный метод включает разные виды подачи содержания: авторскую речь, прямую речь, косвенную речь, что едва ли типично для техники рассказа в других частях хроники.

Некоторые комментаторы даже полагают, что этот отрывок, столь отличающийся от обычного стиля хроники, имеет некий литературный прототип, бытовавший в устной передаче — эпическую поэму вроде «Битвы при Брунанбурге» или «Битвы при Мэлдоне» или сказание в духе исландских саг, сложившееся по свежим следам событий, но записанное хронистом времен Альфреда. Однако другие возражают, что сам конфликт представлял достаточный политический интерес для современников, чтобы быть подробно описанным в самой хронике, и настаивают на историческом значении героической фигуры Озрика, который сумел погасить скороспелый путч Кюнехеарда.

Перевод «Англосаксонской хроники» выполнен Н. Ю. Гвоздецкой¹.

КЮНЕВУЛЬФ И КЮНЕХЕАРД

755(757) В то лето² Кюневульф, вместе с уэссекскими советниками³, лишил Сигебрюхта за неправомерные дела его королевских владений — всех, кроме Хэнтуншира⁴; и он владел им, пока не убил олдер-

¹ При подготовке переводов и комментариев использованы издания: *An Anglo-Saxon Reader* / Ed. with notes and glossary by A. J. Wyatt. Cambridge, 1922; *Sweet's Anglo-Saxon Reader in Prose and Verse* / Revised by C. T. Onions. Oxford, 1954; *Old English Prose and Verse* / An annotated selection with introductions and notes by R. Fowler. London, 1966. Знак долготы гласных опущен.

² В оригинале типичный летописный зачин буквально *her* «здесь»

³ Это первое свидетельство участия королевских «мудрецов» в низложении короля.

⁴ Современный Hampshire.

мена, который ему дольше всех прослужил. И тут Кюневульф изгнал его в Андред⁵, и он там жил, пока не заколол его один пастух близ Прювет-реки; а тот отомстил за олддермена Кумбру.

А Кюневульф тот часто и подолгу воевал с бриттами; и тридцать один год спустя⁶, как завладел королевством, пожелал он изгнать одного княжича⁷, что звался Кюнехеард; а был тот Кюнехеард Сигебрюхту братом. И вот выследил он короля при малой охране, на свидании с женщиной в Мерантуне⁸, и устроил ему там конную засаду, и покой⁹ их снаружи окружил, прежде чем о том люди дознались, что с королем были. И вот король это заметил, и к двери подошел, и храбро оборонялся, пока не увидел того княжича, и тотчас с ним схватился, и ранил изрядно. И стали они все с королем сражаться, пока не убили его. И тут по крикам той женщины догадались о стычке охранники королевские, и сразу туда прибежали, как только изготовились и снарядились. И каждому из них тот княжич награду и жизнь обещал; и ни один из них ее принять не захотел. Но все они долго сражались, пока не полегли, кроме одного бриттского заложника¹⁰, да и тот был сильно ранен.

Как наутро прослышали о том дружинники короля, за ним следовавшие, что король их убит, тотчас поскакали они туда, и олддермен его Озрик, и Уиферт, его тан, и те люди, которых он за собою оставил; и вышли они навстречу княжичу у городища, где король лежал убитый — а те ворота¹¹ перед ними на замок заперли — и осадили это место. И тот пообещал им на их собственный выбор имущества и зе-

⁵ Неоднократно упоминаемый в хронике Андеридский лес, простирившийся на много миль в Кенте и Сассексе.

⁶ Повествование забегаєт здесь вперед. Гибель Кюневульфа заново фиксируется хроникой под 784 г. В оригинале буквально «тридцать одну зиму спустя», типичный германский счет зим, а не лет.

⁷ В оригинале ædeling, наименование любого знатного человека, но в данном отрывке последовательно именуєт младшего члена королевского рода.

⁸ Совр. Merton в графстве Surrey.

⁹ В оригинале bur, позднее bower в рыцарском романе. Полагают, что это была постройка, отдельная от главной резиденции (heall), где находилась королевская охрана.

¹⁰ Заложник не был связан с Кюневульфом узами comitatus.

¹¹ Gatw «ворота, калитка» — вход в ограду burg «укрепления», в отличие от двери bur, перед которой пришлось обороняться Кюневульфу.

мель, если только признают они его королевскую власть, и открыл им, что с ним их родичи, его покидать не желающие. А они ответили ему, что никто из родичей им так не люб, как их собственный лорд, и убийце его они никогда служить не будут, а родичам своим они обещали, что отпустят их живыми-невредимыми. А те ответили, что то же самое обещали их товарищам, которые раньше тут с королем были; и еще сказали, что пекутся они о том «не больше, чем ваши товарищи, что с королем были убиты»¹². И бились они у ворот до тех пор, пока внутрь не проникли, и княжича не убили, и людей, что с ним были, всех кроме одного: тот был олдерменовым крестником, и жизнь свою упас; а всё же и он был весь изранен.

НАБЕГИ ВИКИНГОВ

855. В то лето впервые поганые¹³ в Шеппи¹⁴ зиму просидели. И в то же лето отписал король Этельвульф¹⁵ десятинную долю своих земель со всего своего королевства во славу Божию и себе самому в вечное спасение; и в то же лето отправился в Рим с большою пышностью, и прожил там двенадцать месяцев, а потом поехал к себе домой. И тогда ему Карл, король франков, отдал в жены дочь, а после он возвратился к своим людям, и те радостно его приветствовали. А через два года по возвращении от франков он скончался, и тело его покоится в Винтанчестере¹⁶; а правил он восемнадцать с половиной лет. А Этельвульф тот родился от Эггбрехта, а Эггбрехт от Эалхмунда, а Эалхмунд от Эафы, а Эафа от Эоппы, а Эоппа от Ингильда; Ингильд был братом Ины, короля западных саксов, того, что ездил в град Св.Петра¹⁷ и там отдал Богу душу; и они были сыновьями Кенреда; Кенред родился от Кеольвальда, Кеольвальд от Куты, Кута от Кутви-

¹² Внезапный переход от косвенной речи к прямой — черта устного сказового стиля, характерная для исландских саг.

¹³ В оригинале *hæfene men* «язычники», то есть норманны, именуемые в хронике также *Dene* «даны», независимо от этнической принадлежности.

¹⁴ Остров Sheppey в дельте Темзы.

¹⁵ Отец Альфреда Великого. Полагают, что малолетний Альфред (род. в 849 г.) сопровождал его в этом путешествии.

¹⁶ Совр. Winchester.

¹⁷ Рим.

не, Кутвине от Кеавлина, Кеавлин от Кюнрика, Кюнрик от Кердика, Кердик от Элесы, Элеса от Эслы, Эсла от Гивиса, Гивис от Вига, Виг от Фреавине, Фреавине от Фритогара, Фритогар от Бронда, Бронд от Бэльдэга, Бэльдэг от Водена, Воден от Фреалафы, Фреалаф от Финна, Финн от Годвульфа, Годвульф от Геата, Геат от Тэтвы, Тэтва от Беава, Беав от Скельдвы, Скельдва от Херемода, Херемод от Итермона, Итермон от Хратры, что родился в ковчеге; Ной, Ламах, Матусалем, Енох, Иаред, Малеел, Камон, Енос, Сед¹⁸, Адам; первый человек и отец наш есть Иисус Христос. Аминь.

БИТВА ПРИ ПЕПЕЛЬНОЙ ГРЯДЕ¹⁹

871. В то лето прибыла вражеская рать²⁰ в Рединг в Уэссексе, и через три дня прискакали два ярла²¹. Вот выехал им навстречу олдермен Этельвульф на Англское поле²², и с ними сразился, и одержал победу. А через четыре дня²³ король Этеред²⁴ и брат его Альфред привели в Рединг большое войско, и с той вражеской ратью сразились; и там много народу пало с обеих сторон, и был убит олдермен Этельвульф, и даны овладели полем битвы.

¹⁸ Менее известные ветхозаветные имена воспроизводятся в древнеанглийской форме.

¹⁹ Сейчас сохранилось в названии Ashdown Park в местечке Ashbury в графстве Berkshire, но первоначально обозначало цепь холмов на меловых возвышенностях Беркшира.

²⁰ В оригинале here, устойчивое наименование войска викингов в отличие от англосаксонского войска, которое именовалось fyrd.

²¹ В оригинале eorl, которое применительно к англосаксам обозначало просто эрла (знатного человека), но употребляется в хронике и как эквивалент этимологически родственного древнескандинавского титула jarl.

²² Совр. Englefield в графстве Беркшир.

²³ В оригинале «через четыре ночи». Счет ночей вместо дней — типично германское обозначение суток, отмеченное еще Тацитом — нередко встречается в хронике (сравни выше также обозначение лет по «зимам»). Это древнее исчисление времени сохранилось в современном английском наименовании fortnight «две недели» (от «четырнадцать ночей»)

²⁴ Ætered (= Æþelred), брат Альфреда Великого и его непосредственный предшественник на престоле (866—871 гг.).

А через четыре дня бился король Этеред и брат его Альфред со всею вражескою ратью на Пепельной гряде, а те построились двумя рядами: в одном были Бахсег и Хальфдене, поганных конунги, а в другой ярлы. И вот сразился король Этеред с отрядом конунгов, и пал там конунг Багсег; а брат его Альфред с отрядом ярлов, и пал там ярл Сидрок²⁵ Старый, и ярл Сидрок Молодой, и ярл Осбеарн, и ярл Френа, и ярл Харелд; и оба отряда обратились в бегство, оставляя тысячи убитых; и сражались до ночи.

А через четырнадцать дней сразился король Этеред и брат его Альфред с той ратью в Басинге, и там одержали даны победу.

А через два месяца бился король Этеред и брат его Альфред с той ратью в Меретуне; а те выстроились двумя рядами; и обоих преследовали, и весь день победу одерживали; и много там пало народу с обеих сторон; и даны овладели полем битвы; и пал там епископ Хеахмунд, и много добрых мужей. А после того сражения явилось великое летнее войско.²⁶

А после Пасхи скончался король Этеред; и правил он пять лет; и тело его покойся в Уинбурне²⁷. Тогда брат его Альфред Этельвульфич²⁸ взшел на престол в Уэссексе. И через месяц бился король Альфред со всею вражескою ратью малыми силами, в Уилтуне²⁹, и ее весь день преследовал; а даны овладели полем битвы.

И в том же году было девять великих сражений с вражескою ратью в королевстве к югу от Темзы, а кроме того брат короля Альфред и, отдельно, некий олдермен и королевские таны часто совершали конные походы, коих не счесть; и в том году пали девять эрлов и один король. И тем же годом заключили уэссексы с вражескою ратью мир.

²⁵ Имена скандинавов даны в древнеанглийской форме оригинала.

²⁶ Войско, которое не оставалось на зимовку в Англии.

²⁷ Совр. Wimborne в Дорсете.

²⁸ В оригинале *Æpelwulfing*, образование с германским патронимическим суффиксом.

²⁹ Совр. Wilton в графстве Уилтшир.

АЛЬФРЕД И ГОДРУМ

878. В то лето внезапно явилась вражеская рать в середине зимы, через двенадцать дней, в Чиппенхэм, и захватили уэссекскую землю, и обосновались в ней, и много народу за море прогнали, а другого наибольшую часть завоевали, и себе подчинили, кроме короля Альфреда: да и он с малым отрядом еле-еле в леса ушел и на вересковые пустоши.

И той же зимой побывал брат³⁰ Инвара и Хеальфдене³¹ в Уэссексе, в Девоншире, с двадцатью тремя кораблями; и его³² там побили, и с ним восемьсот человек, и сорок человек из его войска.

А на Пасху построил король Альфред с малым отрядом укрепление на Княжьем острове³³; и из того укрепления сражался с вражескою ратью, а с ним часть людей из Сомерсета, что поближе были.

А на седьмую неделю по Пасхе прискакал он к Эгтбрюхтовой скале на востоке Сельвудского леса. И навстречу ему вышли все обитатели Сомерсета, и Уилтшира, и Хэмптоншира (той части его, что по эту сторону моря), и радостно его приветствовали. А он добрался за один день из тех мест в Игли, а еще за один в Эдандун³⁴; и там сразился со всею тою ратью, и обратил в бегство, и гнался за ними до самого их лагеря, и держал его в осаде четырнадцать дней. И тут дала ему рать знатных заложников, и принесла присягу, что они из его королевства изыдут вон; и ему также пообещали, что их конунг примет крещение: и всё это они исполнили. И через три недели прибыл к ним конунг их Годрум, а с ним тридцать его людей, что самыми достойными были в его войске в Алоре³⁵, а это напротив Княжьего острова; и принял там конунг тот крещение, а совлечение крещенских одежд его совершилось в Уэдморе. И он пробыл с тем конунгом двенадцать дней, и его богатыми дарами почтил вместе с его соратниками.

³⁰ Датский конунг Гутрум (Guthormr; в английском варианте Godrum).

³¹ Древнесканд. Ivarr и Hálfdan, Ивар Бескостный и Хальвдан, сыновья Рагнара Кожаные Штаны.

³² Короля Альфреда. Обычное для летописи неясное употребление местоимений, рассчитанное на информированного читателя.

³³ Athelney буквально «остров знатных людей», в Сомерсете.

³⁴ Совр. Edington в Уилтшире.

³⁵ Совр. Aller в Дорсете

НОВЫЕ НАБЕГИ И ЗНАМЕНΙΑ

891. В это лето явилась та рать на восток; и король Эарнульф сразился с конною пехотой, прежде чем подошли корабли, вместе с восточными франками, и саксами, и баварами, и прогнал ее.

А три скотта прибыли к королю Альфреду на одной ладье без весел из Ибернии³⁶, откуда они приплыли по воле волн, ибо желали из любви к Богу побывать на чужбине, все равно где. Ладья была сделана из двух с половиной шкур. Звались же они так: Дубслан, и Макбет, и Мэлинмун. А Суифнех, который был лучшим учителем среди скотов, умер.

В то же лето после Пасхи, за три дня до Вознесения или раньше, показалась звезда, которую по-латыни зовут комета; иные же называют ее по-английски косматой звездой, ибо исходят от нее длинные лучи, и по одну сторону, и по другую.

Эней Сильвий Пикколомини

БОГЕМСКАЯ ИСТОРИЯ

Из числа хроник, освещающих историю Чехии и написанных за ее пределами, особое значение имеет «Богемская история» Энея Сильвия Пикколомини, итальянского гуманиста, публициста, поэта, историка и географа. Он родился в 1405 г. в Корсиньяно (ныне Пьенца) около Сиены и получил образование в Сиенском университете. Молодой гуманист зачитывался произведениями Цицерона, Тита Ливия и писал эротические стихи, подражая римским поэтам. Свою церковно-политическую карьеру Эней Сильвий начал в 1432 г., когда на Базельском соборе исполнял функции секретаря трех епископов и трех кардиналов, проявив при этом большие дипломатические способности, которые использовал затем при дворе германского императора. В 40 лет, отказавшись от мирской жизни, он принял священнический сан и поступил на службу к папе Евгению IV,

³⁶ Ирландии.

который рукоположил его епископом Сиены, а затем удостоил его кардинальского сана. В августе 1458 г. Эней Сильвий был избран папой и принял имя Пия II. Умер он в 1464 г.

Еще со времен Базельского собора, где он присутствовал при выступлениях гуситских послов во главе с Прокопом Голым, Эней Сильвий интересовался чешской историей, изучал чешские хроники. В 1451 г. Эней был послан императором на сейм в Бенешове, где встречался с таборитами. Свои впечатления о поездке он изложил в письмах к друзьям. Кроме того, он делал дневниковые записи и собирал документы о событиях чешской истории. Весной 1458 г., уже будучи кардиналом, Эней Сильвий завершил свою «Богемскую историю», которая была написана великолепным слогом на прекрасном латинском языке. Мы представляем здесь отрывок из этого сочинения, повествующий о легендарном периоде чешской истории. Эней Сильвий не ограничивается простым пересказом событий древней истории, но критически осмысливает имевшиеся в его распоряжении исторические документы и выражает скептическое отношение к легендарным свидетельствам традиционных чешских хроник.

Перевод осуществлен И. В. Кривушиным и И. А. Мальцевой по изданию: *Aeneae Sylvii Historia Bohemica*. Basel, 1532.

Глава I

О местоположении страны Богемии; о ее реках и городах, а также о нравах богемцев

Богемия расположена в варварской земле за Дунаем, является частью Германии и почти вся открыта ветрам Аквилона¹. Областью, расположенной к востоку от нее, владеют моравы и племя силезцев; [областью] к северу [от нее] – силезцы и саксонцы, которых называют также миснийцами² и тюрингами. На западе [она граничит] с Пфальцем и страной баваров. Областью южнее владеют бавары и австрийцы, которые живут на обоих берегах Дуная. [Таким образом], с Богемией соседствуют только немецкие земли. Длина и ширина страны почти одинаковы; они образуют форму круга, диаметр

¹ Аквилон – бог северного ветра, северный ветер.

² Т.е. мейсенцами.

которого можно преодолеть налегке за три дня пути. Все покрывает лес, который древние называли Геркинским и о котором упоминали как греческие, так и латинские писатели. Все реки, которые орошают страну, впадают в Альбу³. Беря начало в горах, она разделяет Богемию и Моравию, течет почти посередине страны сначала на запад, а затем поворачивает на север, где покидает эту землю через горные ущелья, круто прорезая лощины, устремляется в Саксонию, деля ее на две части, и несется в океан, будучи отделена от реки Рейн широкими равнинами. Многие говорят, что в старину [Альба] была границей между Германией и Сарматией⁴. Однако ныне ею является река Одер, которая разделяет Силезию и которая, огибая Германию, течет между Альбой и Вислой, рекой прутенов⁵. Другие реки, о которых рассказывают богемцы, это Орлице⁶, что означает «орел»; Эгра⁷, называемая по имени города⁸, который она омывает, берущая начало в Пфальце и впадающая в Альбу у Литомерицы⁹. Но всех превосходит Мултавия¹⁰, которая течет через Прагу, главный город королевства, и увлекает за собой [воды] Сазаны¹¹, Лужмиция¹², Мисы¹³ и Альбы. Города королевства, заслуживающие упоминания, это Прага, достославное место пребывания короля и епископа, не меньшая по размерам и не менее известная, чем этруская Флоренция, и разделенная на три части, каждой из которых дано название — Малая Прага, Старая и Новая. Малая находится на левом берегу реки Мултавии и примыкает к холму, где расположены королевская резиденция и знаменитый кафедральный собор Св.Витта. Старая Прага раскинулась в долине и вся украшена прекрасными строениями, среди которых особое восхищение вызывают дворец, торговая

³ Альба — совр. Эльба (нем.) или Лаба (чеш.).

⁴ Сарматия — обширная область восточной Европы между Вислой и Волгой.

⁵ Т.е. пруссов.

⁶ Приток Лабы, впадающий в нее у Градец-Кралове.

⁷ Совр. Огджа.

⁸ Город Эгер (совр. Хеб).

⁹ Совр. Литомержице.

¹⁰ Совр. Влтава.

¹¹ Совр. Сазава.

¹² Совр. Лужнице.

¹³ Совр. Бероунка.

площадь, великолепная курия и университет императора Карла. Она соединена с Малой Прагой каменным мостом с двадцатью четырьмя арками. Новый город отделен от старого глубоким рвом, по которому может легко течь река, и с обеих сторон укреплен стеной. Это крупный город, простирающийся вплоть до холмов, один из которых называют [холмом] Св.Карла, другой [холмом] Св.Катарины, а третий Вышеградом; он выстроен в виде дуги; в нем есть университет, чьим главой считают и королевского канцлера, и государя. Литемеш¹⁴, еще один, помимо Праги, епископский город в Богемии, [расположен] по соседству с Моравией. Не меньшей известностью обладает и Кутма¹⁵, где добывали серебро из неистощимой жилы; однако в наше время она почти выбрана и истощена, а в самих серебряных рудниках скопилась дождевая вода. Следует также обратить внимание на пышно украшенный и укрепленный Будвиций¹⁶, который называют еще Слагенвердий. Кроме того, [упомянем] Луну¹⁷ и оба Брода — Чешский¹⁸ и Немецкий¹⁹; Будинг, поселение Литомериц, который называют приданым для королев, Греший²⁰, Мост, также Новый Дом²¹, или Нойбург, Погибаций²², памятная долгой осадой Пелжма²³, город Жажиор²⁴ и, если произнести по-чешски, Иглария²⁵, через которую проходит путь в Моравию; и, наконец, твердыня и убежище еретиков Табор, укрепление, воздвигнутое еще на нашей памяти в труднодоступном месте на руинах другого поселения²⁶ и удостоившееся звания города от императора Сигизмунда. Это очень холодный край, богатый рыбой, крупным рабочим скотом, а также дичью и лесными зверьми, который дает большой урожай пшеницы.

¹⁴ Совр. Литомысль.

¹⁵ Совр. Кутна-Гора к востоку от Праги.

¹⁶ Совр. Ческа-Будеевице на Влтаве в южной Чехии.

¹⁷ Совр. Лоуни на Огрже в северо-западной Чехии.

¹⁸ Совр. Чески-Брод к востоку от Праги.

¹⁹ Совр. Гавличкув-Брод на Сазаве у границы с Моравией.

²⁰ Совр. Горажdevице на Отаве в южной Чехии.

²¹ Совр. Йиндржихув Градец на юго-востоке Чехии.

²² Совр. Подебрад на Лабе к востоку от Праги.

²³ Совр. Пльзень в юго-западной Чехии.

²⁴ Совр. Жатец на Огрже в северо-западной Чехии.

²⁵ Совр. Йиглава на одноименной реке в западной Моравии.

²⁶ На месте древнего города Котнов.

[Там] вместо вина употребляют сикеру; [местные жители] называют ее пивом, как если бы ее делали из зерен. Земля во всем королевстве отличнейшая. Виноградники посажены на холмах вокруг Жажнора и возле Литомерица. Вино, которое [здесь] производят, терпкое; более состоятельные [богемцы] употребляют [вино], ввозимое из Австрии и Венгрии. Это племя говорит на том же языке, что и далматы. Относительно [языка] они до сегодняшнего дня сохраняют старый обычай: в храмах народу проповедуют на немецком языке, а на кладбищах, где собираются мирские пресвитеры, или монахи, владеющие земельной собственностью, — на богемском. Только нищенствующие [проповедники] осмеливались наставлять простых людей на том языке, на каком они желали. Данный факт явно указывает на то, что страна прежде была немецкой, а затем [ее] постепенно заселили богемцы. Это можно подкрепить свидетельством Страбона, у которого в седьмом комментарии вы найдете такие слова: «Сеноны²⁷, племя свевов²⁸, как я уже сказал выше, живут частью внутри, частью вне леса по соседству с гетами²⁹. Само племя свевов очень многочисленно, ведь оно распространилось от Рейна до реки Альбы; часть их до сих пор опустошает земли за Альбой; это эмондоры и ланкосарги³⁰». Так [говорит] Страбон. Весь простой народ королевства любит выпить, склонен к чревоугодию, суеверен и жаден до новшеств. Всякий раз, когда трактирщики выставляют на продажу критское вино, ты найдешь в немалом количестве тех, которые, поклявшись, не выйдут из винного погреба до тех пор, пока бочка не будет опустошена. Так же они поступают с отборными винами Италии. Те, кто немного выделяются и занимают срединное положение между народом и знатью, наглы, хитры, переменчивы нравом, быстры на язык, жадны до грабежа, и их ничто не может насытить. Знать, жаждущая славы, опытна в войне, презирает опасности и крепко держит слово; однако ее алчность трудно

²⁷ Сеноны — крупное кельтское племя, обитавшее в Галлии между Луарой и Марной. В данном случае, однако, имеются в виду не сеноны, а ссмноны, германское племя, жившее в междуречье Эльбы и Одера.

²⁸ Сवेфы — собирательное название ряда племен в центральной и северо-восточной Германии.

²⁹ Речь идет о гуттонах (готах), обитавших в низовьях Вислы.

³⁰ Т.е. гермундуры и лангобарды, германские племена, обитавшие в междуречье Везера и Эльбы.

удовлетворить. Если оценивать народ в целом, то он отнюдь не привержен к религии. Однако тебе хорошо известно, что в любом племени каков правитель, таков и народ. О том, каким образом и откуда это племя пришло в Германию, уже прежде написал беспристрастный и превосходнейший отец, кардинал Доменико Фирмский, весьма благосклонный к твоему сиятельству. Здесь я охотно повторю [из его сочинения] то, что вполне соответствует истории, которую мы излагаем.

Глава II

О происхождении племени богемцев

Богемцы, как и другие смертные, желая утвердить насколько возможно древнее свое происхождение, называют себя потомками славян. Между тем славяне были среди тех, кто после всемирного потопа оказались виновниками сооружения позорнейшей вавилонской башни; когда же все языки перемешались, славяне, т.е. «словоохотливые», взяли себе собственный язык. Затем они покинули Сеннарскую равнину и, направившись из Азии в Европу, заняли земли, которые ныне населяют болгары, сербы, далматы, кроаты³¹ и боснийцы. Еще не прочел я автора, рассказывающего о происхождении своего древнего племени, которому можно было бы доверять, за исключением евреев, первых среди всех смертных. Многие из весьма знатных германцев утверждают, что они произошли от римлян, римляне же думают, что [они] ведут свое славнейшее происхождение от тевкров³². Франки, которые на самом деле германцы, заявляли, что в них течет кровь троянцев. Изрядно также и тщеславие британцев, которые утверждают, что некий Брут, отправленный [сюда] в изгнание, дал начало их роду. А богемцы, значительно более древние, открыто объявляют, что происходят от самой башни, когда произошло смешение [языков]. Впрочем они не говорят, кто тогда были их предводителями, кто обладал королевской властью, население какой земли они изгнали, под чьим началом, с какими опасностями в Европе они столкнулись и в какое время. Они утверждают, что когда по всей земле смешались языки, они уже были

³¹ Т.е. хорваты.

³² Т.е. троянцев.

славянами. Пустая похвальба, достойная осмеяния! Так что, если кто желает подражать богемцам, стремясь [вывести] знатность рода из самой древности, ему стоит только приписать себе происхождение уже не от вавилонской башни, а от Ноева ковчега, от самого рая с его радостями, от первых прародителей и от чрева Евы, откуда вышли все. Мы пройдем мимо столь безумного вздора. Все цари, написал Платон, вышли из рабов, а все рабы из царей. Только доблесть рождает подлинное благородство. Есть много истинного и заслуживающего упоминания из того, что рассказывают о богемцах и что торопится описать перо, когда этот вздор отброшен.

Глава III О Чехе, первом правителе Богемии

Род богемцев основал Чех из Кроатии, происходивший от совершенно безвестных родителей; после того как в доме [у него] произошло убийство, он, избегая суда и наказания, прибыл в страну, ныне носящую имя Богемии, и поселился на горе под названием Чежиц³³, которое на латынь переводится «Сторожевая»; ведь эта гора возвышается в середине равнины, созерцая главные реки, орошающие Богемию — Альбу, Мултавию и Эгру. Сообщают, что земля эта была невозделанной, вся в лесах и кустарниках, более пригодная для зверей, чем для человека. Мы этому верим; ведь древние германцы, жившие на этих землях, вели пастушеский образ жизни и пренебрегали возделыванием земли, по обычаю кочевников получая пропитание за счет скотоводства; они шли со своими стадами туда, куда их влекли судьба или собственное решение, увозя свой скарб на телегах. Но мы не согласны с рассказами богемцев, которые утверждают, что Чех и вся его семья — брат и родственники сопровождали его при бегстве — жили, [питаюсь] только желудями и лесными плодами; ведь к тому времени уже забыли об употреблении желудей [в пищу]. Я не могу поверить, что после потопа у людей была такая пища. Мне кажется более убедительным, что Чех встретил [там] немногочисленных поселенцев, питавшихся молоком и дичью,

³³ Гора Ржиц, расположенная в северо-восточной части Чехии между реками Огржа и Лаба.

которых научил пахать землю, сеять пшеницу, жать ее и питаться хлебом; таким образом, он приучил невежественных и почти диких людей вести более цивилизованный образ жизни. У меня нет также весомого основания [считать], что тогда все было общим и что как мужчины, так и женщины ходили обнаженными. Ведь климат той страны недостаточно мягкий для того, чтобы он мог позволить ходить обнаженным человеку, явившемуся из Далмации, где было в обычае носить одежду. Если, конечно, кто-нибудь не приведет в доказательство адамитов, свидетельствуя, что они в наше время появились у богемцев, наслаждались общностью имущества и наготой, но вскоре были уничтожены. У Чеха был брат по имени Лех, его соратник в бедности и в изгнании. После того как он обнаружил, что германцы богаты землями и быками, он, отправившись на восток, осел на большой равнине и по этому месту дал [той земле] имя Полонии; ведь равнина на языке славян называется «поле». Его наследники вскоре чрезвычайно размножились, и люди того племени заполнили Русь, Померанию и Казувию. То же случилось и с родом Чеха; богемцы, т.е. «божественные», «появившиеся чудесным образом», заняли не только названную по их [имени] область, но также Моравию и Лузацию, после того как прежние жители были изгнаны. Пока жил Чех, ничего случайного и беспорядочного не происходило, и его власти подчинялись беспрекословно. После же его смерти каждый стал притязать на первенство, и потому страна, управляемая только мнением большинства, без вождя и без твердо установленного закона, надолго погрузилась в раздоры. Наконец, когда сильнейшие подавили слабых, было найдено средство покончить с многолетней неразберихой — назначить правителя, который, защищая всех, управлял бы и слабыми и сильными по одному и тому же закону.

Глава IV О Кроке, втором правителе богемцев

Был в то время у богемцев муж по имени Крок, известный справедливостью и по этой причине [пользовавшийся] большим уважением у простых людей. Они выбирают его себе в предводители и вверяют ему верховную власть. Его доброта была столь велика, что

жители той страны почитали его как отца, ведь он правил не ради своего удовольствия, но чтобы принести пользу и мир стране, и удерживал необузданный народ в спокойствии не столько властью, сколько милосердием. Он построил у Штемны крепость, которую назвал по своему имени Краковия³⁴. Умирая, оставил он трех дочерей — Брелу, сведущую в лекарственных травах, которая возвела замок Брел; Терву, или Тервицию, птицегадательницу и предсказательницу; третья, Либуша, хотя по возрасту и уступала [сестрам], тем не менее превосходила [их] в знании дел божественных и человеческих.

Глава V

О Либуше, дочери Крока, которая долгие годы правила Богемией

Либуша, жившая, словно одна из Сивилл³⁵, после смерти отца, так как народ выказал ей благоволение, многие годы правила страной. И прежде чем была построена Прага, она укрепила замок Вышеград. Ее правление было угодно равно и патрициям, и плебсу. Но позже, не совершив никакой жестокости, никакого тиранического поступка или оплошности, а лишь вынеся справедливое решение, она утратила благосклонность народа. [Однажды] в ее присутствии двое знатных мужей спорили по поводу владения землей. Было вынесено решение по правде и справедливости, и сильнейший проигрывает слабейшему. Тот, словно противозаконно сильнейшему терпеть поражение в суде, заявляет, обратившись к народу, что позорно и недостойно столь многочисленному народу, столь высокородной знати и столь великому государству подчиняться произволу женщины. Когда его речь воспламенила многих, они стали осуждать женское правление, ссылаясь при этом на обычаи соседних племен, и требовать мужа, который бы правил ими. Либуша, после того как установилась тишина, говорит, что поняла желание народа и не обманет его; для подданных, а не для себя удержала она власть после смерти отца; и приказывает [собравшимся] прийти на следующий день. Они повиновались, ушли и [на следующий день] вернулись назад.

³⁴ Совр. Краков.

³⁵ Сивилла — в античной мифологии пророчица, в экстазе предсказывающая будущее.

Глава VI

О Примиславе³⁶, третьем правителе богемцев

Когда Либуша увидела, что на собрание пришло множество народу, она сказала: «Я правила вами, богемцы, вплоть до сегодняшнего дня кротко и милосердно, как свойственно женщинам, ни у кого не отняла что-либо ему принадлежащее и никому не причинила вреда; у вас была мать, а не госпожа. И вам мое правление стало обременительным, и вы изгоняете вместе со мной закон человеколюбия; ничто долго не нравится человеку; народы скорее желают благочестивого и справедливого правителя, чем выносят его. Итак, да будете вы свободны от моего суда; я дам мужа, чтобы управлял вами и по своему произволу судил бы ваши жизни. Идите, оседлайте моего белого коня, отведите его в широкое поле и там, вольного и без узды, отпустите, следуя за ним, куда бы он ни шел. Конь будет бежать довольно долго, пока не остановится перед мужем, обедающим за железным столом. Мне он станет супругом, вам — правителем». Речь [Либуши] понравилась собравшимся. Отпущенный [на волю] конь пробежал десять тысяч шагов. Наконец, у реки Биела³⁷ он остановился перед пахарем по имени Примислав. Следовавшие [за ним] знатные люди и простолюдины, увидев, что остановившийся конь ластится к пахарю, подошли поближе и сказали: «Здравствуй, добрый муж, которого боги дали нам в правители. Распряги быков и, сев на коня, поезжай с нами; Либуша просит тебя себе в мужа, а Богемия — в правители». Многие признаются, что не знают, как обрабатывать землю, пасти стадо, управлять кораблем, ткать, шить и строить, но никто не говорит, что от природы ему отказано [в умении] управлять городами, быть королем и повелевать племенами и народами, что совсем не просто; впрочем многие либо из ленности, либо из любви к покою отказываются от предложенной царской власти. Примислав, как бы ни был он неотесан, принял вестников радушно и ответил, что исполнит то, о чем его просят; столь велика у смертных жажда царствовать; никто не считает себя недостойным царской власти. Рассказывают, что распряженные быки — ведь любая

³⁶ Т.е. о Пржемысле, легендарном основателе чешской княжеской династии Пржемысловичей.

³⁷ Совр. Билина, приток Лабы.

древняя история сказочна — поднялись в воздух и скрылись в глубочайшей пещере разверзнувшейся скалы, после чего их никогда больше не видели; стрекало³⁸ же, которым погоняли быков, воткнутое в землю, тотчас покрылось листьями и выпустило три ветви орехового дерева, из которых две сразу же высохли, а третья разрослась в высокое дерево той же породы. Я не рискну утверждать, что это правда. Эти [басни] следует искать у их изобретателей. Однако среди королевских привилегий я нашел указы Карла, четвертого императора римлян, отца блаженной памяти [императора] Сигизмунда, в которых эти [рассказы] излагаются как подлинные. Жителям деревни, где, как полагают, это произошло, пожалованы вольности; им определено платить в качестве налога лишь малую меру орехов того дерева³⁹. Но мне и Карл не внушает доверия; ведь короли обычно легковверны и считают истиной все, что добавляет славы их роду. Примислав, выслушав посланцев, перевернул сошник, положил на него хлеб и сыр и стал есть, словно перед дальней дорогой. Этот факт укрепил души богемцев, ибо они признали в сошнике железный стол, о котором прорицала Либуша. Пораженные, они окружают его во время трапезы, а когда он завершает ее, сажают на коня и приказывают поторопиться. При этом они спрашивают, что означает покрывшееся листвой стрекало и отчего две ветви так скоро высохли. Он, словно зная науку предсказания, говорит, что у него родятся трое сыновей, из которых двоим суждено умереть преждевременной смертью, а третий принесет превосходные плоды; и что если бы вся земля пострадала от засухи до его призвания, то его род по мужской линии правил бы вечно, но так как его призвание произошло прежде этого бедствия, то надежда на это утрачена. На вопрос, зачем же он везет с собой деревянные башмаки, он ответил — чтобы хранить их в крепости Вышеград и чтобы [его] потомки видели их, дабы все они знали, что первый из богемцев, получивший власть, был призван с поля, и что не следует чваниться тому, кто поднялся на престол из такого низкого сословия. Эти башмаки, издавна с

³⁸ Стрекало — остроконечная палка.

³⁹ Чешский король Отакар I наделил жителей поселения Стаднице, из которого по преданию произошел род Пржемысловичей, особыми привилегиями. Эти привилегии неоднократно подтверждались последующими королями (Карлом IV, Сигизмундом, Подебрадом и др.).

благоговением хранимые богемцами⁴⁰, во время коронационной процессии священники вышеградского храма несут перед королями. Когда Примислав прибыл в Вышеград, он был встречен с великой радостью и почестями простым народом и соединился браком с Либушей. Долго не медля, он обнес город Прагу валом и стеной. Когда же спорили о его названии, Либуша велела спросить у первого встречного мастера, что он делает, и по первому его слову дать имя городу. Спрошенный мастер [оказался] плотником. Он сказал, что делает порог, который по-богемски называют «праха». Так было дано имя городу. Но потомки, исказив название, произносят «Прага». Затем были составлены законы, которыми богемцы долгое время пользовались, и страна, наслаждаясь миром и покоем, разбогатела. Либуша же воздвигла недалеко от реки Альбы замок Либуш, который стал для нее местом упокоения. Государство, которым Примислав при жизни супруги управлял благодаря ее великой мудрости, после ее смерти перешло [под власть] его одного; могущество женщин, которые, пока была жива [Либуша], могли многое, исчезло.

Луи Леруа

О НЕПОСТОЯНСТВЕ ИЛИ РАЗНООБРАЗИИ ВЕЩЕЙ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Французский гуманист Луи Леруа (Louis Leroу) родился приблизительно в 1510 г. в провинциальном нормандском городке Кутанс и умер в Париже в 1577 г. Он получил юридическое образование в Тулузе, затем изучал греческий и латинский языки при недавно учрежденной Франциском I Коллегии королевских лекторов. При ней же в 1572 г. Леруа получает должность профессора греческого языка.

Помимо переводов древнегреческих авторов (Платона, Аристотеля, Исократа и др.) перу Леруа принадлежит ряд сочинений, посвященных актуальным для Франции XVI в. вопросам политики и религии. В них он показывает пагубность для общества религиозных раз-

⁴⁰ Первый чешский король Вратислав II (1061–1092 гг.), стремясь придать исторический характер легенде о Пржемысле, выставил в зале княжеского дворца в Вышеграде на всеобщее обозрение «лапти Пржемысла».

доров, выступает как сторонник монархического устройства и галликанства. Самым значительным из его трудов является его последнее сочинение, изданное в 1575 г., «О непостоянстве или разнообразии вещей во вселенной и о союзе военного могущества и наук у самых славных народов мира с тех времен, в которые возникла цивилизованность (la civilité) и о которых у людей имеется память и до настоящего времени». Основной замысел этой работы – уникален для своего времени: рассмотреть военно-политические и культурные достижения (les armes et les lettres, la puissance et la sapience) «самых славных народов мира». Трактат разделен на двенадцать книг (глав). В первой книге автор показывает влияние небесных тел на жизнь общества; во второй рассматривает происхождение и историю языка, письменности. Третья книга посвящена происхождению наук и искусств. В книгах IV–XI Леруа рассматривает достожения отдельных обществ. Первым мировым культурным и военно-политическим центром был Египет, а затем эстафету приняли Ассирия и Персия (IV книга). Впоследствии цивилизация достигла своих высот у греков (V книга) и римлян (VI и VII книги). На смену римлянам пришли арабы (VIII книга). Одну небольшую книгу (IX) Леруа уделяет татарам, туркам, москвитам, китайцам, которые были известны ему главным образом своими военными деяниями. В X и XI книгах Леруа переходит к рассмотрению культурных и военных достижений своего века. В последней книге (XII) автор призывает своих современников и впредь развивать науки и искусства.

В последней трети XVI в. сочинение Леруа имело значительный успех у читателей. Во Франции в этот период оно издавалось шесть раз: в 1575, 1576, 1577, 1579, 1583 и в 1584 г. В 1585 и 1592 г. книга вышла на итальянском языке, а в 1594 г. появился ее английский перевод. До сих пор не существует научного издания сочинения «О непостоянстве». Настоящий перевод восьмой книги трактата осуществлен Д. В. Самотовинским по изданию: *Leroy I. De la vicissitude ou variété des choses en l'univers*. Paris, 1989. P. 329–346, которое воспроизводит первую публикацию 1575 г.

Книга VIII:

О религии, военном могуществе, учености и иных превосходных вещах у арабов, или сарацинов¹, и у других магометан

В двух предшествовавших книгах было кратко рассказано о прогрессе, который имел место в военном могуществе, в благочестии и в литературе [у римлян]. Здесь же будет показан прогресс в религии, в военном могуществе, в учености и в иных превосходных вещах у арабов, или сарацинов, который был не менее значительным, чем предыдущий.

Когда [Римской] империи со всех сторон досаждали варвары, а христианство возмущали ереси, слава оружия и наук перешла к сарацинам². Ибо, поскольку церковь, раздираемая арианами, несторианами, манихеями, донатистами, пелагианами, утратила свое единство; и поскольку империю на востоке теснили персы, а на западе и юге готы, вандалы, аланы, гунны, лангобарды, то, следовательно, угас свет учености. И в той смуте люди, претерпевая такие бедствия, приняли более охотно Магомета, начавшего проповедовать свой закон³, который из-за ненависти к бесконечным раздорам оказался столь насущным, что немедля был принят во многих странах. Так что его приверженцы заняли с течением времени Азию, Африку и большую часть Европы, захватив лучшие страны мира, в которых они искоренили Евангелие, чтобы освободить место своему Корану. Ему сегодня следует наибольшая часть рода человеческого, по-арабски изъясняющаяся в делах религии и науках, как мы здесь по-латыни.

Итак, совершив столько завоеваний и подчинив бесчисленные народы, арабы старательно принялись за науки, став благодаря живости и проникаемости своих умов весьма учеными в философии, медицине, астрологии, геометрии и в других дисциплинах. Вот так, в

¹ Сарацины — название арабов, о происхождении которого нет достоверных сведений.

² Буквально фраза звучит так: «сарацины перенесли к себе (transportèrent à eux) славу оружия и науку».

³ Магомет (ок. 570—632 гг.) — создатель ислама, начало проповеди которого, по преданию, относят к 610 г. На основе новой религии создал в Аравии политическое образование, ставшее ядром Арабского халифата.

свою очередь они обрели великую славу в воинских трудах и в занятиях науками.

Поскольку же безмерное могущество [арабов] распространилось на разные страны, у них было много славных государей для управления этими землями и множество доблестных полководцев. Но нет у них правителя более знаменитого, чем Магомет, автор Корана и основатель сарацинской империи. Рожденный бедным и незнатным, он достиг великого богатства, могущества и власти, став законодателем рода человеческого и заставив людей поверить, что он пророк и посланник божий.

Его преемниками были Эвбокара⁴, Омар⁵, Одман⁶, Али⁷, Альхатен⁸, Муавия⁹, Йазид¹⁰ и [другие] халифы. Продолжив то, что начал Магомет, они за малый срок удивительно преуспели в распространении вдаль и вширь своего господства вместе с религией и арабским языком. В завоеванных странах они упразднили греческий, латинский, персидский, пунический языки. То была удивительная и необычайная перемена.

Будучи превосходными воинами, [арабы] стали не менее прилежными в науках. Ибо у них был Авиценна¹¹, весьма сведущий в их теологии и во всех науках; Аверроэс¹², толкователь Аристотеля, которым его современники и те, кто жили позже, так восхищались, что почти приравнивали его к самому Аристотелю, называя его обычно Комментатором. [У них были] философы Авенпаче¹³, Альгазель¹⁴,

⁴ Абу-Бекр — первый арабский халиф («заместитель» пророка), правивший после смерти Магомета (632–634 гг.).

⁵ Омар I ибн аль-Хаттаб — второй халиф (634–644 гг.).

⁶ Осман ибн Аффан — третий халиф (644–656 гг.).

⁷ Али ибн Абу Талиб — четвертый халиф (656–661 гг.).

⁸ Альхатен (Alhaten) — личность не установлена.

⁹ Муавия — пятый халиф (661–680 гг.).

¹⁰ Йазид I — халиф, сын и преемник Муавии (661–680 гг.).

¹¹ Авиценна (Ибн-Сина, 980–1037 гг.) — выдающийся арабоязычный ученый-энциклопедист. Особую славу ему принес трактат «Канон врачебной науки», который в средневековой Европе стал общепризнанным источником медицинских познаний.

¹² Аверроэс (Ибн Рушд, 1126–1198 гг.) — известен главным образом как выдающийся толкователь Аристотеля.

¹³ Авенпаче — Абу-Бекр-Магомет-Ибн-Бджаса, арабский философ XII в.

Бенбитар, Абатен¹⁵, Сифак; врачи Месве¹⁶, Рази¹⁷, которого они называли Альманзор, Серапион¹⁸, Зоар¹⁹, прозванный Мудрым; астрологи Альбумасар²⁰, Авензоар²¹, Гебер²², Альфараб²³, Альфрагани²⁴, Али²⁵, Родоан. Все они процветали примерно в одно время, и им наследовали многие другие [ученые], пишущие на арабском, — персы, сирийцы, египтяне, африканцы, испанцы, которые остаются нам неизвестными из-за незнания языка и различия в религии.

Они говорят, что им нет нужды пользоваться риторикой, поскольку природа просто и немногословно высказывает то, что хочет. Хотя у них много историков, как и у других народов, исторические сочинения у них не в почете, так же как у турок. Они говорят, что никто не осмелился бы писать правду о правителях, пока те живы, а после их смерти память о них утрачивается. У них мало архитекторов, так как они почти не занимаются строительством. Большая часть их живет в шатрах и палатках. Другие строят лишь одноэтажные дома высотой с голубятню, как в Турции, насмехаясь над христианами, [которые им кажутся] столь нелепыми в своих домах, словно [собираются] жить в них вечно. Если они и строят что-то [по-настоящему],

¹⁴ аль-Газели, Абу Хамид Магомет ибн Магомет (1059–1111 гг.) — мусульманский богослов, философ-аристотелик.

¹⁵ Возможно аль-Баттани, Абу Абдаллах Магомет бен Абир (858–929 гг.) — известен главным образом как выдающийся арабоязычный астроном, астролог и математик.

¹⁶ Иоанн Месве — арабский средневековый врач.

¹⁷ ар-Рази, Абу Бекр Магомет бен Закария (865–925 или 934 гг.) — знаменитый багдадский хирург, автор множества медицинских трактатов.

¹⁸ Яхиа бен Серапион — арабоязычный врач IX в.

¹⁹ Ибн-Зоар (1073–1163 гг.) — знаменитый арабский врач, среди учеников которого был Аверрэс.

²⁰ Абу Машар Джафар ибн Магомет (786–886 гг.) — знаменитый арабский астроном и астролог.

²¹ Авензоар (Avenzoar) — Ибн-Зоар? (см. прим. 19).

²² Джабир ибн Хайян (латинизированное имя Гебер, ок. 721–815 гг.) — известен преимущественно как выдающийся арабский математик.

²³ аль-Фараби, Абу Наср (875–950 гг.) — выдающийся арабоязычный философ, математик, врач.

²⁴ аль-Фергани, Ахмед ибн Магомет ибн Кассир — арабоязычный астроном и астролог IX в. Его «Свод наук о звездах» был широко известен на латинском Западе.

²⁵ Абул-Хасан-Али — арабский астроном и астролог XIII в.

так это храмы, мосты, бани, лечебницы и другие подобные общественные здания, мало заботясь о частных постройках, которые они делают обычно из дерева и глины и редко из обтесанного камня, ибо та суетность осуждается их законом. Еще меньше у них живописцев, ваятелей, художников, скульпторов и граверов, поскольку они боятся и ненавидят идолопоклонство, питая из-за этого отвращение к портретам и изображениям всех животных. Поэтов, воспевающих свои любовные страсти и иные подобные фантазии, у них достаточно. Сам Коран был написан метром и весь целиком в стихах. На нем основана не только религия, но также государственное устройство, судейство и военное дело. Вот почему все талисманы, бакии, субакии, кадии и кадилескеры²⁶ обязаны разбираться в нем [Коране] и согласовывать с ним, как можно точнее, свои постановления. Сами правители имеют возле себя муфтиев, т.е. патриархов, дабы за их указами и постановлениями был надзор и чтобы отменить их, если они противоречат религии. Они, кроме того, следят за законами султанов и местными обычаями земель. Поэтому [у арабов] нет никакого иного гражданского права и правоведов.

Христиане, которые писали против Магомета²⁷, называют его дьяволом, колдуном, лжецом, самозванцем, сыном некоего язычника и еврейки, разбойником, распутником, хитрецом, идолопоклонником в религии, нищим, самонадеянным, необразованным, славным через злые дела.

[По их словам] вначале он был торговцем и погонщиком верблюдов, затем, разбогатеv благодаря женитьбе на богатой вдове, он стал военачальником, занимая эту должность у арабов в правление императора Ираклия²⁸. На той военной службе он нашел средство обрести власть и могущество. Ибо, когда четыре тысячи арабов, служивших Ираклию, потребовали себе военное платье, один евнух-казначей ответил им в то злополучное время, что то, что хранится для

²⁶ Речь идет о разных категориях судебных чиновников в мусульманском мире.

²⁷ В эпоху крестовых походов (XII–XIII вв.) появляются многочисленные жизнеописания Магомета (Готье Компьенского, Матвея Парижского, Вицентия из Бове и многих других). Христианские авторы видели в нем Антихриста, идолопоклонника, приписывали ему всевозможные пороки. Ислам оценивался ими как ложное, дьявольское учение.

²⁸ Ираклий (575–641 гг.) — византийский император с 610 г.

римских солдат, не должно быть отдано псам. Негодуя на это, они восстали и из-за обиды, которую им нанесли, возмутили и других соплеменников. Магомет же, присоединившись к ним, распалил их еще больше и поддержал в этом бунте. Тогда часть из них выбрала его своим вождем²⁹. Так привыкли возвышаться посредством мятежей те, кто поддерживает толпу в ее злых намерениях и хулит вышестоящих.

Многие презирали в [Магомете] его худородность и бедность в предшествующей жизни. Дабы защититься от этого презрения (а это было не трудно, имея дело с народом простым и невежественным), он стал действовать с того момента и впредь, прикрываясь божественным. Теперь он называл себя не военачальником, возвышенным милостью войны, но пророком и посланником всемогущего Бога, чтобы благодаря этому обману все люди подчинялись ему более охотно. Часто страдая от эпилептических припадков и [желая] найти оправдание этой болезни, он утверждал, что ангел Гавриил сообщал и диктовал ему закон, который он проповедовал, словно изреченный из уст божьих и раскрытый божественным образом, хотя [закон этот] полон несправедливости и лжи.

Он говорил, что роду человеческому Бог первоначально послал Моисея, затем Христа с чудесами, и поскольку им не подчинились, он послал Магомета без чудес, но с мечом, дабы тех, кого не тронули чудеса, принудить оружием. [Он утверждал], что поскольку законы Моисея и Христа были очень суровыми, то требовалось их смягчить, преподав заповеди менее тяжкие; а также [проповедовал], что не будет от Бога другого посланника и он — последний, предсказанный Христом в Евангелии.

Таким образом, он утвердил новую, очень вредную секту, перемешав Ветхий и Новый завет, в которых он изменил много мест, стремясь ниспровергнуть Святую Троицу и отменить божественность Иисуса Христа, таинство его смерти, страстей и воскресения.

Но его [Магомета] приверженцы, которые желают называться мусульманами, говорят совершенно другое и бесконечно превозносят его как самую выдающуюся личность в мире. Они лукаво изобрели множество выдумок о его мнимом превосходстве, дабы [все] им вос-

²⁹ Подобная версия возвышения Магомета исторически не достоверна.

хищались и дабы как можно больше людей было вовлечено в его веру...³⁰

Он [Магомет] называл себя пророком и проповедовал народу. Но он заставлял верить себе не только словом, но также и силой (ибо меч оказывает на людей большее действие, чем разумный довод), часто сражаясь со своими противниками, так что [мусульмане] насчитывают двадцать два его похода, в девяти [из которых] он участвовал лично, дав в течение своей жизни восемнадцать битв, в которых он одержал победу.

Завоевав Мекку с окрестностями, он захватил и остальную Аравию. Затем, видя себя окрепшим, он написал [послания] чужеземным правителям, как-то царю Персии, императору римлян, царю Эфиопии и другим с тем, чтобы они приняли его закон по доброй воле. Они же сочинили о нем ряд всяческих выдумок, которые я нарочно опускаю, опасаясь скучного многословия и дабы рассказом о ложных и постыдных поношениях мне не оскорбить ушей христиан. Что касается его кончины, то они [мусульмане] говорят, что он умер от плеврита или эпилепсии на шестьдесят третьем году жизни. Будучи больным, он предсказал, что на третий день после своей смерти вознесется на небо. Люди, ожидая этого, сохраняли его труп до тех пор, пока из-за зловония не были вынуждены захоронить его в Медине, называемой с тех пор [городом] пророка.³¹ Таким было начало Хиджры³² Магомета, т.е.

³⁰ Далее мы опускаем изложение гуманистом ряда «выдумок» мусульман о «мнимом превосходстве» Магомета. Леруа излагает представление о генеалогии пророков в исламе и об особом месте в ней Магомета (как последнего из них), о «свете пророков» (который, как некий божественный дух, переходит от одного божьего избранника к другому), сообщает о выдуманных мусульманами чудесах, связанных с рождением Магомета, об истории с очищением его сердца ангелами и о легенде о его вознесении на небо.

³¹ По переселении Магомета и его последователей из Мекки в Ясриб, последний стал называться Мадина ан-Наби («город Пророка») или просто ал-Мадина (Медина). Магомет был похоронен в Медине в главной мечети.

³² Хиджра (в написании Леруа: l'Algieri) — по-арабски «исход». Так мусульмане называют уход Магомета и его сторонников из Мекки (где новое учение не нашло поддержки) в Ясриб (Медину), который состоялся в 622 г. Этот год был принят мусульманами за начальную дату летоисчисления.

его правления, длившегося десять лет, от которого его приверженцы ведут летоисчисление, как мы это делаем от Рождества Христова.

Родственники и преемники [Магомета], продолжая его начинания, вплоть до настоящего времени настойчиво внедряли его закон посредством проповеди и посредством силы. Значительно увеличив свое государство, они распространили вместе с властью их религию и арабский язык почти во всех частях обитаемой земли.

Так магометане делали в начале великих завоеваний под руководством одного правителя, называемого халифом. Он был и царем и первосвященником одновременно, заведую и управляя всеми делами, касавшимися не только благочестия и правосудия, но также армии, финансов, духовных и светских владений, свободы и рабства, жизни и смерти. Но по мере того, как [арабы] расширяли свои пределы, они все более погружались в раздоры. Во время раскола они поставили в Египте другого халифа, отделившись от багдадского, как слишком суеверного и строгого, который отлучил их и объявил еретиками. Халиф Багдада правил всем Востоком. У халифа Египта, власть которого была меньше, вначале земель было немного, но с течением времени он завоевал всю Варварию³³ с большой частью Испании. Ибо одни подчинявшиеся ему сарацины направились в Африку, где они захватили Карфаген, Майорку, Минорку, и, следуя за своей удачей, дошли до Мавритании. И непрестанно стремясь увеличивать [свои владения], они отправились в Европу, призванные одним визиготским графом по имени Юлиан, который будучи возмущен оскорблением, нанесенным его жене королем Родериком³⁴, дал им возможность переправиться через Севильское ущелье и пройти в Испанию. Там они немедленно дали ряд сражений визиготам, в последнем из которых участвовала вся визиготская знать³⁵. Таким образом Испания, за исключением Астурии и Бискайи, попала под их власть. Другие [подчинявшиеся египетскому халифу] сарацины приплыли во Фракию и в течение трех лет осаждали Константинополь, который они вынуждены были оставить,

³³ Северная Африка.

³⁴ Родерик (Родриго) — последний король визиготов в Испании (710–711 гг.). По другой версии, сарацины были приглашены в Испанию родственниками предшествовавшего визиготского короля Витиша, свергнутого Родериком.

³⁵ Сражение при Херес-де-ла-Фронтера в 711 г.

одолеваемые голодом и мором. Но прежде они пришли в Италию и, захватив Апулию, промчались по всей стране вплоть до порта Остия и, войдя в Рим, сожгли церкви апостолов. Они заняли побережье Тосканы, Прованса и Лангедок; разграбили Геную, Авиньон, Нарбонн; войдя в Адриатическое море, разбили флот венецианцев.

После стольких завоеваний они задумали [создать] целую все-ленскую монархию. Ибо, победив Восток, подчинив Африку, проникнув в Италию и покорив Испанию, они не ведали более ни народов, ни царств на земле, которые осмелились бы им сопротивляться. Они хвастали, что только посредством одного страха перед их именем скоро подчинят себе всех остальных людей.

Проведя в Испании десять лет, они решили идти дальше. И приняв за добрый знак просьбу, которую им направил Эвдон, герцог Аквитании, полагая найти страну лучше и благоприятней, они в количестве четырехсот тысяч направились в Гасконь, ведя с собой жен и детей, как если бы уже одержали победу. Ибо видя сначала, что всего достигают успешно, они сделались такими гордыми, что ни во что не ставили христиан. Они промчались по стране и разграбили ее вплоть до Тура. Придя туда со своей огромной армией, они были встречены Карлом Мартеллом, возглавлявшим войска Франции и Германии. Он дал им сражение, в котором уничтожил триста семьдесят тысяч [сарацин], потеряв лишь полторы тысячи своих [воинов].³⁶ Не помнится случая, когда сарадины были бы сильнее наказаны, потеряв столько людей и столько доблестных военачальников. Все они были преданы мечу, вплоть до женщин и детей.

В то время, когда сарадины грабили и мчались по Галлии, в небе в течение четырнадцати дней являлись две кометы. Одна из них показывалась поутру, другая вечером, после захода солнца; и обе, сияя, смотрели на север.

Те сарадины оставались в Испании вплоть до нашего времени, удерживая королевство Гранаду. Оттуда их выбили менее ста лет назад, и король Фердинанд полностью изгнал их из Европы³⁷. Другие [сарацины] пребывают в Африке, и потеряв господство, они разделились на множество уделов и два рода людей: одни обитают на равни-

³⁶ Битва при Пуатье в 732 г.

³⁷ В 1492 г. Фердинанд V Католик, король Арагона и Кастилии, отвоевал у арабов Гранаду, завершив тем самым Реконкисту.

нах, в городах; другие постоянно кочуют в горах. И они много потеряли в своем могуществе и былой военной славе, равно как и в том превосходстве, которое они имели в науках.

Сравнение Магомета с Ликургом, Миносом, Нумой, Зороастром, Замолксисом³⁸, Харондом³⁹, Залевком⁴⁰, Трисмегистом⁴¹ и другими языческими законодателями или основателями городов и империй

Почти все древние законодатели, которые дали народам в различных странах и в различные времена законы и обычаи, измыслили, что они [эти установления] ниспосланы Богом, намереваясь тем самым придать им больший авторитет и сделать их принятие более легким. Свои законы они приписали Божеству, которое все мы воспринимаем по-разному, согласно обычаям тех стран, где живем.

Так, Зороастр, законодатель бактрийцев и персов, [возвел происхождение своих законов] к Оросмадису⁴²; Трисмегист, [законодатель] египтян, — к Меркурию; Замолксис, [законодатель] скифов, — к Весте; Харонд, [законодатель] колхов, — к Сатурну; Минос, [законодатель] критян, — к Юпитеру; Нума, [законодатель] римлян, — к Эгерии⁴³; [так же поступили] и другие подобные деятели, которым довелось иметь дело с народами грубыми и дикими и которые желали значительно изменить образ правления своих стран. Они утверждали, что общаются с богами, как если бы эта выдумка была полезна тем, кому

³⁸ Замолксис — мифический законодатель гетских племен во Фракии.

³⁹ Харонд (Charondas) — греческий законодатель VI в. до н. э. Дал законы некоторым греческим городам на Сицилии и в Южной Италии.

⁴⁰ Залевк (Zaleucus) — полулегендарный законодатель VII в. до н. э., давший законы греческому полису Локры Эпизефийские в Южной Италии.

⁴¹ Некоторые мыслители Ренессанса, следуя эвгемеровской традиции, считали бога Гермеса реально существовавшим египетским богословом, философом и законодателем; отсюда прозвище Трисмегист («Трижды величайший»).

⁴² Ахурамазда — верховное божество зороастрийского пантеона.

⁴³ Эгерия — в римской мифологии пророчица-нимфа ручья в роще, посвященной Карменге; возлюбленная Нумы Помпилия и его наставница в законодательной деятельности.

они ее пытались внушить. Так и Магомет, желая дать законы арабам, грубым и неотесанным, промышлявшим большей частью разбоем в горах, внушил им, что он получил их от Бога через ангела Гавриила, дабы они приняли их более охотно.

И так же, как Пифагор приручил одну орлицу спускаться, подходить к нему и парить над его головой благодаря определенным звукам, и так же, как он, проходя через толпу на Олимпийских играх, показал свое золотое бедро (можно вспомнить еще немало других хитростей, кажущихся чудесами), так и Магомет научил одну голубку прилетать к нему и клевать у него из уха. Обманывая народ, он говорил, что это есть Святой Дух, который внушает ему заповеди.

Почти все основатели или реформаторы республик и царств, желая ввести новые законы и обычаи, использовали для этого силу и верховную власть, чтобы утратить и сдержать своих противников. Они понимали, что такое изменение не может быть произведено без насилия и страха, ибо иначе они [новые законы и обычаи] не были бы услышаны и восприняты. Так и Магомет, назвав себя пророком и посланником божьим, направленным, чтобы дать закон, заставил уверовать себе не только словом, но также и силой, часто подымая меч на своих противников. Ликург вводил все свои законы, воюя и побеждая; и Магомет [утверждал] свое учение, сражаясь и повелевая, устраивая счастье человеческое посредством великой военной мощи и расширения империи.

Пифагор считал, что первопричина не подвержена страданию и порче, а также недоступна чувствам и невидима, но только умопостижима. И Нума, следуя ему, заповедовал римлянам, что Бог не имеет ни человеческого, ни животного облика. Поэтому сначала в Риме не было ни рисованного, ни скульптурного изображения Бога. И долго в храмах [римлян] не было ни статуи Божества, ни его образа. Ибо Нума считал, по свидетельству Плутарха⁴⁴, что кощунственно передавать вещи божественные через земные, поскольку познать их можно только посредством ума. По этой же причине, как говорят, Магомет запретил всякие изображения и статуи одушевленных существ, не дозволяя, чтобы в его мечетях, т.е. храмах, находились какие-либо вещи, кроме горящих в вышине ламп, [расположенных] в определенном порядке, и

⁴⁴ См.: *Plut. Num. II.*

циновок, разостланных по полу, дабы можно было вставать на колени, и, чтобы [прихожане], вступая [в храм] босыми, не простужались.

Солон, давая афинянам свои законы, написал их греческим стихом; Магомет свой Коран – в арабском метре.

Ассирийцы выдумали множество историй о царице Семирамиде, которая построила Вавилон; персы – о Кире, который основал их царство; римляне — о Ромуле, который положил начало Риму и Римской империи. Однако магометане превзошли всех в выдумках о своем Магомете, бесконечно превознося его как самого выдающегося человека в мире. Они искусно сложили о его мнимом превосходстве множество басен, о которых мы уже говорили, дабы все еще больше восхищались им и дабы привлечь в его веру как можно больше людей.

Могущество арабов, или сарацинов, в сравнении с римским, македонским, персидским, парфянским, ассирийским и египетским

Плиний, говоря об арабах, утверждает, что они не были ниже какого-либо народа в мире. Получив закон от Магомета, их соплеменника, они стали называться сарацинами. И за короткий срок после принятия этой религии они совершили многие завоевания, подчинив немало земель, захватив и разрушив города, опустошив страны, сокрушив царства и, что примечательно, Восточную Римскую империю.

Но не успев расширить свои владения, они погрузились в раздоры и разделились под главенством двух халифов. Один из них утвердился в Багдаде в Ассирии, правя всем Востоком; другой — в Египте, завоевав всю остальную Варварию и Испанию. [Таким образом], несмотря на то, что [арабы] достигли великого могущества и исповедовали все одну религию (или с незначительными различиями, ведь они называли друг друга схизматиками), у них не было единой империи, и они не подчинялись единому верховному монарху, который находил бы в столице, как это было у ассирийцев, персов, парфян и римлян.

Так, разделившись под главенством множества враждующих правителей, они воевали между собой. Вот почему они ослабели столь же быстро, как и усилились. Ибо первыми турки, покинув пределы Северо-Восточной Азии, благодаря распрям между двумя халифами отняли у них Персию и захватили Багдадский халифат с наилучшей

частью Малой Азии⁴⁵, став [при этом] магометанами. Однако латинские христиане во главе с Годфридом Бульонским⁴⁶ и хорезмийцы разбили турок⁴⁷. После разгрома латинян и хорезмийцев, из той же части света, откуда прежде появились турки, вышли татары. Они вмиг промчались по большей части Севера, Востока и Юга. Затем, двигаясь на запад, они покорили рутенов, литовцев, поляков и дошли до Венгрии, Австрии и Германии⁴⁸. И если бы они [стремились] к объединению или если бы уже были объединены, то им не было бы равных по силе. Но они [и по сей день] раздроблены на отдельные орды прекопийцев⁴⁹, заногланов, ногайцев, козанайцев⁵⁰. И одни из них управляются царями, а другие живут республиками.

Сравнение учености арабской, или сарацинской, с греческой, египетской, халдейской, персидской и римской, или латинской

Как ученость греков и римлян возросла вместе с их военным могуществом, так произошло и с ученостью у арабов, или сарацинов. И в то время, когда они были самыми могущественными в мире, они стали очень учеными, особенно в науках доказательных. Наивысшую похвалу среди них стяжали Авиценна, Альбумасар, Гебер и Аверроэс. Авиценна был у них самым разносторонним, выдающимся в философии, в математике, в их теологии, в арабской поэзии, а также писал [в области] медицины, великолепно описав, по мнению наиболее ученых в этом искусстве, симптомы и причины болезней и применив к ним ряд лекарств, о которых не знали и которые не использовали греки и римляне. Аверроэс глубоко истолковал всего Аристотеля. Альбумасар

⁴⁵ В первой половине XI в. азиатские владения арабов были захвачены турками-сельджуками.

⁴⁶ Имеется в виду первый крестовый поход (1096–1099 гг.), одним из предводителей которого был Годфрид Бульонский, ставший по его окончании королем Иерусалимским.

⁴⁷ В 1194 г. войска хорезмшаха Ала-эд-Дина освободили Хорезм от турок, захваченный теми в XI в.

⁴⁸ Речь идет о монгольских завоеваниях, проходивших в течение почти всего XIII в. В 1241–1242 гг. монголы вторглись в Центральную Европу.

⁴⁹ Prescopiens — прикаспийские татары?

⁵⁰ Cosaniens — казанские татары?

в совершенстве разумел в движении небесных [светил] и в их влияниях, открыв великие конъюнкции⁵¹ и ряд иных прекрасных вещей, которые прежде были неизвестны. Гебер, очень сведущий математик, нашел ошибки в доказательствах Птолемея в «Альмагесте».⁵² И другие [ученые] в различных науках изобрели множество прекрасных вещей или улучшили изобретенные прежде. То были персы, сирийцы, египтяне, африканцы, испанцы, писавшие на арабском, которых изучали в школах Запада до возрождения греческого и латинского языков.

Вот то, чего я кратко хотел коснуться, дабы было известно, что вся ученость не охватывается теми двумя языками и что арабским не следует пренебрегать, поскольку он содержит в себе добрую часть [знания].

Арабы обрели себе такую известность в математике, что Альфонс, король Кастилии⁵³, приступив к составлению своих астрономических таблиц, основную помощь получил от них, ибо они одни в ту пору могли возродить те науки и обучить им. Он щедро наградил их за это, дав четыреста тысяч экю, подражая в том Александру [Великому], который, дабы познать природу животных, заплатил такую же сумму Аристотелю.⁵⁴

Но, видя, что люди, чрезмерно предаваясь философии и математике, мало интересовались их законом, халифы основали школы, где преподавался и изучался Коран. В этих университетах они заменили чтение философии на изучение Корана, предписав, что всякий, кто учит Коран, впредь не должен заниматься философией. Это привело к упадку в занятиях и другими науками во многих местах, но не повсюду

⁵¹ Великие конъюнкции — в астрологии особое соотношение координат Юпитера и Сатурна, влекущее значительные перемены в жизни человечества.

⁵² Речь идет об известном астрономическом трактате Клавдия Птолемея (II в.) «Великое математическое построение астрономии в 13 книгах» («Альмагест» — арабизированное название).

⁵³ Альфонс X Мудрый (1221–1284 гг.) — король Кастилии и Леона с 1252 г. Известен не только своей активной внутренней и внешней политикой, но и своим покровительством наукам. По его приказу в академии Толедо были составлены астрономические таблицы, в которых были учтены наблюдения арабских астрономов.

⁵⁴ Речь идет о трактатах Аристотеля «История животных» и др.

ду, ибо в Персии сегодня имеются весьма ученые философы и астрологи.

Сравнение языка арабского с греческим, латинским и еврейским

Когда греки и римляне были на вершине своего процветания, господствуя над многими странами, они распространили на [завоеванных] территориях свои языки. И многие люди учились на них говорить либо для того, чтобы угодить [завоевателям], либо для того, чтобы вступать с ними в сношения. Затем христианская религия стала пользоваться ими, сохраняя и распространяя их во многих странах. Но они не употребляются сегодня так широко, как арабский язык. Он является общим почти для всей обитаемой Азии, Африки и для третьей части Европы. На нем излагаются все науки и Коран, которому следует половина мира и [даже] больше. Таким же образом и мы употребляем у нас латынь, которая отличается от разговорных языков и которой пользуются лишь те, кто изучал ее в школах.

Арабский похож на еврейский, сирийский и халдейский языки тем, что на нем пишут, как и на них, справа налево, с точками вместо гласных, и кроме того рядом общих вокабул и сходным построением фразы. Однако арабский язык имеет свои собственные буквы. Он сильно отличается от греческого и латыни, поскольку на них пишут слева направо.

Франсуа Фенелон

МАЛЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Франсуа де Салиньяк де Ла Мот Фенелон (1651–1715 гг.) — именитый прелат, моралист, богослов и писатель Франции XVII в. Выходец из древней аристократической семьи, он с 1689 г. являлся наставником герцога Бургундского, внука Людовика XIV. В 1693 г. Фенелон был избран членом Французской Академии, а в 1695 г. назначен архиепископом Камбре. Творческое наследие Фенелона дает представление о разнообразии его интересов и позволяет говорить о нем не как о последнем писателе XVII в., а как о первом в блестящем

ряду независимых умов XVIII столетия. Многочисленные труды этой незаурядной личности посвящены различным вопросам политики, истории, словесности и богословия. В трех небольших исторических сочинениях, переводы которых впервые публикуются на русском языке, Фенелон предстает как человек, умело использующий историческое знание в самых разнообразных целях. «Письмо герцогу де Бовилье» написано в форме предисловия к не дошедшей до нас «Истории Карла Великого», составленной специально для воспитанника Фенелона герцога Бургундского, на которого его воспитатель возлагал большие надежды как на возможного наследника престола. Из письма видно, что Фенелон стремился в своем жизнеописании великого императора представить образец мудрого и справедливого правителя, достойного примера для подражания.

Учитывая интерес к антикварным исследованиям, которые были весьма популярны у французских интеллектуалов XVI–XVII вв., Фенелон создает литературный пастиш «Медаль». Он сочиняет фиктивное письмо, которое якобы было получено им от известного ученого Пьера Бейля. Используя образы античности, автор обращается к современной ему действительности и предостерегает юного наследника от несправедного пути Калигулы и Нерона.

Что касается «Записки о суверенитете Камбре», то она позволяет увидеть еще одну форму диалога Фенелона с историей, которая на этот раз призвана обосновать определенную церковно-политическую позицию. Фенелон предстает здесь как блестящий политик и церковный деятель, защищающий интересы своей епархии.

Перевод выполнен Л. А. Царьковой по изданию: *Oeuvres de Fénelon, archevêque-duc de Cambrai*. Vol. 10. Paris, 1822. P. 374–380, 391–393, 399–401.

ПИСЬМО ГЕРЦОГУ ДЕ БОВИЛЬЕ¹ ПО ПОВОДУ ИСТОРИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО

История Карла Великого имеет свои красоты и свои изъяны. Ее красоты, как вы знаете, заключаются в величии событий и в чудесном характере государя. Найдется ли кто-либо более обходительный и более достойный, чтобы служить примером для подражания во все времена? Нам даже доставляет удовольствие находить некоторые недостатки среди стольких добродетелей и талантов. Хорошо известно, что он вовсе не герой, призванный развлечь читателя, как герои романов, которые, будучи слишком совершенными, становятся химерическими. Вполне возможно, что в Карле Великом отыщут много такого, что не понравится, но может быть это не будет его вина, и что это неприятие будет происходить от слишком большой разницы нравов его и нашего времени. То, что он был христианином, возвышает его над всеми языческими героями, а то, что он был удачливым во всех своих начинаниях, делает его образцом более привлекательным, чем Св. Людовик². Я даже не думаю, что можно было бы найти короля более достойного для изучения во всем или власть более великую, чтобы преподать уроки тому, кому предстоит править. Поэтому я совершенно уверен в том, что история его жизни сможет нам очень помочь привить монсеньору герцогу Бургундскому понятия и правила, какие он обязан иметь. Вы знаете, месье, что у меня не было ни малейшего помышления вмешиваться в его воспитание, когда я сделал это краткое изложение жизни Карла Великого, и никто лучше вас не может знать, как меня обязали ее описать. Мои намерения были честными и простыми. Меня не смогли бы читать, если бы не знали, что я иду прямым путем и, может быть, слишком прямым.

Что касается недостатков этой истории, они велики, не говоря уж о тех, которые добавил я сам. Первые историки этой жизни не

¹ Бовилье Поль, герцог де (1648–1714 гг.) — французский государственный деятель, с 1685 г. председатель государственного совета финансов, с 1689 г. воспитатель, а затем обер-камергер герцога Бургундского, с 1690 г. воспитатель герцога Анжуйского, с 1693 г. герцога Беррийского. Ближайший друг и покровитель Фенелона.

² Людовик IX Святой (1214–1270 гг.) — французский король из династии Капетингов; вступил на престол в 1226 г. Канонизирован в 1297 г.

смогли ни рассказать, ни выбрать факты, ни связать их вместе, ни показать последовательности событий; так что они оставили нам неясные свидетельства, лишённые всех тех подробностей, которые могут поразить и заинтересовать читателя; одним словом [их свидетельства] полны скучного однообразия. Это всегда одно и то же: неприменный поход против саксов, которые как всегда терпят поражение, затем празднества и обязательные разговоры. О том, что было бы любопытно узнать, историки замалчивают; нет никакой единой линии исторического [повествования], почти никогда нет событий, которые были бы связаны друг с другом и которые можно было бы читать с желанием узнать развязку. Каково же лекарство от этого? Невозможно дополнить то, чего не достаёт, и лучше оставить историю во всей её суровости, чем оживлять её в ущерб истине. Итак, вот письмо, похожее на предисловие, и я чувствую, что взял верный тон. Остаюсь, месье, с искренним почтением вашим наисмирнейшим и наипокорнейшим слугой.

МЕДАЛЬ

Думаю, месье, что мне не придётся напрасно потерять время, сообщая вам о событии чрезвычайно любопытном, и о чем вы не преминете поразмыслить. У нас в стране есть ученый, по фамилии М. Ванден, ведущий обширную переписку с антикварами Италии; он утверждает, что получил от них античную медаль, которую я до сих пор не смог увидеть, но с которой он отчеканил очень удачные копии, и эти копии распространятся вскоре, по всей вероятности, во всех странах, где есть интересующиеся ими. Надеюсь, что в течение ближайшего времени я вам отправлю одну из них. Пока же опишу вам её как можно точнее.

На одной стороне этой медали, большой по размеру, изображен ребенок с очень красивым и очень благородным лицом. Афина Паллада прикрывает его своим щитом, три Грации усыпают его путь цветами; Аполлон, сопровождаемый Музами, подносит ему свою лиру. Венера появляется на небе в колеснице, запряженной голубями и бросает на него свой пояс³; Виктория одной рукой указывает на триум-

³ В поясе Афродиты заключены любовь, желание, обольщение; этот пояс Афродита передала Гере, чтобы соблазнить Зевса.

фальную колесницу, другой — подносит ему венец. Слова взяты из Горация: *Non sine diis animosus infans*⁴. Обратная сторона медали совсем другая. Явно, что это тот же самый ребенок, так как его можно сразу узнать по лицу, но вокруг него — лишь гротескные и безобразные маски, ядовитые рептилии, такие как гадюки и другие змеи, насекомые, совы, наконец, мерзкие гарпии, распространяющие свое зловоние повсюду и разрывающие все своими крючковатыми когтями. Здесь же толпа бесстыдных и насмехающихся сатиров, которые принимают самые неожиданные позы, смеются и указывают пальцем на хвост чудовищной рыбы, которым заканчивается тело этого прекрасного ребенка. Внизу читаем слова, которые, как вы знаете, тоже принадлежат Горацию: *Turpiter atrum desinit in piscem*⁵.

Ученые прилагают много усилий, чтобы найти причину, по которой эта медаль могла быть отпечатана в античности. Некоторые из них утверждают, что на ней изображен Калигула, который, будучи сыном Германика, в детстве подавал большие надежды для процветания империи, но оказался впоследствии чудовищем. Другие полагают, что это все было сделано для Нерона, начало царствования которого было таким прекрасным, а конец — таким ужасным. И те и другие соглашаются, что речь идет о юном блестящем государе, много обещавшем, но все надежды на которого были обманчивы. Но находятся и такие ученые, более недоверчивые, которые решительно отрицают, что эта медаль античная. Таинственность, с которой ведет себя М. Ванден, пряча оригинал, вызывает большие подозрения. Некоторым [ученым] представляется, что на медали изображено нечто, касающееся нашего времени; может быть, она означает большие надежды, которые обернутся большими несчастьями; кажется, что некто во злобе хотел бы обнаружить в ней какого-то юного государя, все прекрасные качества которого стараются преуменьшить приписываемыми ему недостатками. Однако М. Ванден не только человек любознательный, но еще и политик, крепко связанный с принцем Оранским, с согласия которого, как предполагают, он и хочет разослать эту медаль по всем дворам Европы. Вы рассудите лучше меня, чему здесь можно верить. С меня достаточно сообщить вам эту новость, о которой с большим

⁴ «Мальчик бестрашный, храним богами» (*Hor. Carm. III. 4. 20*).

⁵ «Кончилась снизу уродливой рыбой» (*Hor. De arte poet. 4*).

жаром рассуждают у нас все литераторы, и заверить вас, что я остаюсь всегда вашим наисмирненнейшим и наипокорнейшим слугой.

*Бейль*⁶

Амстердам, 4 мая 1691 г.

ЗАПИСКА О СУВЕРЕНИТЕТЕ КАМБРЕ

Полагаю, что мой долгом является вновь сообщить королю с наиболее подлинным усердием и глубочайшим почтением о тех событиях, о которых я уже прежде осмелился ему говорить, для его пользы и без малейшей собственной выгоды. Слухи о близком мире⁷, которые прежние враги распространяют по всей Европе, заставили меня задуматься, во благо его величества и церкви Камбре, о статье, которая могла бы легко войти в трактат о мире.

Вот о чем идет речь.

1. Императоры Германии отдали Камбрейскому епископу город Камбре со всей [областью] Камбрези⁸ около 700 лет назад. Тогда [эта область] Камбрези была гораздо обширнее, чем теперь.

2. Со времени этих древних дарений, подтвержденных императорами, преемниками прежних, епископы Камбре всегда обладали суверенитетом над Камбре и Камбрези в качестве князей Империи, подобно другим суверенным епископам Германии.

3. Епископ Камбре даже занимал в Имперском сейме⁹ положение рангом выше, чем епископ Льежа. Еще шестьдесят лет назад эта привилегия сохранялась, и представители Камбрейской церкви посылались в сейм.

4. Верно, что графы Имперской Фландрии являлись покровителями церкви Камбре и что короли Испании, они же графы Фландрии, решили воспользоваться этим покровительством, чтобы под его предлогом утвердить свою власть в Камбре: но ясно, как божий день, что

⁶ Бейль Пьер (1647–1706 гг.) — один из влиятельнейших французских мыслителей XVII века. Из-за религиозных преследований был вынужден покинуть Францию и жить в Голландии.

⁷ Речь идет о войне за испанское наследство (1700–1714 гг.).

⁸ Камбрези — небольшая область, входящая ныне в Северный департамент Франции. До 1678 г. была частью испанских Нидерландов. Главный город — Камбре.

⁹ Те рейхстаг.

простой покровитель не имеет никакой власти, кроме как власти в рамках церкви, которую он обязан защищать и которой подчинился. Так же верно, что короли Франции, имея в виду, что Камбре находится в таком близком соседстве с Парижем и так уязвим перед вторжением врагов, пожелали, со своей стороны, стать кастелянами¹⁰ епископов, чтобы тоже участвовать в управлении городом. Но каждый знает, что кастелян епископа не превосходит епископа властью и является в этом звании лишь его должностным лицом и его вассалом.

5. События развивались подобным образом, когда Карл V, опасаясь, как бы французы не захватили Камбре, захватил его сам, построил там крепость и отдал ее в управление своему сыну Филиппу II, со званием бургграфа¹¹. Он предпринял этот шаг в качестве императора, от которого суверенный епископ Камбре был зависим. Местным епископам удалось сохранить свой суверенитет над городом и всей областью, хотя Филипп и носил имя защитника крепости.

6. В дальнейшем герцог Д'Алансон¹², принц Франции, пришедший в Нидерланды с титулом герцога Брабантского, овладел крепостью Камбре путем тайного сговора с бароном Д'Энши, под чьим командованием она находилась.

7. Герцог Д'Алансон, вскоре покинув Нидерланды, чтобы вернуться во Францию, оставил в крепости Баланы¹³: тот установил жестокую тиранию в городе и в окрестностях, где его имя остается до сих пор ненавистным.

8. Граф де Фуентес¹⁴, генерал испанской армии, осадил крепость и взял у Баланы Камбре.

¹⁰ Кастелян — смотритель замка, двора. В средние века во Франции были местности, владельцы которых носили титул кастеляна. В их руках была сосредоточена гражданская и военная власть.

¹¹ Бургграф — должностное лицо короля или епископа в германских средневековых городах, обладавшее административной, военной и судебной властью.

¹² Герцог д'Алансон — Франциск Валуа, герцог Алансонский, затем герцог Анжуйский, младший брат Карла IX.

¹³ Баланы Жан Монпюк де (1545–1603 гг.) — известный французский военачальник, маршал Франции.

¹⁴ Фуентес дон Педро-Эрик д'Азеведо, граф де (1560–1643 гг.) — испанский генерал, сражался в Нидерландах под командованием наместника Алессандро Фарнезе.

9. До этого времени испанцы позволяли архиепископу Камбре мирно осуществлять права суверена; но так как Баланьи насильно лишил его этого права во время своего незаконного правления, испанцы поступили, как Баланьи, победу над которым они одержали, и узурпировали власть над всей [областью] Камбрези, за исключением кастелянства Като¹⁵, которое остается вольным и по сей день.

10. Однако они сохранили за архиепископом право посылать представителей от его церкви в Имперский сейм. Их посылали туда во время почти всего владычества Испании.

11. Между тем архиепископы убедительно доказывали совету по делам веры при короле Испании, что он не может и далее, не совершая ужаснейшую несправедливость, продолжать явную узурпацию [прав местной церкви]. Они обосновывали свое право и очевидность своей власти шестью веками суверенного управления [этой областью]. Они добавляли, что Баланьи несомненно был отвратительнейшим тираном, и что победа, одержанная испанцами над человеком, который не имел никакого права, на самом деле не должна нанести ущерб церкви, которой этот суверенитет действительно принадлежал, и следовательно эта победа над узурпатором не означала победу над законным владельцем.

12. Испанский король Филипп IV¹⁶ под давлением убедительных доводов, которые ему представил его совет по делам веры, сделал, наконец, тогдашнему архиепископу Камбре, чтобы того удовлетворить, два предложения.

13. Первое состояло в том, чтобы вернуть ему все без исключения права суверенитета над городом и над городским управлением, над областью и над штатами при условии, что испанский король имел бы в крепости и в городе гарнизон своих войск для защиты этого места от французов, которые, если не прибегнуть к такой необходимой предосторожности, не преминут овладеть им внезапно.

14. Второе предложение состояло в том, чтобы возместить утрату суверенитета церкви Камбре, предоставив архиепископу графство

¹⁵ Округ города Като-Камбрези, на реке Сельк к востоку от Камбре.

¹⁶ Филипп IV Габсбург (1605–1665 гг.) — испанский король в 1621–1665 гг.

д'Алост¹⁷, а капитулу¹⁸ метрополии — землю Лессинеса¹⁹, приносящую немалый доход.

15. Архиепископ и капитул отказались от этих предложений; и вследствие этого отказа они лишились своего суверенитета без малейшего возмещения убытков.

16. Победа короля [Франции] последовала в 1677 году²⁰. Но так как его величество слишком справедлив и набожен, чтобы стремиться к победе и над церковью с целью лишить ее того, что ей принадлежит, совершенно ясно, что он хотел только отобрать Камбре у испанцев, поскольку те не имели [на него] ни малейшего права; [но], значит, и победа над ними не давала никакого законного права на это место королю [Франции]. Так как испанцы своей победой могли только продолжить узурпацию, начатую Баланьи, следовательно, его величество своей победой сделал только то, что лишил испанских захватчиков власти [над Камбре], не желая при этом отторгнуть от церкви то, что бесспорно принадлежит ей.

17. Известно, что его величество получил по Нимвегенскому мирному договору права от испанского короля на Камбре и Камбрези. Но передача права от того, кто не имеет никакого права, без сомнения недействительна и не имеет силы. Добиваться передачи этого права следовало бы от Империи и от архиепископа Камбре — истинного и действительного обладателя этого права. Передача [Камбре] королем Испании подобна тому, как если бы я передал Пьеру, в ущерб Поля, землю последнего, на которую у меня нет никакого права: такая передача права недействительна.

18. В 1696 году я осмелился предложить его величеству приобрести у Империи и у архиепископа право суверенитета [над Камбре] законным образом по мирному договору, который должен был в то

¹⁷ Древнее графство в восточной Фландрии в долине реки Дандр.

¹⁸ Капитул — коллегия духовных лиц в католической церкви, состоящая при епископе и его кафедре.

¹⁹ Лессинес (Лессин) — город на реке Дандр в северном Геннегау в испанских Нидерландах к югу от графства Алост. Округ Лессинеса был знаменит добычей соли.

²⁰ Речь идет о захвате Камбре после тяжелой осады в ходе войны 1672—1678 гг., закончившейся Нимвегенским миром.

время положить конец войне, начавшейся в 1688 году²¹. Но, вероятно, эта статья была забыта, когда приняли Рисвикский договор.

19. Теперь нужно было бы ввести эту передачу права в мирный договор, о котором говорят повсюду. Эта передача права очень бы успокоила совесть короля и закрепила бы навсегда Камбре за Францией; без этой передачи права Империя имела бы возможность в менее благоприятные времена оспорить у нашего короля этот очень важный город, который находится так близко от Парижа.

20. В этом вопросе не нужно было бы сомневаться и делать его предметом переговоров, боясь, как бы враги не заставили нас за это заплатить; было бы достаточно потребовать этой статьи как чистой формальности после завершения всех переговоров, когда все остальное было бы уже согласовано и закреплено на бумаге.

21. Его величество, который столь ревностно служит церкви и далек от того, чтобы обездолжить ее без малейшего возмещения ущерба, смог бы взять на себя обязательство предоставить такое возмещение, когда мир позволит это сделать.

22. Что касается меня, я был бы рад подписаться под этой передачей права, которая бы обеспечила за королем и государством столь важный пункт. Я бы без малейшего колебания отказался от светской власти, которая была лишь источником беспорядков и злоупотреблений для духовной власти нашей церкви, подобно тем чудовищным [беспорядкам и злоупотреблениям], какие мы видим в Льеже и других городах Германии.

23. Папа разрешил бы и утвердил без труда передачу мной этого права; Империя сделала бы это в договоре.

24. Я не испросил бы никакого личного вознаграждения, а если бы король предоставил архиепископству доходы и почести, я без труда согласился бы никогда не пользоваться ими лично, но сохранил бы их для своих преемников.

²¹ Т.е. войне с Аутсбургской лигой 1688–1697 гг., закончившейся Рисвикским миром.

**СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
КЛАВДИИ ДМИТРИЕВНЫ АВДЕЕВОЙ**
(составлен В. М. Тюленевым)

1. Ранние огораживания и борьба за общинные земли в Англии в XIII в.: Автореф. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1951.

2. Борьба за общинные земли в Англии в XIII в. // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 102. Л., 1955. С. 341–368.

3. Ранние огораживания в Англии в XIII в. // Средние века. Вып. 6. М., 1955. С. 123–151.

4. К истории английского землевладения накануне буржуазной революции // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 3. Л., 1955. С. 104–107.

5. Из истории английского землевладения накануне буржуазной революции XVII века (по материалам “манорных передвижений”, опубликованным в Victoria History of the Counties of England) // Средние века. Вып. 13. М., 1958. С. 49–66.

6. (с коллективом авторов) Очерки истории Англии / Под. ред. Г. Р. Левина. М., 1959.

7. (в соавторстве с А. М. Беловым) На острове “Утопия”: Книга для чтения учащихся 6–7 классов. М., 1959.

8. Юридическая теория XIII века о происхождении и характере общинных прав в Англии // Средние века. Вып. 21. М., 1962. С. 170–185.

9. Из истории английского землевладения после буржуазной революции // XX Герценовские чтения: Ист. науки. Л., 1967. С. 103–107.

10. Памфлеты // Барг М. А. Народные низы в английской буржуазной революции. М., 1967. С. 293–343.

11. Современная историография о системе общинных полей в Англии в средние века // XXI Герценовские чтения: Ист. науки. Л., 1968. С. 93–95.

12. Из истории английского землевладения после буржуазной революции (между 1660–1740 гг.) // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 307. Л., 1969. С. 88–116.

13. Основные проблемы истории феодализма в трудах В. И. Ленина // XXII Герценовские чтения: Ист. науки. Л., 1969. С. 109–112.

14. Внутренняя колонизация и сельская община в Англии в XII–XIII вв. // XXIII Герценовские чтения: Ист. науки. Л., 1970. С. 118–120.

15. Внутренняя колонизация в Англии XI–XIII вв. в современной английской историографии // XXIV Герценовские чтения: Ист. науки. Л., 1971. С. 140–142.

16. Внутренняя колонизация в Сассекских манорах архиепископа Кентерберийского в XIII в. // XXIV Герценовские чтения: Ист. науки. Л., 1971. С. 143–145.

17. О некоторых путях изучения внутренней колонизации в Англии XI–XIII вв. // Там же. С. 137–140.

18. Англия в 1688–1714 гг. // Новая история / Под ред. Е. Е. Юровской, М. А. Полтавского, Н. Е. Застенкера. Ч. 1. М., 1972. С. 66–77.

19. Внутренняя колонизация в англосаксонский период // XXV Герценовские чтения: Ист. науки. Л., 1972. С. 111–113.

20. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI–XIII веках // Там же. С. 114–116.

21. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI–XIII вв. Л., 1973.

22. Внутренняя колонизация в Сассексе в XI – начале XIV вв. // Средние века. Вып. 37. М., 1973. С. 55–82.

23. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI–XIII вв.: Автореф. на соиск. учен. степени докт. ист. наук. Л., 1973.

24. Современная историография о социальных последствиях внутренней колонизации в Англии в XII–XIII вв. // XXVI Герценовские чтения: Ист. науки. Л., 1973. С. 109–114.

25. Социально-экономические предпосылки внутренней колонизации в Англии XI–XIII вв. // Там же. С. 114–118.

26. Современная историография внутренней колонизации в Англии XI–XIII вв. // Проблемы британской истории. М., 1973. С. 242–265.

27. (в соавторстве в М. А. Баргом) Аграрная история (переводы и комментарии) // Лавровский В. М. Сборник документов по истории английской революции. М., 1973. С. 236–269.

28. (в соавторстве в Г. Р. Левиным) Левеллеры и дигтеры (переводы и комментарии) // Там же. С. 289–295.

29. Социально-экономическая политика республики (переводы и комментарии) // Там же. С. 317–333.
30. Внутренняя колонизация в Англии в XI–XIII веках // Средние века. Вып. 39. М., 1975. С. 71–104.
31. [Рецензия] Средневековый город. Вып. 2 / Под. ред. С. М. Стама. Саратов, 1974 // Там же. С. 223–239.
32. Типология внутренней колонизации в Англии в XI – XIII вв. // XXVII Герценовские чтения: Ист. науки. Л., 1974. С. 112–116.
33. Роль внутренней колонизации в образовании мелкой вотчины в Англии XIII в. // XXVIII Герценовские чтения: Ист. науки. Л., 1975
34. Типология внутренней колонизации в Западной Европе в XI–XIII вв. // XXIX Герценовские чтения: Ист. науки. Л., 1976.
35. Социальный аспект внутренней колонизации в Западной Европе в XI–XII вв. (Состав ее участников) // Средние века. Вып. 40. М., 1976. С. 48–67.
36. Внутренняя колонизация и судьбы крестьянства в Англии XII–XIII вв. // Средние века. Вып. 41. М., 1977. С. 5–33.
37. Внутренняя колонизация в Северной Англии в XI – XIII вв. (социально-экономический аспект) // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. Красноярск, 1977. С. 43–57.
38. К проблеме внутренней колонизации в Северной Англии в XI–XIII вв. (историко-географический аспект) // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1978. С. 34–49.
39. (в соавторстве с М. А. Баргом) Дворянское землевладение в Англии XIV в. // Средние века. Вып. 44. М., 1981. С. 157–197.
40. [Рецензия] Bolton J. The medieval English economy, 1150–1500. L.; N.Y., 1980 // Средние века. Вып. 47. М., 1984.
41. Сельскохозяйственная техника и агрикультура в Европе в XIII–XV вв. // История крестьянства в Европе. Т. 2. М., 1986.
42. (в соавторстве с М. А. Баргом) Аграрный пейзаж и колонизация // Там же.
43. (в соавторстве с Н. П. Денисенко) Всеобщая история — по-новому // Вестник высшей школы. № 12. М., 1987.

44. Еще раз о переходе от феодализма к капитализму (по поводу одной международной научной дискуссии на страницах журнала "Past and Present") // Экономическая история: Проблемы и исследования. М., 1987.

45. [Рецензия] История крестьянства в Европе. Т. 3. М., 1986 // Средние века. Вып. 51. М., 1987.

46. Демографические процессы в Западной Европе в XVII веке // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1988.

47. Исторические взгляды Джеймса Гаррингтона // Возрождение: общественно-политическая мысль, философия, наука. Иваново, 1988.

48. (с коллективом авторов) История средних веков. Учебное пособие / Под. ред. М. Л. Абрамсон и К. Д. Авдеевой. М., 1991.

49. (в соавторстве с Е. Л. Лебедевой) Английская буржуазная революция XVII века в трудах М. А. Барга // Европа и Америка на перекрестке эпох. Иваново, 1992. С. 6–21.

50. Макиавелли и становление историзма // Историческое познание: Традиции и новации. Ижевск, 1993. С. 140–142.

51. Джон Локк о физическом и нравственном воспитании // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков. Иваново, 1995. С. 68–85.

52. (в соавторстве с М. А. Баргом) От Макиавелли до Юма: становление историзма. М., 1998.

**ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
ОТ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ ДО ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ
(Исследования и тексты):
Сборник научных трудов памяти Клавдии Дмитриевны Авдеевой**

Лицензия ЛР № 071496 от 01.09.97. Подписано в печать 22.10.2000.

Формат 60 x 84 1/16. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл.печ.л. 16,4. Уч.-изд.л. 13,5. Тираж 200 экз. Заказ 132.

Ивановский государственный университет
153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Издательский центр “Юнона”
153002 Иваново, пр. Ленина, 47

**ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ ОТ ПОЗДНЕЙ
АНТИЧНОСТИ ДО ЭПОХИ
ВОЗРОЖДЕНИЯ
(Исследования и тексты)**

